

Annotation

Никита Ивашов – младший лейтенант милиции – по-прежнему служит сыскным воеводой при царе Горохе. И вот новое дело, расследуя которое он не должен уронить авторитет классного опера. Итак, у царя Гороха из секретного сундука похищены чертежи летучего корабля. Все ниточки следствия рвутся умелой и жестокой рукой. Бояре злорадствуют и формируют альтернативные комиссии по розыску и поимке. Никите и его сотрудникам – эксперту Бабе Яге и доброму, но дубоватому помощнику Митьке – предстоит провести трудные и опасные розыскные мероприятия, чтобы найти похитителей чертежей и защитить честь милицейского мундира.

- [Андрей Белянин](#)
 -
 - [Веселые детективы фантаста Андрея Белянина](#)
-

Андрей Белянин

Летучий корабль

...Петушиный крик раздался как-то осторожно и приглушенно. Я уже полчаса сидел у подоконника в трусах и майке, держа под рукой два связанных тапочка на манер австралийских бумерангов. И он, гад, знал, что я сижу в засаде... Поэтому на тын взлететь опасался, а из-за тына кукареканье не получалось таким уж душевно-забористым. Наконец он вытянул шею – ненавистная башка со свисающим набок гребешком показалась в поле моего зрения.

– Ку-ка-а-уп! – Тапок просвистел в миллиметре от распахнутого клюва.

Пернатый злодей вновь нырнул в укрытие, явно готовя повторную диверсию. Выбора нет – или я его выдрессирую, или он меня своими побудками доведет до членовредительства. За забором раздалось неуверенное кудахтанье и какая-то возня. Я выпрямился в полный рост, размахнулся от плеча и... Когда из-за тына поднялся доверчиво улыбающийся Митька с петухом в руках – метко брошенный тапок угодил ему прямо в лоб! Наглый петух мгновенно вырвался на свободу и, вспорхнув на забор, обложил своим кукареканьем нас обоих как хотел...

Утро началось несахарно...

– Никитушка, ты, что ли, встал уже, сокол ясный?

Это Яга, моя домохозяйка, одновременно и кухарка, и прачка, и уборщица, и штатный специалист, – эксперт по части криминалистики. Бабуля – бесценна, она старейший и уважаемый сотрудник нашего отделения, мы на нее Богу молимся. Снизу из-за забора вновь высунулся Митька, приветственно помахивая мне двумя подобранными тапками. Дмитрий Лобов, двухаршинный улыбчивый паренек, приставленный к отделению из соображений воспитательного плана. У себя в Подберезовке он оказался абсолютно неприспособлен к размеренному крестьянскому труду по причине немереной силы, недалекого ума и неиссякаемого творческого энтузиазма. Лично я его раз десять увольнял... Яга заступалась, лоботряса брали обратно с очередным испытательным сроком, в конце концов он у нас так и прижился. Ну а я, младший лейтенант московской милиции Никита Ивашов, как вы понимаете, осуществляю в родном Лукошкине функции начальника отделения. Почему родном?

Знаете, я здесь уже полгода и первое время только и думал, как вернуться обратно в свой мир. Не то чтобы здесь так уж плохо... Милицейская служба востребована во все времена, даже при царе Горохе, тем более что царь у нас деятельный и работать при нем интересно. Но домой все же тянуло страшно. Потом одно дело, второе, третье, кражи мелкие, профилактические операции, общественно-разъяснительная деятельность, как-то отвлекся... А уж когда ухнуло памятное дело о перстне с хризопразом – тогда и стало ясно, где моя настоящая родина. Не в далекой, затерянной в будущем коммерческой Москве конца двадцатого столетия, а в небольшом городке Лукошкино, в древней полусказочной Руси, где простому народу без защиты родной милиции ну никак...

– Доброе утро, бабушка! – К завтраку я обычно спускался вниз в горницу при полном параде, только что без фуражки и кителя. В праздничных кафтанах того времени я и чувствовал себя неуютно и выглядел как Иван – кулацкий сын.

– Доброе утро, Никитушка, – приветливо улыбнулась Яга. Выпирающие желтые клыки делали ее оскал особенно запоминающимся. – А я уж сама наверх идти хотела, тебя будить. Давай-ка к столу, пока кашка гречневая на молоке да меде остыть не успела.

– Уже сел, а вы что ж?

– Да я-то старуха, я запахами из печи сыта бываю... А ты садись – кушай, моего слова слушай. Буду говорить речи важные, неказенные, небумажные. Только ты ешь-наедайся, а моего совета не чурайся...

– Бабуля, да вы ж тут прямо стихами и чешете! – искренне удивился я. – У нас что, сегодня утренник народного фольклора?

– Не сбивай, Никита! О серьезном деле с тобой говорю, потому и слова такие. Не всякому зверю берлога – кому и нора, не всякой птице болото – кому и гора. Так и не всякому молодцу – холостяцтво к лицу.

– Ум... н... упс! – Я едва не поперхнулся горячей кашей. – Бабуля, предупреждать же надо!

– А поделом тебе, ешь да не оговаривайся! – невозмутимо продолжала Яга, уставясь на меня самым строгим взглядом. – Сказано ведь, ровно голубю – без голубицы, добру коню – без кобылицы, так и храброму молодцу без души-девицы не житье – срам один!

– Между прочим, в законодательстве некоторых стран подобные провокационные разговоры могут классифицироваться как давление на сотрудника правоохранительных органов.

– Никитушка, милый, да не давлю я на тебя, не давлю! А только люди говорят всякое... Дескать, что-то, видать, не так у нашего участкового – в

церковь не ходит, на красных девок не заглядывается, с дружками не бражничает, по праздникам забавами молодецкими не тешится.

– Знаю я их забавы – кулачные бои стенка на стенку да за сапогами на столб лазить! Бабуль, ну вы представляете, чтоб работник милиции ради забавы молодецкой по воскресеньям народу носы квасил?! И в церковь я хожу! Два раза ходил уже... Беседовал с отцом Кондратом по поводу пьянок в его церковном хоре. А насчет бражничанья... так нас Горох на той неделе, помните, как накачал? Я ж верхом на Митьке до отделения добирался, благо, он как поддаст – милицейскую сирену очень уж старательно изображает. Чем я им еще не угодил?

– Про девок красных забыл...

– Это сестры Малаховы с соседней улицы? Эти – красные, слов нет! Каждый вечер фланируют строем под окнами отделения, семечки плюют на метр против ветра, а у самих лица такие кра-а-асные...

– Так то румянец девичий, от смущения, – доходчиво пояснила Яга, но я был непреклонен:

– Бабуля, давайте прекратим прения и дружно перейдем к чаю. Вопросом повального поиска Василис Прекрасных торжественно обещаю заняться после Нового года!

– Дак ить осень на носу, самое бы время свадебку... – тихо повздыхала моя домохозяйка, но взялась за самовар. К концу третьей чашки в дверь деликатно бухнули пудовым кулаком.

– Батюшка сыскной воевода, гонцы к вам царевы с делом спешным! – деловым тоном профессионального секретаря проорал из сеней верный Митька.

– Зови. – Важно кивнув Бабе Яге, я встал с лавки поприветствовать двух стрельцов и молоденького дьяка из думского приказа. Парнишке едва ли исполнилось восемнадцать, но он изо всех сил старался выглядеть посолиднее.

– Поклон тебе, сыскной воевода!

– И вам здрастье. Что там у государя за проблемы?

– Дело у царя к тебе спешное да неотложное...

– Ага, у нас все дела спешные... – Идти куда-либо сразу после плотного завтрака представлялось сущим самоистязанием. – Государь небось опять очередной милашке золотые серьги подарил, а какой – не помнит, просит отыскать, да?

Стрельцы ухмыльнулись в усы, а юный дьяк так покраснел, что я, сжалившись, выдвинул более пристойную версию:

– Любимого коня цыгане свистнули? Бояре в думе из-за бюджета

передрались? Ключница пропала, к подвалам не подойдешь, а у государя меда сорокаградусного для излечения не хватило? Тоже нет?! Господи, да что же там у вас?.. Неужели дьяк Филимон свои мемуары за границей большим тиражом выпустил, гад?!

– Не... не это... – сбивчиво залепетал несчастный. – Царь-батюшка наш прибыть во дворец просит немедля. Дело у него тайное, военное... И спешное-е-е...

– А милиция-то здесь при чем?

– Никитушка, – тихо вмешалась Яга, – уж ты не мучай мальчонку, сделай милость – сходи. Ты ж Гороха знаешь: сей же час не придешь – он посыльных под кнут отправит. В отделении на утро вроде и дел-то нет, а ежели что, я уж тут присмотрю. Сходи, уважь старуху, не пожалей сапог. А хошь, я Митьке крикну, чтоб кобылу запрягал?

Я пожал плечами: в конце концов, почему бы и нет? К царю идти в любом случае придется. После разгрома Черной Мессы Горох оценил мои дипломатические способности и теперь частенько советовался по разным вопросам государственной политики. Не знаю уж, чего у него там «спешного-военного», но прокатиться в телеге по ветерку в принципе не так уж проблемно.

– Ладно, ребята. Возвращайтесь к начальству с чувством выполненного долга. Я буду следом, минут через пятнадцать. Оркестр к подъезду можете не подавать.

Кто бы знал, к каким серьезным последствиям приведет меня это дело... А начиналось все, как видите, буднично...

Конец августа. Еще очень тепло, и воздух напоен ароматами Яблочного Спаса. Крестьяне свозят в столицу урожай, уродились богатые хлеба, жизнь кажется щедрой и сытной, а думать о росте преступности нет ни малейшего желания. Хотя и надо бы... По некоторым сведениям, в Лукошкине сейчас участились случаи мошенничества и тайного грабежа. Ходят слухи о карточных притонах, и неоднократно в отделение захаживали смущенные мужики с просьбой вернуть пропавшие деньги. Пили, дескать, грешным делом, да не вспомнят, где и с кем. В себя приходили на каком-нибудь пустыре, в бурьяне, естественно, без гроша. А некоторые так вообще в одних подштанниках... Ругаешь их, дураков, но и воров тоже ловить надо. Не нравится мне эта мафия шоу-бизнеса местного разлива, пора браться за них всерьез...

Митька, сидя на передке, что-то бубнил себе под нос. То ли ругался, то ли азбуку по-филимоновски повторял, что, впрочем, почти одно и то же... Сам был с утра необыкновенно задумчив и молчалив, наверняка

разрабатывал в голове план очередной облавы на тетку Матрену. У каждого из нас есть свой пункт. У Митьки это вечная борьба за качество и количество кислой капусты. Он ее ведрами может есть, без перерыва, с таким номером впору в цирке выступать, куда слабонервных не пускают. А насчет частушечных намеков Бабы Яги... я же всерьез и не спорю. Жениться человеку, разумеется, надо, и у меня даже были определенные подвижки по этому поводу. Ну, приглянулась слегка одна фройляйн с немецкого подворья. Я там поинтересовался деликатно у посла – фигу, девица еще с пятилетнего возраста помолвлена с сыном кайзеровского портного. Что-либо менять поздно, у них, у католиков, с этим делом строго, да и сама девушка, оказывается, по-русски – ни бельмеса. Почти как я в немецком... Вот такие дела. Ладно, женитьба – не волк, поймаешь – не укусит. В Лукошкине тоже красавицы одна к одной. Ну, хоть вон вроде той смуглой девчонки у кожевенной лавки. Я невольно повернул голову и засмотрелся... Девушка действительно выгодно отличалась от статных городских барышень. Явно деревенская, и по костюму видно, и держится не очень уверенно. Коса черная как смоль, а кожа загорелая, словно после солярия. Глаза большущие, то ли карие, то ли темно-синие, отсюда не видать. Ростом выше среднего и сложена так, что даже под мешковатым сарафаном фигурка чувствуется... Словно бы заметив мой взгляд, девушка обернулась, зыркнула на меня своими выразительными глазницами и скрылась в лавке. Ну вот... сами видите, невест полно, не пропаду я здесь, не переживайте.

На аудиенцию к Гороху я пошел один. Митька рвался вслед, ему тоже любопытно, но пришлось остаться при телеге внизу. Дьяк Филимон словно ждал меня в засаде, набросившись с приветствием еще с первого этажа:

– А и доброго здоровьичка, Никита Иванович! И вам, и бабуленьке Яге, и Митеньке вашему, и всей честной милиции! Давненько к нам не захаживали... Я и беспокоиться начал, уж не заболел ли, часом, наш сыскной воевода? Даже свечку хотел в храме поставить...

– За упокой?

– Во здравие! Зачем же так страшно шутишь, участковый... – широко разулыбался скандальный дьяк. Когда у него во все лицо такая похабная ухмылочка – жди беды! Не мое наблюдение – народная примета. – А я вот грамотку подготовил тебе, уж рассмотри по прибытии.

– Очередной донос? – В последнее время дьяк всерьез вообразил себя единственным борцом за справедливость и закладывал всех подряд.

– Донос и есть! А как же без доносу? Ты ведь, участковый, не взыщи, но не семи пядей во лбу! Глаз на затылке не имеешь, руки всего две, штат

махонький и без еремеевской сотни вообще – тьфу! – не стоишь ничего. Где ж тебе за всеми злоумышленниками уследить?! Вот на то мы и предназначены – бдить да докладывать! Ты рожу-то не криви, загляни в грамотку, там много чего интересного понаписано...

– Побьют ведь вас как-нибудь, Филимон Митрофанович...

– А и побьют, дак за правду и живота не жалко! – патетично объявил дьяк, ожидая похвалы, но мы уже пришли. Стрелецкий караул пропустил меня в царские палаты, а гражданину Груздеву дали от ворот поворот. Доброхотный фискал-энтузиаст попытался что-то напутственно добавить вслед, но не решился. Сволочной человечиска, цены б ему не было в тридцать седьмом...

Горох ждал меня в маленькой комнатке за тронным залом. Обычно этот кабинет предназначался для его переменных пассий, но сейчас на низеньком узорчатом столике лежали... чертежи! Ей-богу, настоящие, добротные чертежи, не слишком соответствующие ГОСТу, но тем не менее вполне рабочие.

– Заходи, Никита Иванович. Рад видеть тебя живым-здоровым.

– И вам мое почтение, надежда-государь. Чем это вы тут развлекаетесь? Решили со скуки научно-техническую революцию устроить?

– Вот я те устрою! – шутливо буркнул Горох и ткнул пальцами в пересечение черных линий. – Ты ведь, участковый, у нас мужик образованный, вот глянь своим оперативным оком – дельная вещь али нет?

Я с некоторым снисхождением пустился перебирать желтоватые листы бумаги и... ахнул! Это были чертежи летательного аппарата! Наверное, удивление было так ясно написано на моем лице, что царь довольно расхохотался:

– Что, укузьмили сиза селезня за мягкое гузнышко?! Ты уж, Никита Иванович, совсем нас за людей темных держишь. Ан вон какую штуковину мои мастера впятером удумали – летучий корабль! Чтоб, значит, по поднебесью аки птаха божия парить! Смотри сюда, вот корпус ладейный, вот крылья, парус опять же, оперение хвостовое, чтоб рулить сподручней было...

– Не полетит, – справившись с собой, авторитетно заявил я.

– Да почему же не полетит?

– По законам гравитации. Тут мотор мощный нужен, дизельное топливо, специальные приборы, совершенно другая конструкция и еще...

– Цыц! Я – царь, дай и мне слово вставить. Теперича вот сюда полюбуйся.

Государь достал из-под стола миниатюрную модель того же самого

летающего фрегата и, показав мне, нажал на какой-то шпенек. Махонькие крылышки вздрогнули, затрепетали, рулевое перо выгнулось дугой, крылья замелькали с невероятной скоростью, и вдруг крохотное суденышко поднялось в воздух, сделало плавный круг над нашими головами и село точно на то же место, откуда только что взлетело! Если бы я не видел этого собственными глазами, то... Горох победно усмехнулся в усы, достал из шкафчика глиняную бутылочку и два стаканчика.

– Отметим такое дело?

– За рождение первой лукошкинской авиалинии! – прокашлялся я, закрыть было нечем.

Сколько ни пытаюсь привыкнуть к чудесам, все равно есть вещи за порогом моего прагматического разума. Мы проболтали не меньше часа, царю хотелось знать все о воздушном флоте, и я охотно рассказывал, что помнил о дельтапланах, планерах, дирижаблях, «кукурузниках», пассажирских лайнерах, истребителях и бомбардировщиках. Горох слушал очень внимательно, хотя, по его же признанию, намеревался использовать проект скорее в торговых, чем в военных целях. Однако не учитывать данный фактор было бы глупо – на летающем корабле вполне можно разместить десяток стрелков, дюжину отчаянных рубак, бочонки с зажигательной смесью и даже пушки. На прощание я посоветовал сунуть чертежи под хороший замок и к мастерам приставить охрану.

– Правильно, – кивнул государь, – другого совета от тебя и не ждал. Беру это дело под свою личную опеку. Все бумаги в сундук, сундук на замок и в место тайное, а ключ я вон на шее рядом с крестом православным ношу.

На том и расстались... Представьте себе мое удивление, когда через два дня Горох собственной персоной, весь в поту и в мыле, ввалился к нам в отделение. Чертежи летучего корабля – похитили! Царь скор на расправу и в этом деле почему-то быстро вывел виноватого – меня...

– Никитка, ограбили меня! Из самого терема царского, из ларца потаенного, из места скрытного чертежи секретные ровно дым по ветру развеялись! – бушевал государь, топая ногами. В сенях толпились ближние бояре, у печки тихо прижупилась Баба Яга, храбрый Митяй залег под лавку, казалось, от грозного монаршего гнева попрятались даже тараканы. – Да что ж ты тут сидишь, дурилка милицейская?! Али не царь-государь перед тобой голос повышать изволит? За что я тебе, казны растратчику, жалованье плачу?!

– За поиск и поимку, но никак не за отсутствие краж вообще. Кражи,

как таковые, были и будут, но если бы прислушивались к моим советам, то всерьез могли бы снизить их количество. И вообще, прекратите орать, гражданин! – Я привстал из-за стола и шагнул к обомлевшему Гороху. – Митя, подай государю табуреточку, бабушка, будьте добры, чего-нибудь успокоительного, и Еремеева ко мне.

Пока наш младший сотрудник на пару с главным экспертом приводили в чувство пришибленного царя, я высунулся в окно, предупредив начальника стрелецкой сотни о срочном перекрытии всех выходов из города. Фома Еремеев – мужик деятельный, не первый день на милицейской службе и лишних вопросов не задает. Если похитители еще не покинули Лукошкино, то через полчаса отсюда и мышь не выбежит.

– А теперь поговорим спокойно: что украли, где, кто обнаружил, кто имел доступ к ключам, кого подозреваете? Говорите не торопясь, я записываю.

– Твоя взяла, участковый... – Горох хряпнул особую настойку валерианы на меду и снизил тон. – Ну как ты себя ведешь? Ведь ровным счетом никакого уважения к сословию... Обращаешься, словно я тут горожанин обыкновенный, а я ить – царь! Как найдешь чертежи, запузрю тебя на каторгу.

– Вот спасибо, – поморщился я. – Служба есть служба, так что давайте без личных обид. Повторяю вопрос: что пропало?

– Чертежи...

– Конкретнее: какие, сколько, формат бумаги, примерный объем и вес?

– Летучего корабля, десять листов, квадраты по полусажени, в рулон свернуты, один человек легко унесет.

– Ну вот... совсем другое дело, – похвалил я. – Продолжим. Где они лежали?

– Да в сундучке же, а место говорить не буду, придешь ко мне в терем – там покажу.

– Кто обнаружил кражу?

– Я и обнаружил. Ткнулся сегодня поутру, а в сундучке-то и пусто.

– Знакомая ситуация... Вроде как в деле о перстне с хризопразом. Может, опять шамаханьы шалят?

– Навряд ли... Перстень, вот он, при себе ношу, покуда оборотней проклятых не указывал.

– Ладно, перейдем к более важному... Кого подозреваете?

– Дык... никого... вроде, – призадумался царь. – Народу в тереме случайного нет, чужаки по палатам не шастают, послов да гостей тоже вроде не было...

– Давайте поставим вопрос иначе: кому это выгодно?

Вот тут Горох крепко почесал в затылке... Как я уже упоминал, человек он прогрессивный и далеко не глупый, сложить два и два сумеет без посторонней помощи и по пустякам паниковать не станет.

– Знаешь, Никита Иванович, а ведь сразу, с маху не ответишь тебе... Ну, прикидываю и так и эдак – да не выгодно никому! Корабль-то этот – штука мудрая, техническая, не всякому злодею по разумению будет. Шамаханцы, те более всего на чародейство черное надеются. Немцы, наоборот, наш ум своему равным не считают, для них наша техника – ровно забавка детская... Кто ж еще?

– Японцы... – раздумчиво предположил я. – Они со всего мира передовые технологии тащут. Радиоэлектроника, компьютерная техника, роботроника у них на уровне самых высоких стандартов.

– Японцы, говоришь? – насупился Горох. – Слышать слышал, а вот видеть не доводилось, нет их у нас в Лукошкине.

– Жаль...

– А точно они чертежи свистнули?

– Нет, нет... это я так, к слову. Ну что же, гражданин, ваше заявление принято, с сегодняшнего дня начинаем работать по этому делу.

– А я?

– А вы, как говорится, идите домой да спать ложитесь – утро вечера мудренее. – Я пожал царю руку, недвусмысленно указывая на дверь.

– Эй-эй, участковый... так не пойдет! – завокнулся государь. – Ты это... того... ты меня от дела не отстраняй, я тоже в раскрытии поучаствовать желаю!

– Но, гражданин...

– Велю голову отрубить! – клятвенно пообещал Горох, глядя на меня самым умоляющим взглядом.

– Ладно, давайте как всегда. Рутинную работу мы берем на себя, а как понадобится брать преступника – я вас вызову.

– Вот спасибо, Никита Иванович! Вот уж уважил царя-батюшку! Вовек твоей доброты не забуду... – Уже в дверях Горох обернулся и напомнил: – Чтоб к вечеру был у меня с докладом о ходе дела!

– Всенепременно.

Когда царский эскорт с помпой укатил по улице, я отошел от окна и попросил у Яги чаю. Бабуля молча поставила самовар и не дыша присела за стол напротив. Я раскрыл блокнот, тупо разглядывая давние записи...

– Организованной преступности у нас в Лукошкине нет. Список наиболее известных воров примерно установлен. Если исключить

карманников и конокрадов, то на подобное дело могли решиться человек десять. Бабушка, вы не слушаете!

– Че? Ой, не кричи так, Никитушка, – встряхнулась Баба Яга, – у меня аж сердце чуть не выскочило.

– Я говорю, что вы меня не слушаете. Вы же все время были здесь, почему молчите? Какое ваше мнение по поводу этой кражи?

– Ох, мила-а-ай... – Моя домохозяйка схватилась руками за голову, вытаращив глаза и покачиваясь из стороны в сторону. – Вгонишь ты меня в гроб на сто лет раньше времени... Кто ж тебя, аспида, учил так с царем разговаривать?! Ты ж на самого государя в голос орешь да кулаком по столу барабанишь... Совсем ума нет, что ли?

– Да будет вам... – даже смутился я. – Мы и не скандалили особенно... так, по делу.

– Дите! Чистое дите, не понимает, с кем говорит... А вот осерчает государь да как загонит все наше отделение к черту на кулички с глаз своих ясных, тогда попомнишь слова мои, грубиян ты невежественный! Да рази ж так надо посетителей принимать? Сюда люди идут с бедой, с горем, судьбой али лихими людьми обиженные, мы им помочь обязаны, а тут сам царь...

– Царь – тоже гражданин, – слабо огрызнулся я.

– Вот и то, что гражданин, а ты ему грубости в нос тычешь. Нехорошо, Никитушка... Ты ить при исполнении.

В общем, пришлось извиняться перед своим же сотрудником. После примиряющего чая было принято решение: в отделении не торчать, а до обеда прогуляться в царский терем. Стоило обследовать место преступления на предмет применения магии. Здесь это было делом самым обыкновенным... Баба Яга – незаменимый спец в таких исследованиях, на ее авторитет можно полагаться полностью. Двое еремеевских стрельцов оставались на охране у ворот, Митьки почему-то не было видно. Странно... Обычно он, при всей своей деятельности, без приказа – со двора ни ногой. Пожав плечами, мы с Ягой отправились к Гороху пешочком. Уже на соседней улице было отмечено массовое скопление народу. Лукошкинцы – люди социально активные, им хлеба не надо – зрелища подавай, а на Малой Базарной, похоже, именно такое зрелище и шло. Видимо, мы с Ягой подумали об одном и том же, поэтому молча, не сговариваясь, направились в ту же сторону. Уже на подходе было видно, какая пестрая толпа народу там собралась. Слышались смех, визг и громкие крики:

– Гляди, православные, как милиция честным людям руки за ноги крутит!

– Какие ж они люди, когда они – цыгане?! И не милиция энто, а Митька беспутный!

– Ой, ромалы-ы! Ой, убил! Совсем убил! Всю руку изломал, да где ж на свете белом справедливость?!

– А ты не суйся, не суйся... Митя наш – человек православный! Раз убивает, значит, есть за что. Ему небось сам участковый разрешил!

– Да, ох и крут порой наш сыскной воевода... По прошлом месяце-то едва ли не все армянское подворье извел! Так же вот Митьку свою, аки пса лютого, науськал... Те, кто выжил, по сей день от укусов чешутся!

– Ай, ромалы-ы! Совсем до смерти убил! Всю убил! Одна за всех муки принимаю! Одна, чавела, насквозь убитая лежу-у-у!

Когда мы пробрались в середину, бедного Митьки уже не было видно. Не знаю уж, чего он там натворил, но здорового парня со всех сторон так облепили беспрестанно вопящие цыганки, что он казался ярко наряженной новогодней елкой. Крикливые юбки резко контрастировали с коричневыми от крика лицами. Ругались одновременно все, причудливо мешая русский мат с диковинными проклятиями на неизвестных языках. Я протолкался к четверым дежурным стрельцам и приказал без разбирательств доставить всех в отделение. Молодцы надвинули шапки и взялись за непростое дело. А я обратился к народу:

– Граждане! Концерт окончен. Попрошу расходиться по домам. Не сомневайтесь, милиция во всем разберется и виновные будут наказаны! Желающих досмотреть представление до конца жду вечером у ворот отделения. Спасибо за внимание, на сегодня – все!

Как оказалось впоследствии, обещать такое нашему народу чревато... Ну, по крайней мере, неблагоприятно...

В царском тереме нас приняли настороженно. Видно, в запале Горох, как всегда, пообещал снести головы всем подряд. На самом деле он больше грозит, но все ему почему-то верят... Вот и сейчас: охранные стрельцы страшно хмурили брови, пытаясь выглядеть еще суровее, бледные бояре испуганно крестили окладистые бороды, суматошные дьяки носились взад-вперед с приказами, а прислуга и прочая челядь вообще старательно пряталась по углам. Весь терем жил в предвкушении извержения вулкана, и мы шли по лестнице вверх, сопровождаемые самыми сочувственными взглядами. У дверей в государевы покои нас встретил столбовой боярин Кашкин, я хорошо его знал, в деле о перстне с хризопразом он руководил разоружением шамаханского каравана.

– Здрав буди, сыскной воевода!

– И вам мое почтение... Что у дверей толчетесь, ждете кого?

– Тебя и жду. Одного только... – Боярин многозначительно поглядел на Бабу Ягу, та поджала губки и по-утиному засемила к дальнему окошку. – Пусть уж там подождет, не след ее седую голову под топор ставить. А ты иди, государь о тебе уже два раза спрашивал. Гневается...

– А... Ну тогда я пошел.

– Погодь... дай хоть обниму тебя на прощание, хороший ты был человек, Никита Иванович! – Седобородый Кашкин смахнул выступившую слезу, по-отечески троекратно облобызав меня в обе щеки.

Царские стрельцы у входа сняли шапки и молча перекрестились. Да, обстановка тут и впрямь как на минном поле... Я снял фуражку, пригладил вихры и, отважно распахнув двери, шагнул внутрь. Это было похоже на отчаянный шаг дрессировщика в клетку изголодавшегося льва...

На небольшой кушеточке царь-государь в штанах и рубаше навывпуск вовсю обнимался с неизвестной мне особой женского пола. Завидев меня в форме и при исполнении, молодуха взвизгнула и, вырвавшись, с хохотом скрылась в смежном помещении. Судя по всему, там находилась спальня...

– Вежливые люди стучат, прежде чем войти, – попытался пристыдить меня красный от смущения Горох. Я возвел глаза к узорному потолку и философски присвистнул. – Ладно, проходи, садись, коли пришел. Могу рюмочку налить, вон полпряника на закуску осталось... Не хочешь?

– Нет.

– Ну и леший с тобой! Ему сам царь предлагает, а он рыло воротит. Доклад давай.

– Не торопите следствие, – наставительно поправил я. – Докладывать буду по мере продвижения дела, а у нас в нем пока сплошные дыры. Еремеева я предупредил, его молодцы прочесывают весь город и никого не выпускают за ворота. Но, скорее всего, вор залег на дно...

– Утоп, что ли, сердешный?

– Нет, это такое фигуральное выражение. Значит, хорошо спрятался и никак себя не проявляет. Так что нам придется проверить все известные «малины» и «хазы». Возможно, кто-нибудь из криминальной среды даст наводку. Такое преступление без соучастников бы не обошлось, а следовательно, информация где-нибудь да проявится.

– Дельно, – кивнул Горох.

– Но это лишь в том случае, если чертежи действительно куда-то запропали.

– Как это? Да ты на что ж это намекаешь-то, змий трехголовый?!

– На змия и намекаю! – я откровенно кивнул в сторону объемистого

шкафчика, где Горох хранил свои «лечебные» настойки. – Чтобы начинать расследование уголовного дела, следователь должен лично убедиться в самом факте совершения преступления. А если вы тайное место перепутали? А если в сундук положить забыли? А если эти чертежи у вас вообще третий день под кроватью пылятся?

– Стража-а! – царь разобиженно взревел. – Сию же минуту казнить злодея за надсмехательство над государем!

Встревоженные стрельцы сунулись было в двери, но Горох вовремя передумал:

– Вон, охальники! Щас я ему, Фоме неверующему, нос-то утру, а уж потом и на плаху. Вон! Кому сказал?! Сам попозже позову... Никита?

– Да...

– Ну, че ты меня во гнев вгоняешь? Я же самодержец, мне по должности самодурствовать полагается. А ты искушаешь меня почему зря... Грех тебе!

– Виноват, исправлюсь. – Я встал со скамьи и потянулся. – Давайте не будем тратить времени, покажите-ка мне ваш сейф.

– Чего?!

– Сундук, – терпеливо поправился я.

Горох кивнул, отвел меня в красный угол, где под иконой Георгия Победоносца ярко горела праздничная лампадка, и попал босой пяткой на выступающий из половицы гвоздь. В полу беззвучно открылся люк, под моим наблюдением царь извлек оттуда средних размеров серебряный сундучок византийской работы и, нащарив под рубашкой ключ, в два поворота открыл замок. Внутри хранились секретные документы, договоры, грамоты, дипломатическая переписка и еще какие-то бумаги... Искомых чертежей на первый взгляд не было. В качестве демонстрации надежда-государь вывалил все содержимое на пол:

– Вот, сам гляди! Хотя все бумажки перерой, а такие нужных там нет.

– Проверим, – для порядку наклонился я, хотя профессиональное чутье подсказывало, что чертежей там действительно нет. Однако первым же документом, попавшимся мне на глаза, оказался... секретный план внутреннего устройства лукошкинских оборонительных башен! Договор с поляками о сдерживании германских амбиций, договор с немцами о строительстве крепостей против турок, договор с турками о неприменении вольнонаемных казачьих войск и, наконец, договор с теми же казаками о строгом ограничении appetitов Речи Посполитой в приднепровских ничейных территориях. Как вы понимаете, это далеко не все. Не вдаваясь в дебри политики и личных писем, я тем не менее сделал важную пометочку

в блокноте.

В этот момент в соседней комнате скрипнула кровать, Горох поймал мой вопросительный взгляд и нехотя буркнул:

– Ксюха это... девка дворовая, дочка дворника нашего. То ли третья, то ли пятая, он и сам не упомнит. Помогает тут в тереме, где со стола прибрать, где пол помыть, где мусор вынести...

– Ну и?

– Чего?

– Продолжайте, продолжайте, вы же прекрасно понимаете, что я имею в виду!

– Я понимаю? Ничего я не понимаю! – снова покраснелся государь. – Ты, участковый, во все щели нос не суй, не ровен час, каблуком отдавят... Иди вон воров ловить, а моя личная жизнь тебе без надобности!

– Совершенно верно, – серьезно согласился я, – мои дела уголовные, так что полицию нравов изображать не буду. Но вот девица эта, Ксения...

– Ой, да будто я у ней всю фамилию пытал!

– Ладно, сам уточню у дворника... Так вот, она никогда не спрашивала вас о чертежах летучего корабля?

– Тьфу! Да типун тебе на язык, сыскной воевода! – Горох отобрал у меня сундук и начал лихорадочно запихивать туда высыпанные бумаги. – Ну нешто у меня совсем головы нет – бабе секретные документы под одеялом раскладывать! Ты все ж таки думай, что говоришь...

Уложив сундучок на место и возвратив полам первозданную целостность, государь суховато попрощался со мной, проводив до двери:

– Прощевай, сыскной воевода. Доклады жду каждый день, не исполнишь дела – сам понимаешь... Не наказать не смогу. Хоть и прежние заслуги помню, а тока я – царь, мне иначе нельзя! Либо чертежи на стол, либо валить тебе лес на каторге, выбирай...

– Мы постараемся... – ровно пообещал я.

Горох встал перед дверью, прислушался и поманил меня пальцем:

– Сейчас я орать начну, ногами топать, а как знак дам, так ты отсель без оглядки беги. Мне еще до вечера надо... ну, погневаться... чтоб не беспокоили.

Я кивнул, в принципе все возможное он мне показал, пара версий на уме есть, попробуем их разрабатывать. Вот только на предмет магии мы не...

– Убью! Запору!! Обезглавлю!!! Где тут сабля моя острая? Где копье долгомерное? Своими руками на куски изрублю и курам выброшу! И не моли меня о пощаде... Все! Все, участковый, пришла твоя смерть

безвременна-а-я!!!

Я напружинил ноги и приготовился к низкому старту, Горох уже поднял руку вверх, и тут...

– Никитушка! Держись, милай, иду-у-у! – Двери вынесло вместе с бедными стрельцами. Грозная, как цунами, Баба Яга бодро шагнула в царские покои мне на выручку! Прыгнув вперед, я закрыл спиной обомлевшего государя... Глаза Яги отсвечивали красным.

– Бабуля, бабуля, все в порядке! Никаких проблем, мы мирно побеседовали.

– Да неужто? – недоверчиво сощурилась моя хозяйка. – Ты не врешь ли мне, Никита? Я ить сама, своими ушами слышала, как тебя здесь смерти лютой предают...

– Э... шутка! – выдавил царь Горох, осторожно высовываясь из-за моей спины. – Чтой-то вы, бабушка, сегодня шуток не понимаете?

Переглянувшись, мы все облегченно выдохнули.

– Раз уж такое дело, давайте поставим дверь на место и все-таки просканируем сундучок на предмет использования магии. Возражений нет? Прошу эксперта пройти вот в этот угол... приступайте.

Домой было решено прогуляться пешочком. Горох предлагал карету и эскорт, но мы отказались. Кое-какие вопросы следовало обсудить на свежем воздухе, без лишних свидетелей, поэтому пошли мы не напрямик, а обходной дорожкой, вдоль речушки со странным названием Пучай. Я выкладывал свое мнение первым.

– Факт исчезновения чертежей приходится признать. Не уверен, что там имела место именно кража, царь все-таки мог их куда-нибудь засунуть и забыть, но пока давайте разработаем версию предполагаемой кражи. Итак, основной вопрос во всех подобных случаях: зачем?

– Да мало ли... – вздохнула Яга. – Может, какому жулью в небе полетать захотелось?

– Обычный вор найдет, что взять из царского терема и кроме чертежей. Не доросли у вас тут еще, чтобы ценную техническую информацию воровать. Тогда встает вопрос о возможном заказчике...

– Так ведь, Никитушка, царь же говорил вроде, что не выгодно это никому.

– Это по его мнению – невыгодно, а кое-кто считает иначе. И кое-кому эти чертежи нужны просто до зарезу. Я мельком поглядел, что лежит в гороховском тайнике, там та-а-кие секретные документы... Да разведки всех соседних держав заплатили бы сумасшедшие деньги за возможность их перефотографировать! Но ничего из этого не пропало... Вора, если он,

конечно, есть, интересовали исключительно чертежи летучего корабля. А что показала экспертиза?

– Обнюхала я все, что могла... – по-простому объяснила бабка. – Колдовства черного не было. Видать, так, по-простому взяли. Замочек без всяких заклинаний, ключом открыли, но кража все ж таки была! Запах от сундучка шел... женский.

– А, ну это не доказательство. Там, как в доме свиданий, все этими ароматами пропахло.

– Не то, Никитушка, – досадливо поморщилась Яга. – Уж чем там царь-государь занимается – его забота, и не нам о том судить. Но запах был... чужой какой-то, не наш, не лукошкинский.

– Хм... отрабатывать версии о всех девицах Гороха будет очень непросто, – призадумался я.

– Так всех и не надо, нам тока бы за последние две неделечки порасспросить.

– Хорошо, бросим на это дело Митьку, его девки любят, он у них за семечками все и разведает.

– А мы с тобой чем руки займем?

– А мы попробуем выяснить, какие из иностранных посольств в стенах столицы ведут сейчас самую активную деятельность и не связаны ли они каким-то образом с представителями местного криминального мира...

– Думаешь средь послов заморских заказчика тайного отыскать?

– По крайней мере, стоит попробовать. Что мы теряем?

Баба Яга согласно кивнула. Терять нам пока действительно нечего. Это в прошлый раз нам даже опомниться не дали, устраивая одно покушение за другим. А сейчас мы мирно гуляли вдоль реки, наслаждаясь последними теплыми денечками. Дело о краже чертежей начиналось как-то лениво и буднично, казалось, что и само расследование соответственно будет спокойным и неторопливым, без особенных эксцессов... Ну все почти так и было, почти...

Крики, песни, смех и музыку мы слышали задолго до того, как свернули к отделению. У наших ворот толпилась куча народу, многие висели на заборе, и все шумно обсуждали все, что происходило внутри. А там, судя по всему, стоял дым коромыслом!

– Че вытворяют, че вытворяют-то, а?! Вот гульба так гульба-а... Отродясь такой срамоты не видели!

– Бабоньки, а моего там не видать? Как ушел с утра за поллитрой в честь крещения, так до сих пор и нет кровопийцы...

– Ох и лихо цыгане пляшут! Бедовый народ! А бабы ихние как юбками

трясут, ажно все поджилочки ходуном ходют... А вон, вон одна плечи заголяет!

– Постыдился бы, дедуля! В твои-то годы на заборе сидеть...

– Бабоньки, а моего-то там точно нет?! Он ить, супостат, как примет, так по цыганкам и шарит. Говорит, песни про любовь у них дюже жалостливые... Ну, он придет, я ему сама спою!

– Глянь, православные, как стрельцы пошли... От ить головушки забубенные, и споют, и спляшут, и службу милицейскую справить не постесняются!

– А в центре-то кто?! В бабьем сарафане, сам с каланчу, частушки орет да лаптями грязными во все стороны шарит? Видать, деревенский... городские такую похабщину не поют... Ох и складно выводит, стервец, аж сердце радуется!

Пока мы с Бабой Ягой деликатно проталкивались к воротам, меня догнал сумрачный Еремеев. Видимо, слухи о несанкционированной дискотеке на территории милицейского отделения распространились по городу быстро.

– А куда ж это сыскной воевода спешит?

– Ругаться, видать, что без него начали! Наш Никита Иванович – человек строгий, но справедливый. Вот глянь, щас все песни кончатся, одни крики пойдут, как он все отделение зараз пороть начнет!

– Бабоньки, так там моего-то не показалось? И не надо! Уж коли батюшка участковый всех самолично пороть станет, пусть и моего не обойдет. Все ему, борову ненасытному, наука! Вдругорядь будет и законную жену на гулянки брать...

Тут народ примолк, потому что мы вошли в калиточку. Нас ждали... Пьяный в никакую Митька, обряженный в девичий сарафан и кокошник набекрень, поклонившись до земли, сунул мне под нос тарелку с рюмкой водки и полуобкусанным соленым огурцом. Коварные цыганки поддержали спевшимся многоголосьем:

– Выпьем за Никиту! Никиту дорогого! Свет еще не видел хорошего такого-о! Пей до дна, пей до дна, пей до дна!!!

– Еремеев, – сквозь зубы процедил я, – цыган со двора в шею! Сотрудника Лобова – в вытрезвитель... тьфу!.. в смысле в поруб, пока не протрезвеет! Со стрельцами своими сам разберешься...

– Слушаюсь, Никита Иваныч, – глухо буркнул он, махнув рукой своему конвою. Экзекуция была короткой, но действенной. Ругающиеся цыганки вылетали за ворота как пестрые взьерошенные курицы. Между прочим, одну, особо шуструю, Яга поймала уже у нас на кухне. Нахалка

пыталась присвоить бабкину шаль... Напрасно, с моей домохозяйкой такие шутки не проходят. Бабуля увеличила ей нос втрое, чтоб не совала куда не надо! Четверо стрельцов, дежуривших при нашем отделении, получили по загревку от командира сотни и были на неделю лишены хлебного довольствия. Народ с забора слезал неохотно, однако, расходясь, повторял, что «сыскной воевода свое слово держит». Черт меня побери, если я и в самом деле обещал им «продолжение концерта вечером», то в этом плане, конечно, не обманул. Из показаний тех служак, что были потрезвее, раскрылась общая картина бессовестного преступления. Оказывается, стрельцы вместе с Митькой доставили с базара аж восемь цыганок. Как уж эти танцовщицы из «Ромэна» ухитрились протащить с собой спиртное – ума не приложу! Наверняка прятали в десятках своих юбок. Я давно подозревал, что у нас на рынках кто-то приторговывает крепчайшим самогоном, а теперь видел его в действии. Короче, после первых же глотков наши сотрудники сдали свои позиции, и пьяный разгул захлестнул все отделение. Держать цыганок здесь смысла не было – шуму не оберешься, а все вещественные доказательства выпиты. Осталось выяснить у Митьки, с чего он вообще к ним прицепился, но это уж когда проспится... Алкогольная зависимость – самая сильная его слабость (если так можно выразиться), но мы с ней боремся.

– Никитушка, иди к столу, – ласково позвала Яга. – Садись-ка да ешь. Вот пироги да расстегайчики, сметанка да грибочки жареные.

– Спасибо.

– Ты чтой-то задумчив весь? Али из-за шороху этого опечалился? Да брось, милай, и в голову не бери! Уж такой они народ, цыгане... Даже святого напоят и сплясать заставят! Тут им равных не сыскать...

– Нет, нет, все нормально, – улыбнулся я, налегая на пирог с капустой и яйцами. Мне почему-то вспомнилась та смуглая девушка с большими глазами. Еще показалось, будто я видел ее у наших ворот. Но говорить об этом Яге почему-то не хотелось. Бабуля меня очень любит, еще бросится искать незнакомку с тем, чтобы срочно засылать сватов. А я же не влюблен, так... просто девушка симпатичная...

Вечер выдался спокойный. Ну, не считая того, что какой-то забитый мужичонка бодал головой наши ворота, умоляя пустить его переночевать в поруб. Видимо, тот самый, которого активно разыскивала жена. Стрельцы его выперли без всяких скидок на мужскую солидарность. Здесь все-таки отделение милиции, а не приют для преследуемых мужей, сами разберутся... Разговор с нашим младшим сотрудником безоговорочно

откладывался до утра, раньше он попросту не проспится. С другой стороны, дело не терпит, Горох дал самые сжатые сроки и стоило хотя бы попробовать успеть. Я приказал стрельцам до ужина привести в отделение того самого царского дворника, с дочерью которого сейчас государь решает самые личные вопросы. Стрельцы кивнули и пошли. Баба Яга что-то раскладывала на картах, а я со скуки достал из планшетки грамотку, врученную мне дьяком Филимоном Груздевым. Как уже упоминалось, этот церковный чин думского приказа в последнее время крепко заболел «борьбой за правду-матушку». Отчасти в этом была и наша вина... В свое время мы с Ягой ради эксперимента подсыпали ему «вакцину истины» от Кощея Бессмертного, порошок оказался действенным, и счастливый дьяк с крыши собственного дома лепил народу всю правду в глаза! Много он тогда рассказал и про царя, и про ближайшее боярское окружение, и про... короче, всем досталось. Стрельцы упекли несчастного под замок, на следующий день выпустили. Гражданин Груздев до конца недели ходил тише воды, ниже травы, ожидая справедливого наказания за длинный язык... Потом понял, что казнить его пока не собираются, проникся бурным самомнением и теперь твердо стоял в самых первых рядах борцов за нравственность и социальную справедливость.

«Повариха государева мясо свиное из кухни крадет бесчестно! Себе под юбку цельные окорока прячет, а стража и в ус не дует, думает – баба в теле... Конюх Агафон вчерась под вечер нетверез был. Не так, чтоб в стельку, но с кобылой целоваться лез. Слова ей говорил ласковые и ленты в гриву вплетал, а кобыла – государева, не след ей от всяких посторонних такие нескромные подарки принимать. А племянник хана Ямгурчея, что проездом у нас, цельную кружку чернил ореховых задарма выпил. И не отравился же, стервец... Мне-то не жалко, а только вещь казенная, канцелярская. Это что ж будет, ежели все чернила начнут лакать да промокашками закусывать? Стрельцы Федот Балабанов с Васькой Рыковым на щелчки в карты дулись бессовестно! Оно бы и ничего, да у Федота после игры шишкарь синий во весь лоб, а он при царе у дверей служит, значит, государю прямая обида и посрамление... Девка дворовая, нескладная Ксюха, дочь дворникова, из Гороховых палат так и не вылазит, стерва бесстыжая! Срамотит царя нашего перед державами. Мало того, что сама лазит, так намедни еще и подругу с собой прихватила... Ведь загубят здоровье государя-батюшки, мыслимое ли дело – двух девок на одного мужика бросать?!»

Ну и так далее, в том же духе. У нас в отделении подобных доносов скопилось уже штук двенадцать. Если всем давать ход, по стране тюрем не

хватит. Надо что-то придумать с этим делом, иначе он нас так и будет кляузами заваливать. Я скомкал листок и через всю кухню отправил в угол. Там у печки обычно спал бабкин кот, иногда ему нравится вспоминать детство и гонять по полу шуршащий комок бумаги...

– Никитушка, глянь в окно, вроде пришел кто?

– Стрельцы вернулись, – приподнявшись, оповестил я, – тащат за воротник какого-то забулдыгу интеллигентного вида. Судя по всему, это и есть наш искомый работник метлы.

– Ну, тогда ты сядь, так посолиднее будет. А подозреваемого я сама к тебе приглашу.

– Бабуль, он пока не подозреваемый, а так... возможный свидетель или хотя бы информатор. Не пугайте человека раньше времени...

Все зря, Яга уже выскочила в сени, на кого-то наорала, кого-то позвала, и царский дворник с поясным поклоном вошел в горницу. Был он низкоросл, на вид лет пятидесяти, одет скромно, но чисто, а лысой головой и клинообразной бородкой с усами так напоминал вождя мирового пролетариата, что я невольно привстал...

– Добрый вечер, господин участковый. Вызывали?

– И вам добрый вечер, вызывал, присаживайтесь. – Я указал на большую лавку по другую сторону стола. – А-а... простите, у вас в родственниках Ульянова-Ленина случайно не было?

– Никак нет, – чуть удивился он. – Сухаревы мы, зовут Николаем, по батюшке Степанович. Вы, видимо, меня с кем-то спутали?

– Да, извините... В прошлом крупном деле у нас поименно были сплошные знаменитости. Но я отвлекся... Николай Степанович, давайте поговорим о вашей дочери.

– О Ксении?

– Как вы догадались?

– Ну, это несложно, – несколько виновато улыбнулся дворник. – После того интереса, который к ней проявляет наш государь, все вокруг только и говорят о Ксюше. Что вам угодно услышать?

– Все, но сжато.

– Ксения – моя четвертая дочь, после ее рождения наша матушка, царство ей небесное, заболела и покинула нас. Троих старшеньких я сумел выдать замуж, две с семьями живут в Лукошкине, одна переехала в село Куличное. Особенным воспитанием Ксюши я, признаться, не утруждался... Во-первых, работа занимает массу времени, а во-вторых, она, честно говоря, несколько... туповата. Замедленное умственное развитие, так сказать...

– Ага, следовательно, царь приблизил ее ко двору никак не за уровень интеллекта? – уточнил я.

– Увы, кому что дано... Девочка пошла сложением в мать, у покойницы была античная фигура, а это в большинстве случаев с лихвой компенсирует все прочие недостатки. Возможно, вы осуждаете меня как отца... я так спокойно обо всем говорю... Но, зная нашего государя, я, по крайней мере, могу быть уверен, что ее ожидает безбедное существование...

– Да вы философ! – присвистнул я, дворник мне явно нравился. – Сколько живу в Лукошкине и не подозревал, что встречу такого образованного человека. Где вы учились? Ведь не в церковно-приходской...

– Нет, в свое время закончил университет в Сорбонне. Имею звание бакалавра. Правда, без отличия, потому что прибыл вольнослушателем из дикой снежной России. Нас там почему-то недолголюбивают. – Николай Степанович потерял бородку, в его глазах на мгновение блеснули образы далекой Франции. – Потом вернулся, женился, ну и как-то незаметно оброс бытом: дом, дети, постоянная борьба за кусок хлеба... Так скатился до дворника, в каком положении и пребываю по сей день.

– М-м-да – типичная судьба всех питерских интеллигентов... Мы вернемся к этому позднее, – пообещал я, поймав укориженный взгляд Яги. – Скажите, а насколько высоки понятия нравственных ценностей вашей дочери?

– Вы смеетесь? – не понял он.

– Нет, нет... и меньше всего хочу вас обидеть! Но мне надо знать, способна ли она, например, на кражу?

– Гражданин участковый, – гордо выпрямился образованный дворник, – моя дочь никогда не возьмет чужого! Слышите, никогда! Да, ее можно назвать любвеобильной, слабохарактерной дурочкой, но у Ксюши добрая душа и чистое сердце. Она скорее отдаст свое...

– Спасибо. Это все, что я хотел выяснить. – Я встал из-за стола и, прощаясь, протянул ладонь: – Очень рад был знакомству, буду посвободнее – охотно забегу поболтать на отвлеченные темы.

– Всегда счастлив видеть. – Рукопожатие Николая Степановича было коротким и крепким, мы расстались в самых дружеских отношениях.

Баба Яга, встав со своей скамеечки в углу, подошла к окошку и долго смотрела ему вслед.

– И почему так? Умный мужик, начитанный, знающий, а вон двор метет! А какой ни есть дурак, пень пнем, в кафтане боярском – в думе сидит, законы пишет... Где справедливость, Никитушка?!

– Не знаю... Какие-то вещи неизменны во все времена. Забивать себе голову не хочу, да и вам не советую. Все равно не в нашей компетенции, нам надо дело раскручивать... А версия о причастности девицы Ксении Сухаревой, похоже, так и осталась безосновательной?

– Так и есть, – кивнула бабка. – Не врал папенька ее, не умеет он врать. Всю правду говорил, а значит, и впрямь девка к воровству непричастная. Ну что, Никитушка, отправляйся-ка ты спать! Утро вечера мудренее...

Я рассеянно кивнул. Вроде бы все шло как надо, но почему-то казалось, что некая существенная деталь плавно ускользнула от моего внимания...

Утро началось с петуха... Я промахнулся. Больше говорить на эту тему не желаю, мне стыдно... После завтрака помятый Митька был извлечен из поруба и представлен товарищескому суду. Вообще-то судим мы его достаточно часто, парень кается, так что робкая надежда на выздоровление есть.

– Докладывай.

– Батюшка сыскной воевода... – Митька привычно бухнулся на колени. Я уже не возражал, в конце концов, он всегда так делает. – В чем виноват, в том и ответ держать буду. А уж вы с бабулей судите меня честно, ибо ежели опозорил я честь милицейскую, то нет мне прощения ни на земли, ни на небеси...

– Короче, пожалуйста, – попросил я.

– Короче? – призадумался он, а потом выдал: – Ну, тады моей вины тут нет, во всем действовал согласно вашим начальственным указаниям.

Мы с Ягой от такой наглости едва с лавки не свалились. А злостный нарушитель, пользуясь нашим молчанием, затараторил со страшной скоростью:

– Вот вы, Никита Иванович, все учили нестандартно подходить к решению сложной задачи, искать разные пути, используя неожиданные методы для раскрытия преступлений... Я и решил! Ну, в смысле, как цыган на улице увидел, так и решил... Вот, мол, он – нестандартный метод! Цыганки-то гадать да судьбу предсказывать знатные мастерицы... Что, ежели у них про цареву кражу-то и расспросить? Небось карты вора покажут! Догнал, спросил... Они сразу согласились. Позолоти ручку, говорят, и делу конец, враз все отыщется! Я ж при исполнении, слова милицейского нарушить не могу, позолотил... Ох они мне и рассказали! Такого понарасказывали, Никита Иванович, прям хоть писцов зови, до того складно да интересно будет! И про жизнь мою, и про работу, и про дом казенный, даму трэфовую, короля червонного – все как есть правда! Но я

ухо востро держал, все копейки спустил, пятак заветный отдал, а про кражу чертежную все ж таки повыспросил. Значит, лежат чертежи краденые у отца Кондрата за овином, под лопухом большим, как есть закопанные, вот!

– Под лопухом? – с нажимом переспросил я.

– Под ним, батюшка участковый! – уверенно подтвердил Митя, просто лучась от осознания значимости собственной правоты.

– Угу... а почему произошла безобразная сцена на базаре?

– На базаре-то? Ой, да кто ж их, баб глупых, разберет... Дуры они необразованные, вот и весь ответ! Бабуленька Ягуленька, не смотрите так, это я не про вас! Я же как все выслушал, попросил их вежливенько в отделение проследовать, дабы все их предсказания ясные в протокол занести и к делу подшить, а они наутек. Ну дуры, да?! Я одну поймал за руку, держу, прочих деликатно так зазываю... Они и налетели... всем табором!

– А скажи-ка нам, касатик, по чьей же вине тут вчера все отделение в пьянку-гулянку ударило? – строго напомнила Яга.

– И тут мы безвинны! – уверенно парировал Митька. – Пока стрельцы цыганок этих в ворота загоняли, у одной бутылочка зеленая откуль ни возмись вывалилась... Вас никого нет, значит, я – старшой! Пришлось взять расследование в свои руки. Обыскали всех, бутылок десять нашли... точнее не упомяну. Дай, думаю, проверю, какое зелье бесовское туда налито? Ведь, не ровен час, потравят народ. Попробовал. Всё... далее знать ничего не знаю. Судите...

Он получил два часа хозяйственно-исправительных работ по дому. Трудотерапия на него действует, а все внушения как об стенку горох... Вскоре пришел и начальник стрелецкой сотни Фома Еремеев. Особых новостей не было, с утра царь приказал открыть городские ворота, но таможня работает так усердно, что вынести чертежи нет никакой возможности. А еще в городе появился маньяк.

– Настоящий маньяк? – не сразу поверил я.

– Да вроде тех, кто на голову прискорбием отличается, – кивнул Фома. – Вторую ночь дозоры на улицах убиенных кошек находят. Рубит им злодей головы да с собой уносит... тельца так в крови и валяются. Дело как бы и не уголовное, а все ж таки... странное.

– Еще бы! Нет, бабушка, вы слышали – у нас в Лукошкине появился собственный маньяк, убивающий кошек! Ох и диковин мир психических заболеваний и чудны проявления их!

– Фома Силыч, – задумчиво нахмурилась Яга, – а кошки те, они какой шерсти будут, не черной ли?

– Так ить... да пес их знает! Вот ужо расспрошу ребят да скажу вам точно. Неужто и на такое дело милицию привлекать надо? Поймаем мы проказника этого...

Нарочный стрелец от царя прискакал еще до того, как Еремеев закончил с чаем.

– Собирайся, сыскной воевода, государь тебя пред очи свои ясные требует!

– Случилось что? К чему такая спешка? – ровно поинтересовался я.

Гонец глянул по сторонам, расхрабрился и сразу все выболтал:

– Бояре дюже шум подняли! Вся дума так и гудит, за покражу царскую да за авторитет русский беспокойство проявляют. Тебя, сыскной воевода, за халатность казни предать советуют...

– Это мелочи, но раз Горох ждет, поеду... – зевнул я. – Больше ничего?

– Ничего, гражданин участковый, вот только разве... дворник наш вчерашней ночью преставился.

– Что-о?!

– Да помер, сердешный, упокой Господь его душу, – сочувственно подтвердил стрелец. – А ведь хороший человек был, языки разные знал, о Риме да Париже душевно так рассказывал... Ан призвал его Всевышний, за одну только ноченьку... Ксюха плачет! Ну и царь, понятно, еще больше на всех гневается... Ты уж поспешай, сыскной воевода.

– Митька! Седлай кобылу, мне к Гороху, по делу, срочно! – заорал я, высовываясь в окно.

Яга озабоченно покачала головой и подала китель:

– Никитушка, я покуда тебя здесь подожду. Как приедешь, обскажи последовательно, чего там приключилось...

Пегая кобыла под седлом ждала меня у крыльца рядом с вороным жеребцом царского гонца. Стрельцы отворили ворота, и мы пустились в галоп. Боярские проблемы меня не волновали ни капельки, политика везде одинакова: как минимум – грязь, как максимум – кровь... Ничего они мне не сделают, не захочет Горох единственного специалиста по уголовному розыску терять. Наорет при всех, а наедине будет руку жать и пряники для примирения подсовывать... Но что могло случиться с дворником?! Он же ушел от нас вчера живым-здоровехоньким... Конечно, за ночь могло произойти все, что угодно: от инфаркта до несчастного случая. Но интуиция подсказывала не спешить с выводами...

До царского терема доскакали быстро. Я бросил поводья подбежавшим слугам, козырнул охране у ворот и решительно направился к центральному входу. Дьяк Филимон, прошмыгнувший мимо, не

поздоровался, а, наоборот, попытался задеть локтем. Видимо, мое положение при дворе опять сильно пошатнулось. Невелика беда, у всех честных служащих вечные проблемы с начальством... Вот стрельцы хоть и при царе, а ребята порядочные, не отворачиваются и смотрят с пониманием. У входа в думу меня попросили обождать, государь разбирал разные дела. Вопрос о краже чертежей был оставлен напоследок как наиболее важный. Минут пять – десять пришлось потомиться у закрытых дверей, потом они распахнулись, и зычный голос объявил:

– Сыскной воевода Никита-ста Иванов, сын Ивашов!

Я поправил фуражку и шагнул вперед. Вообще-то в помещении головной убор обычно снимается, но в думе все бояре сидели в здоровенных медвежьих шапках, так что приходилось соответствовать традиции... Меня встретили гробовым молчанием и неприязненными взглядами. Горох, сидящий на троне в глубине зала, тоже был не в настроении. Я тихо выругался про себя и приготовился к очередному разносу...

Государь поманил меня скипетром поближе и, сурово сдвинув брови, начал:

– Дума боярская знать желает, что во вверенном тебе милицейском отделении сделано, дабы покражу тайную отыскать?

– Хороша тайна... – буркнул я, обводя взглядом думское помещение. – Значит, все уже в курсе?

– Все, – важно подтвердил Горох. – О таких вещах важных, государственного значения, бояре в первую очередь оповещены должны быть, ибо на их плечах власть царская держится.

– Надеюсь, помалкивать они тоже умеют? – не подумав брякнул я. Вроде бы негромко, но все расслышали и взревели в голос так, что хоть уши затыкай:

– Да как он смеет, пес, сомнения выражать?!

– Боярское слово, аки стена каменная, – незыблемо, нерушимо и вечно!

– Казни, государь, сей же час пересмешника, ибо нам такое бесчестье не снести!

...Вот примерно в таком ключе все дружно повысказывались. Хорошо еще шапками не закидали и посохами резными бить не начали. А может, просто не успели, Горох пристукнул скипетром по подлокотнику, разом прекращая гвалт:

– Неразумны и торопливы слова твои, участковый. Впредь думай, что говоришь! А теперь отвечай по делу тайному, секретному. Ну и чтоб зря

языком-то не молоть, говори все как... про козлика белого!

– Слушаюсь, – понятиливо кивнул я и, достав из планшетки блокнот, пустился перечислять: – Итак, после обследования места преступления можно с уверенностью сказать: белый козлик не пропал и не потерялся, а был украден. Причем украден прямо из сундучка, где, собственно, и пасся. Серый волк уволок козленка, воспользовавшись не отмычкой, а ключом. Где он его раздобыл, если единственный экземпляр висит на шее у пастуха? Вопрос без ответа... Никаких подозреваемых на роль серого волка следствию пока выдвинуть не удалось. Версия о принадлежности к делу некой прекрасной пастушки не выдержала проверки фактами. За пределы Лукошкина белого козленка не вывозили, за этим тщательно следит таможня и стрельцы Еремеева.

– А кому это надо? Кто таких козлов вообще ищет? – громко поинтересовались слева.

– Конкретных заказчиков кражи козлика пока не отмечено. Определенные подвижки есть, но в интересах следствия пока не раскрываются.

– Дык... надо ли тады его искать?! Мастера-то не пропали, чай?

– Мастера не пропали? – переспросил я у Гороха, тот отрицательно покачал головой. – Граждане, мастера на месте, но они тоже люди, могут заболеть, забыть что-нибудь важное... А белый козлик – штука тонкая, одна деталь не так шестеренкой ляжет – все, хорони всего козла вместе с экипажем... Так что искать его надо, нельзя допустить, чтобы подобное домашнее животное попало в чужие руки.

– Да не пугаешь ли ты нас, участковый? Неужто мы без какого-то там козленка всем врагам спину показывать будем?! Не бывать тому!

– Это эмоции... Научно-технический прогресс можно замедлить, но нельзя остановить. Я лично не хочу, чтобы через полгодика, по весне, на Лукошкино свалилась мобильная эскадра белых козликов с боевым десантом на борту. Так шарахнут бомбами из-под козьего хвоста – мало не покажется!

– Тогда чего ж ты, лентяй, не ищешь?!

– Ищу! – возмутился я. – Прошло только два неполных дня! У меня все-таки милицейское отделение, а не цирк с фокусниками, я похищенных козликов из цилиндра не достаю... Как найду – сообщу!

– Не груби! – напомнил Горох. – Что скажете, бояре?

Высказывались долго. Общая суть сводилась к одному: «Гони ты его, государь, не будет добра от милиции, а покражу твою мы и сами уж как-нибудь отыщем! Зря, что ль, отцы и деды наши предкам твоим верой и

правдой столько лет служили?! Ужо не оплошаем! Мудреное ли дело воров ловить? Боярство справится...»

– Быть по сему! – неожиданно для меня решил государь. – Ты, Никита Иванович, свое дело дальше продолжай, препятствий тебе чинить не буду. А вы, бояре мои верные, свое следствие ведите. Кто вперед мне козлика белого возвернет, тому и награда будет. Ну а ослушнику нерадивому – царский кнут!

На этом я покинул помещение боярской думы. Они там еще бушевали, совещались, решая, кому что поручить да кто где ищет, но меня это уже не касалось. Я спешил во двор, выпросив по дороге, где находится дворницкая. Оказалось, что прямо за теремом, небольшая пристройка. Сухаревы жили именно там. У дверей сидели на лавочке две старушки богомольного вида.

– Здравия желаю, гражданочки. Тело еще не выносили?

– Священника ждут, батюшка... – щербато улыбнулась одна, – да только ты туда не ходи, недоброе это дело на мертвеца смотреть.

– Дурной смертью он помер, батюшка, – в ответ на мой недоуменный взгляд подхватила другая. – Честных людей-то Господь к себе не так прибирает. Отравился он!

– Али повесился!

– Да ведь как есть потравленный лежит!

– И рожа-то синя-я-я, как у висельника!

– Так отравился или повесился? – строго переспросил я.

– Ну... дык... все ж едино, не своей смертью он помер, не Божьей волей представился! – единодушно решили бабки, мгновенно прекращая спор.

Я поблагодарил и, пригнувшись, вошел в низенькие двери. Комната была крохотная, из всей мебели – стол, топчан да печка, даже лавок нет. На столе, по грудь прикрытый чистой мешковиной, лежал покойный, больше в помещении не было никого. Та-ак... на печи, судя по всему, обычно спала дочь, исключая те ночи, когда была занята у царя на уборке. Сам дворник наверняка спал на том же топчане у стола. В углу, под иконами, оказалась небольшая полочка, забитая потертыми книгами: Гомер, Публий, Петроний и кто-то еще из классиков. На подоконнике – герань и маленькая статуэтка Венеры Милосской. При поверхностном осмотре больше ничего не бросалось в глаза. За печкой обнаружился сундук с зимними вещами, чувствовалось, что Сухаревы живут небогато, но все чистое, заштопанное, аккуратно сложенное. К телу я подходил с непонятным чувством то ли скорби, то ли обиды... Бывает так: в кои веки встретишь приличного

человека, пообщаешься и – нате вам... скоропостижная кончина. Николай Степанович лежал на столе уже вымытый и обряженный. Лицо у него было белое, осунувшееся, но очень благообразное. Тяжело вздохнув, я сдернул мешковину полностью и бегло осмотрел покойного. Никаких ран, порезов, синяков и следов удушья, но... какой-то неуловимый запах вился над усопшим. Я старательно принялся, пытаюсь припомнить, как это делала Баба Яга. Что-то из пряностей или специй, но с каким-то горелым оттенком... Больше ничего сказать не могу, за дверями раздались голоса, и я торопливо накрыл тело дворника грубой тканью. В комнату вошла рослая девушка в черном платке и простом сарафане, глаза заплаканы, нос от слез покраснел и распух.

– Вы Ксения? Примите мои соболезнования... – Она промолчала, сев на топчан и уставясь недоуменно-тупым взглядом на тело отца. Я тактично прокашлялся и попробовал еще раз: – Девушка, я из милиции, младший лейтенант Ивашов. Скажите, пожалуйста, от чего умер ваш батюшка?

Опять молчание, видимо, мои вопросы до нее не доходили. В принципе, я мог бы и отвалить, действительно сейчас не лучшее время, но...

– Может быть, я могу чем-то помочь?

– Гроб привезли... – тихо протянула девушка, не меняя ни позы, ни направления взгляда.

Я не стал дожидаться, пока она обратит на меня внимание, и вышел вон. Прошелся к думскому приказу, изловил дьячка помоложе и отправил бегом в отделение. Пока тело не похоронили, мне требовалась помощь квалифицированного эксперта...

Ягу привез Митька. Выложив по-быстрому свои сомнения, я направил бабулю к безутешной гражданке Сухаревой с двойной целью: а) успокоить несчастную до степени вразумительных ответов дяде милиционеру, б) обследовать тело усопшего на предмет применения магии. Мы же с Дмитрием в ожидании протирали штаны на лавочке у забора. Сердобольные старушки попытались было оставить свой пост у входа в дворницкую и сунуться внутрь, но Яга их так отшила, что обе вылетели, крестясь и отплевываясь через левое плечо. Свежеструганый гроб так и стоял у дверей, небо хмурилось, все наводило на грустные мысли о бренности бытия. Наш младший сотрудник аккуратно лужгал семечки, складывая шелуху себе в карман, а я сознательно обрывал любые попытки проанализировать в уме сложившуюся ситуацию. Слишком мало фактов... Домысливать их самому – чревато, наверняка заведет не в ту степь. Из

царского терема шумно вышли обычно чинные бояре, покрикивая на своих холопов, все рассаживались в телеги и брички, отправляясь по домам. Как они намерены вести следствие? Конкуренты, мать их...

Баба Яга появилась где-то через полчаса. Вышла усталая и замученная. Всю дорогу домой, до отделения, молчала, что-то прикидывая на пальцах. В таких случаях я ее не торопил. Бабуля наша свое дело знает, ей сначала нужно самой себе в голове стройную систему уложить, а уж потом она поделится информацией.

– Батюшка сыскной воевода, а мне-то че делать теперь? – спросил Дмитрий.

– Ну... даже не знаю, как сказать поделикатнее, – призадумался я, задержавшись в сенях. – Шел бы ты, Митя... к девкам!

– Куда?! – едва не взвыл он. В глазах счастливого парня вспыхнули огоньки нереализованных гормонов.

– Понимаешь, надо пройтись по дворовым девкам царя Гороха и остороженько выяснить, не общался ли кто из них с представителями зарубежных держав.

– У-у... – тут же скис Митька, – ежели повыспрашивать только... а государь-то не осерчает?

– Если по службе, конечно, нет. А если ты руки распускать начнешь – сам знаешь, у него расправа короткая.

– Понял, воевода-батюшка, а только мне в этом разе денег на служебные расходы надо...

– Какие еще расходы?

– Да вы ж наших девок лукошкинских не знаете! Кому семечек, кому орешков, а к какой без петушка на палочке и подступиться не моги! Задарма нипочем говорить не станут!

– Так ты их обаяй!

– Ага, а мне потом царь-государь за мое обаяние... три шкуры спустит! Пожалели бы сироту, Никита Иваныч, на такое дело без гроша отправляете...

Я безропотно достал из кармана мелочь и высыпал ему на лопатообразную ладонь что-то около рубля медью и серебром. Довольный вымогатель поклонился мне до земли и ретиво дунул назад, к царскому терему. Я же прошел в горницу к Яге, ожидая ее рассказа.

– Темное это дело, Никитушка... – Насупившаяся бабка без надобности вертела в руках деревянную ложку. – Прав ты был, не своею смертью дворник-то помер. Отравили его... И яд дюже сильный был, здоровому мужику и пары крошек хватило...

– Цианид! – осенило меня. – Нас учили, у него такой характерный миндальный запах.

– Он и есть. По-простецкому «синюшной потравой» кличут... Редкий яд, заморский, его в Лукошкине днем с огнем не сыщешь.

Значит, дворника все-таки убрали. Отравление цианидом вызывает мгновенную остановку сердца, для местных знахарей смерть вполне «естественная». Ну, прихватило слева у человека, раз... и помер. Дело житейское, упокой, Господи, раба твоего... и т.д. Но в нашем раскладе – всё хуже некуда. Если человека убивают, то сразу встают два основных вопроса: кто и за что?

– Как вы полагаете, кто его отравил?

– Ох, Никитушка, грех мне, – поежилась Яга, – а только думаю: это из его домашних кто-то. Яд дворнику в чашке с чаем дали. Чашку ту опосля и вымыть-то не удосужились, обтерли да на свое место вернули. Ну дак я по запаху-то все одно нашла...

– Неужели Ксения?!

– Сама себе не верю... Мыслимое ли дело, чтоб кровная дочь отца родимого зельем злым травила, жизни лишала?!

– Но вы пробовали с ней говорить?

– Сам пробуй, а у меня нервы не казенные, – вновь насупилась бабка. – Прав был батюшка ее покойный: до коровы небось и то быстрее доходит, чем до дуры этой стоеросовой! Я к ней и так и эдак – она все одно: «Тятенька взаправду помер?» – и все что в лоб, что по лбу! Слушай, ну о чем с ней Горох разговаривает?

– Да уж вряд ли о классической литературе или последних открытиях в области кибернетики... – криво улыбнулся я. – А что у нас по этому делу на предмет магии?

– Была она...

– В каком смысле?

– Вот вроде бы есть... чую... а распознать не могу! – еще больше нахмурилась Яга. – Крутится там что-то такое в воздухе, какое-то чародейство черное, но суть его уловить не получается... Я уж, грешным делом, когда покойника-то осматривала, проверила на предмет пороссячьего хвостика... А ты нос-то не морщь! Али забыл, как нас шамахань по три раза на день вокруг пальца водили?!

– Ну и? – скептически сощурился я.

– Ну и нет его... хвоста. Покойник подлинный, ядом травленный, чем тебе не результат экспертизы?

– Хотелось бы большего... Ладно, давайте устроим обеденный

перерыв, а потом опять за дела.

Баба Яга согласно кивнула и бодро взялась за самовар. Я внимательно сверился с записями у себя в блокноте, попытавшись еще раз представить, кому же мог помешать дворник. Наша беседа с Николаем Степановичем носила скорее добрососедский характер, и вряд ли он сболтнул что-то очень важное, чего я даже не заметил... Зачем его надо было убивать? Неужели только за то, что он был вызван в милицию? В том, что эта смерть крепко связана с похищением царских чертежей, я не сомневался ни капли. Видимо, дворника убрали без повода, а так, на всякий случай. Единственным мостиком от дворничкой к царским покоем могла быть только его дочь, Ксения Сухарева. Однако она сама, по словам очевидцев, особым умом не блещет. Вот разве что кто-то стоит за ней? Тогда дворника могли убрать просто потому, что он знал окружение дочери... Я пометил себе: первым делом выяснить круг знакомых и друзей Ксении Сухаревой.

Когда все было готово и стол накрыт, появился Еремеев. Яге он вроде бы нравился, хотя один раз ему пришлось арестовывать бабку и держать ее в порубе. Меж тем зла она не затаила и к обеду начальника стрелецкой сотни приглашала регулярно. После первого и второго, уже за чаем, Фома доложил последние новости:

– Вы тут, бабушка, насчет кошек зарубленных интерес имели... Так вот, не черные они. Ребята сказали: всяких мастей насмотрелись, а черных вроде и нет.

– Это хорошо или плохо? – уточнил я у Яги.

– Не знаю, не ведаю... – призадумалась она. – Только не по сердцу мне это, чую, не будет нам добра от маньяка энтото...

– Не волнуйтесь, бабушка, – важно кивнул Еремеев, – стрельцы мои дурня злодейского быстро изловят, уж тут вы с ним о кошках и побеседуете...

– А что там по поиску чертежей? – напомнил я.

– Ничего, сыскной воевода... Видать, воры знают, что мы на таможене ищем, вот и не лезут на рожон.

– Да, напомнил кстати, а кто из матерых «воров в законе» сейчас обретается у нас в Лукошкине?

– Смилуйся, Никита Иванович, да никого! Рази ежели б я его знал, так тут чаи распивал бы?! За воротник хватал бы преступника да к царю на правож!

– Жаль... я бы хотел побеседовать с наиболее крупными «авторитетами». Есть пара вопросов и нужда в оперативной информации.

– Ну так... ежели такое дело... – Фома почесал в затылке и предложил:

– А ты в трактир дальний сходи, на Кобылинском тракте. От города две версты в сторону Подберезовки, там к лесу, у развилки, он и стоит. Слава про него идет самая дурная, а вот с обыском заявиться все как-то руки не доходят... Может, вместе и проведедем?

После обеда Яга отправилась на базар, Еремеев вызвался проводить, они так и ушли вдвоем, увлеченно беседуя насчет таинственного маньяка. Я же этим делом решил пока не заниматься. На Руси кошек всегда любили, в большинстве известных мне стран тоже, так что, скорее всего, мы имеем дело не с маньяком, а просто с душевнобольным. Мне сразу были ясны намеки Яги насчет кошачьей масти – из черных кошек Кощей Бессмертный варит зелье наркотического воздействия для своих шамаханов. Однако, как помню, варит он их целиком, а не только головы. Да и самому Кощею в Лукошкино ход воспрещен, этот мафиози дико боится отца Кондрата. Не скажу, чтобы уж такой прогрессивный святой был, привлекали мы его и за пьянство, и за драку, но нечисть его попугивается, это точно. Я побродил туда-сюда по горнице, в одиночестве сгрыз пару яблок и вновь вернулся к вопросу о похищенных чертежах. Увы, ничего дельного на ум не шло... Все были при деле, один я не находил себе применения. Заняться было абсолютно нечем, хотя душа требовала работы. В конце концов я принял решение, не дожидаясь Митькиного прихода, собственноручно отправиться на царский двор и еще раз побеседовать с Ксенией Сухаревой. Пусть это невежливо, нетактично и вообще нехорошо, но...

– Батюшка сыскной воевода! – В комнату сунулся один из стрельцов, дежуривший у входа в отделение. – Девица тут пришла, вроде пропажа у нее, очень принять просит.

– Зови. Хоть какая-то работа.

Стрелец кивнул, через пару минут в горницу вошла черноволосая девушка в лапотках и новеньком сарафане. Я невольно охнул – та самая, что стояла у кожевенной лавки. Такие огромные выразительные глаза, увидев один раз, уже не забудешь...

– П...проходите, чем могу помочь?

– Колечко у меня пропало, мамино... – Ее голос был необыкновенно мягкий, грудной и какой-то обволакивающий. Хотелось просто слушать его тембр, даже не задумываясь над тем, что она говорит.

– Поподробнее, пожалуйста. – Я суетливо полез в планшетку за блокнотом, потом вытащил карандаш, уронил, опять достал из-под стола. – Вы... не обращайтесь внимания, присаживайтесь, говорите, я слушаю.

– Что говорить-то? – лучисто улыбнулась она, а мне почему-то

захотелось, чтобы мои сотрудники подольше не возвращались.

– Давайте с самого начала. Как вас зовут?

– Олёна.

– А меня Никита... в смысле, Ивашов Никита Иванович, начальник лукошкинского городского отделения милиции.

– Да уж слышаны, – еще раз улыбнулась девушка, осторожно присев на краешек лавки. – Я сама-то из дальней деревни буду, а здесь у тетушки на воспитании нахожусь. Родители мои по весне померли, так тетя меня к себе и забрала. Я им с дядюшкой по хозяйству помогаю: в лавке убираюсь, с детишками ихними сижу, к работе домашней сызмальства приученная. А от матушки на память колечко было малое, красного золота с розовым камушком. Иногда только надевала в церковь сходить или на гулянья какие... Вот сегодня утром в храме свечи за упокой душ родительских ставила, обратно через базар возвращалась... прихожу в лавку, глядь – а на руке нет кольца...

– Ну, ну... не надо слез, гражданочка... – Ее глаза предательски заблестели, а я не знаю, как себя вести с плачущими женщинами. – Не волнуйтесь, мы обязательно найдем вора и вернем вам вашу собственность. На базаре, говорите? Я давно собирался навести там порядок. Вспомните, пожалуйста, у этого колечка были какие-то особые приметы?

– Нет вроде... ободок золотой, обычный, а вот камушек ровно в серединке цветка пятилепесткового лежит.

– Это уже примета. Так, записал... Значит, сегодня я направляюсь со стрельцами проверить некоторые особо криминальные места вроде Кобылинского тракта. Если что-нибудь найдем, где мне вас искать?

– Кожевенная лавка у Колокольной площади, недалеко здесь, – охотно пояснила она, вставая и поправляя сарафан. – Только дядя у меня очень уж строгий, вы в ворота не стучите, там рядышком встаньте – я сама выбегу.

– Еще удобнее, – сразу согласился я, перспектива встреч под присмотром бдительных родственников меня не грела ни грамма. Девушка по имени Олёна попрощалась и, улыбнувшись, ушла. Я прыгнул к окну, ревниво глядя, как дежурные стрельцы откровенно пялятся ей вслед, а потом с долгим вздохом растянулся на лавке. Царское дело подождет! На сегодня у милиции есть более важные проблемы... Мы как раз договорились с Фомой насчет визита в криминальный вертеп, прикрывающийся вывеской безобидного трактира и полный отпетого уголовного элемента, так почему бы не выяснить и насчет кольца? Если оно было похищено именно на базаре, а не где-нибудь в другом месте, то на «малине» должны об этом знать. М-м... девочка, кстати, очень приятная.

Причем во всех отношениях... И на лицо, и на фигурку, и, судя по разговору, не дура набитая. Опять же повод есть познакомиться поближе... Надо срочно приложить все усилия к поиску этого маминого кольца! Не думаю, что оно доставит больше хлопот, чем царский перстень с хризопразом...

Баба Яга подошла минут через пятнадцать...

– Никитушка, чегой-то стрелыцы у ворот мечтательные, ровно коты, сметаны объевшиеся? Охти... да ты и сам не в себе! Что тут такое приключилось?

– А? Где? Да ничего ровным счетом...

– Кто здесь был, Никитушка? Вроде девица какая... – Наш эксперт-криминалист так откровенно втянула ноздрями воздух, приняхиваясь к чему-то совершенно неуловимому, что мне стало неудобно...

– Был клиент. В смысле, потерпевший...

– Потерпевшая! – непреклонно давила Яга. – Девица! И не морочь мне, старой, голову!

– Господи, да никто вам ничего не морочит... – Надувшись, я сел на скамью и подробно разъяснил: – Приходила девушка, по делу, просила отыскать украденное кольцо. Мелкая золотая безделушка, с розовым камушком, наследство от покойной мамы. Я принял к сведению. Будем работать в «малине» – поинтересуюсь по ходу... Вот и все.

– Ох, сокол ты мой ясный... – Баба Яга присела рядышком, душевно обняв меня за плечи. – Ну наконец-то и ты средь девок лукошкинских хоть одну вниманием отметил. По делу, говоришь? Что ж, спервоначала, да для знакомства, и это сгодится. Девки, они героев любят. Отыщем мы ее колечко, не сумлевайся, уж я сама прослежу... Как хоть зовут зазнобушку?

– Она не...

– Хорошо, потерпевшую?

– Олёна, – тихо признался я.

– Олёнушка, стало быть... – Полуприкрыв глаза, Яга вдохновенно ударила в воспоминания: – Много их в свое время бегало по лесам да по долам за Иванами всякими. И ведь без разбору бегало – что за царевичами, что за дураками... Всякие попадались, только я их по доброте душевной да сродственности женской не ела никогда. Ни дур, ни умниц, ни красавиц... А ведь кое-кого стоило бы! Вот, на памяти моей, была одна... вроде девчущечка совсем, мачеха ее за огнем прислала. Я огня дала, жалко, что ль... Так эта мерзавка мелкая мне кота со двора сманила, ворота маслом облила, всю пряжу поперезапутала да еще и гребень волшебный с полотенцем стырила! Вот тебе и молодежь! Так что Олёнушки, они тоже...

разные бывают...

Митю привели под вечер... Именно привели. Шестеро стрельцов из царской охраны, с пищалями на изготовку и зажженными фитилями. Старшой сдал мне его с рук на руки во дворе отделения и честно предупредил:

– Ты уж, сыскной воевода, посматривай... Не след энтому петуху в чужом курятнике хвост распускать. Государь сегодня занят дюже, но ежели завтра милашки его прежние порасскажут, чего и где им твой парень обеими руками понаобещал... У баб язык длинный, а расправа у царя короткая. Уж ты не взыщи, а нам вмешаться пришлось...

– Вообще-то наш сотрудник выполнял мое личное, секретное распоряжение, работая по данным уголовного розыска, – пояснил я, поддерживая честь мундира.

– Все одно, не одобрит государь, чтоб твой олух ко всем девкам дворовым под сарафан лез, да еще по твоему секретному распоряжению.

– Ко всем?! – не сразу уловил я, беспомощно ища взглядом Митьку, но он вовремя скрылся в комнатке у бабки.

– Как есть ко всем! – клятвенно заверил стрелец. – Даже нас поначалу зависть взяла... Ну, пощупал бы, и ладно, дело молодое, шаловливое... Но он же, охальник, по одной на сеновал в конюшню волочил, а зачем?! Тоже небось по данным уголовного розыска?..

Кончилось тем, что я принес извинения от лица всего отделения милиции. Потом пошел ловить Митьку. Он успел доложить Яге о выполненном задании, широким жестом отказаться от ужина и уже почти удрал спать, но я перехватил его в сенях. Долго мы с ним беседовать не собирались, но конкретные данные по делу хотелось получить сегодня же. Еремеев должен зайти после девяти вечера, я и Митьку планировал с собой взять, если, конечно, он не расскажет чего-то такого, что придется прятать его в порубе от законного царского гнева.

– Сначала доклад. Почему тебя привели стрельцы, расскажешь позже.

– Как прикажете, батюшка сыскной воевода... Ну, значит, сначала-то я на базар побег, гостинцев для девиц царских прикупить. И вот что я вам, дорогие сотрудники, доложу... Давненько мы там с ревизией не были! Орехи недокаленные, семечки сплошь пережаренные, петушки на палочке до того малы, что честному человеку и пары раз не лизнуть, а уж что тетка Матрена с капустой делае-е-ет...

– Ближе к делу, – вежливо напомнил я.

Митька обиделся, засопел, но сумел-таки овладеть собой, переходя к самому главному:

– На подворье царском девок да молодух разных много шастает. Я там у парней поспрошал, которые красавицы к царю поближе будут. Оказалось, что и окромя Ксюши дворниковой таковых прелестниц ажно пять штук обретается. Есть даже две, каковые уж второй год подле спальни государевой трутся. Я так думаю, сие есть разврат и блудодейство! Так что пора их брать за энто дело...

– И думать забудь, – вставила свое слово Баба Яга, – вот женится царь наш батюшка, все вертихвостки, ровно вши, отпадут! А нам и без них хлопот хватает, дальше давай...

– Дальше-то? А... вот живут они меж собой дружно, волосья по бабьему делу дерут редко. И что касемо связей с заморскими посольствами, так замечены не были.

– Негусто... – поморщился я. Версия о причастности иностранных гостей тоже пока успешно проваливалась. – Слушай, ведь гражданка Сухарева на данный момент фаворитка у Гороха, как к этому относятся ее подруги?

– Дык... никак, – пожал плечами Митяй. – Они-то все и не подруги ей вовсе. Марьяна – дьякова дочь, Танюха рыжая – стрелецкая, Варька – поварская, Танька черная – вообще внебрачная, боярская, а уж Любка – та государева сокольничего будет. Им с дворниковой дочкой общаться – срам один, да и... дурочка она...

– Совсем плохо, Никитушка, – в тон моим печальным мыслям вздохнула Яга, – завязли мы в этом деле, куда ни кинь, а подозреваемых нет.

– Ладно, можешь идти... – я было отпустил Митьку, но спохватился: – Эй, эй! Минуточку, ну-ка поясни теперь, за что к тебе стрельцы привязались?

– А-а... от скуки небось, воевода-батюшка! – недоуменно развел руками он, делая такие честные глаза, ну как у великомучеников на иконах. – Им-то, видать, при дворе совсем заняться нечем... Кричали, будто бы я девок энтих, уголовно подозрительных, силком на сеновал за конюшней волок. Брехня! Неправда бесстыжая! Рази ж я кого силой поволоку? Они сами с радостью шли...

– А вот срубит тебе Горох башку твою дремучую за таковую радость – будешь знать! – погрозила пальчиком моя домохозяйка. – Предупреждали ведь... За каким лешим ты на сеновал с девками поперся?!

– Да поговорить же! Вот те крест, бабуленька, только разговору ради! На подворье-то люди кругом, стрельцы, слуги, гости разные, народу – не протолкнись! Где ж мне было еще втайне, да с глазу на глаз подробный

допрос вести?

– Все последствия твоих допросов будут ясны уже завтра, а сейчас отдыхай – ночью идем на задание.

Митька просиял, забыл про сон и резко захотел отужинать. Со двора доносились голоса сменной стрелецкой стражи – видимо, Еремеев уже пришел. Надо поторапливаться...

– Ох, Никитушка, да надо ли тебе на ночь-то глядя по притонам разбойничьим шарить? Нешто Фома там один шороху не наведет? Или вон возьмите всю сотню разом да и накройте гнездо злодейское!

– Не получится, – вздохнул я, между делом пытаюсь решить, брать с собой царскую саблю или не брать. – У них вполне законный бизнес, налоги в казну отчисляют регулярно, законопослушный имидж поддерживают, их и ухватить-то не за что. Нельзя прикрывать коммерческое заведение на основании одних только слухов и подозрений. Вот сегодня наши стрельцы прочешут весь трактир, если что-то серьезное найдут – тогда да! Если же нет, я очень вежливо побеседую с хозяином, попытаюсь склонить к работе внештатным информатором.

– А ежели он, супостат, откажется?

– Замучаю финансовыми проверками... – В некоторых случаях мы позволяли себе расширять милицейские права до полномочий налоговой инспекции и полиции нравов.

Баба Яга подумала и согласилась:

– Митьку с собой возьми, чую я, этой ноченькой он тебе понадобится.

– Возьму, непременно, только вы меня не ждите, ложитесь спать. Раньше полуночи мы все равно не освободимся...

Выезжали верхами. Фома Еремеев взял с собой шестерых проверенных бородачей да плюс еще мы двое – отряд получился вполне солидный. Саблю я, кстати, так и не захватил... Скакали легкой рысью, больше молча. Я пытался выстроить в уме логическую схему преступления, но все разваливалось на пустом месте. В деле кражи чертежей мы не сдвинулись ни на шаг, в деле убийства Николая Сухарева – тоже. Вообще-то именно такие, простенькие на первый взгляд дела и оказываются обычно самыми неразрешимыми. Никаких особых событий, никаких свидетелей, никаких подозреваемых, никаких улик, ни-че-го... Тихая, будничная рутина, засасывающая не хуже болота. Единственный положительный момент – это знакомство с Олёной. Очень приятная девушка, практически без изъянов... и кольцо тоже, кстати, потеряла. Потеряла или украли – сейчас без разницы... Главное, что доблестный младший лейтенант уже готов очертя голову броситься в самый бандитский

притон, перевернуть там все вверх дном и вернуть племяннице владельца кожевенной лавки золотое колечко ее мамы! Вот такой я герой... В лепешку расшибусь ради интересов следствия! И надо же было Гороху так не вовремя влезть со своими похищенными чертежами?!

Трактир или, правильнее, постоялый двор действительно находился не очень далеко. Он стоял у развилки дорог, в одну сторону шел большой Кобылинский тракт, по нему купцы ездили в европейские страны. Другая дорога, поменьше, вела к Подберезовке, от нее – к Сморчкову, а там за лесом – к небольшому городку Емцу-на-Яузе. Довольно обширный двор был обнесен высоким тыном из добротных бревен, внутри – конюшня, два сарая, овин; само здание трактира представляло высокий двухэтажный терем. Светились узкие окна, слышались музыка и песни, а духмяный запах сивухи мы почувствовали еще за полверсты. Ворота открыл разбитной малый, кривой на один глаз. Показал, куда привязать лошадей, и с поклонами повел нашу группу внутрь. Митьку я оставил у коновязи. Во-первых, кони при нем сохранней будут, а во-вторых, ему в трактире на дух появляться нельзя – напьется же, гад! Пусть постоит на ночном холодке, ему полезно... Но, видимо, кто-то из сердобольных стрельцов, пожалев парня, сунул ему тайком фляжку. Кто именно, так и не признались, хотя на следующий день я спрашивал! Для того, чтобы вынести нарушителю... благодарность.

– Добрый вечер, граждане. Кто здесь хозяин?

Наше появление было встречено самыми неодобрительными взглядами. Ресторанный зал, если так можно выразиться, занимал половину нижнего этажа. Три длинных стола с широкими лавками, нечто вроде барной стойки тут же за перегородкой и кухня с отчаянно чадящей печью. За столиками пьянствовала пестрая публика, человек двенадцать, может, больше. На вид – явные бомжи, разбойники и душегубы. Двое терзали залапанные балалайки, один без устали орал похабные частушки, заткнувшись только под моим пристальным взглядом. Девочек заметно не было, во всем остальном – типичный притон, примерно как у нас в Москве, естественно, с поправкой на эпоху...

– Я, я – хозяин! – Из-за стойки неслышно выплыл скользкий мужик с необъятным пузом, редкой бородкой и масляными волосами, аккуратно расчесанными на пробор. Улыбка во всю ширь, а голубенькие глазки так и лучатся плохо скрываемой ненавистью. – Никак сам батюшка сыскной воевода пожаловать изволили?! Прошу, прошу всех к столу, сейчас мы живенько все...

– Не надо, я по делу. Ваша фамилия, имя, отчество?

– А... Погановы мы, Селивестр Петрович. Только что ж...

– Не волнуйтесь, гражданин Поганов, – хладнокровно пояснил я, – проводится обычный милицейский рейд. У вас ведь тут ничего противозаконного не происходит? Тогда не потейте заранее, стрельцы осмотрят помещение, а мы с вами пока побеседуем.

– Ка...как прикажете, батюшка.

– Фома, проверьте всех здесь присутствующих, обыщите двор и все подсобки. Если что подозрительное, сразу докладывайте мне. Граждане, прошу всех сохранять спокойствие и не мешать работникам отделения! Ведь никто не хочет, чтобы у Селивестр Петровича были неприятности с законом?

Стрельцы споро взялись за дело, а мы с хозяином уселись в дальнем уголке. Трактирщик явно нервничал, и я не торопился облегчить ему жизнь, у негодая, несомненно, рыльце в пушку...

– Давно занимаетесь гостиничным бизнесом?

– А? Чего?! Не понял я...

– Я говорю, давно содержите постоялый двор?

– Давненько, ужо годков двадцать содержу, – облегченно зачастил хозяин. – Дело-то нехитрое, но ить и небогатое. Все в казну государеву уходит, сам-то едва концы с концами свожу. Цены на все – эвон какие, а гостей да постояльцев – почитай и нет! Кручусь, с хлеба на квас перебиваючись...

– Знакомая песня, – подтвердил я. – А что у вас тут за контингент?

– За... кто?

– Что за люди, я спрашиваю?

– Ох, да разный народец... Бывает, купцы заглянут али служилый люд, крестьяне с соседних сел бывают, цыгане, богомольцы, кого только ни принесет нелегкая...

– Ну а что касемо уголовного элемента? Воры, разбойники, бандиты, убийцы...

– Да избави Господь! – не постеснялся дважды перекреститься гражданин Поганов. – Али уж на нас креста нет?! Мы лихих людишек стороной обходим, забором отгораживаемся, ни в каких таких связях не замечены...

– Селивестр Петрович, я ведь тут при исполнении, мне особо уши лапшой завешивать не стоит. Давайте поищем пути к разумному компромиссу, мне от вас понадобится...

– А вот это мы завсегда! – по-своему истолковывая мои слова, перебил

трактирщик, извлекая из-за пазухи объемистый кошель.

– Уберите деньги, – ровно приказал я. – Увижу еще раз – получите срок за попытку подкупа должностного лица при исполнении им служебных обязанностей.

– Ви... вино... виноват, батюшка... не так расслышал...

– Мне от вас понадобится некоторая информация.

– Да уж не хочешь ли ты, ищейка милицейская, чтоб я у тебя на свою братву стукачом барабанил?! – мгновенно ощерился трактирщик, побагровев лицом.

Это тоже своеобразная роль, он наверняка продаст и маму родную, но хочет, чтобы поугovarивали...

К столу неторопливо прошествовал Еремеев, бухнулся на скамью рядом, беспристрастно доложив:

– В конюшне два жеребца, чернилами перекрашенные. У гостей сегодняшних восемь ножей засапожных взяли, четыре кастета да два кистеня, а у одного так и пистоль самопальный. В овине подвал нашли, в нем рухлядишки всякой – на десятерых одеть достанет. А уж водка здешняя никак не царевых винокуренов, тут же на кухоньке самопально гонят да поворовски продают. Наверху четыре комнаты пустые, постояльцев нет, но в одной с полов кровь замывали. Как ни верти, Никита Иванович, а местечко-то ох какое интересное...

– Ну что, гражданин Поганов, будем говорить? – Я оторвался от блокнота, аккуратно записав все, что выдал начальник стрелецкой сотни.

– Будем, – прошипел прижатый к стенке хозяин.

– Вот и отлично, а теперь скажите, вы слышали о недавней краже в царском тереме?

– Может, и слышал, да мало ли люди спьяну болтать будут.

– Поподробнее, пожалуйста.

– Ладно, участковый... Скажу, что ведаю, только спрос с меня малый, сам не был – не видал, за что купил – за то и продаю. Так вот, сидели у меня вчерась двое ночных работников из тех, что при солнышке спят, а при луне вольного хлеба ищут... И шел промеж них спор о воре диковинном! Ну, будто бы появился в столице знатный вор, такой смелости да ловкости, что на ходу подметки режет. И нет ему ни в чем равных! Так будто бы похвалялся тот вор самого царя обокрасть-обобрать до ниточки... Веришь – нет, а все золото-серебро из казны государевой повытаскать!

– Не самая лучшая сказка... – печально вздохнул я. – Если вы действительно в курсе дела, то знаете, что из царских апартаментов было похищено нечто иное.

– Да знаю... – небрежно почесал у себя в бороде хозяин трактира, – бумажонки какие-то пустяковые унесли. Только в нашем государстве их не купишь – не продашь, какая ж в том корысть?! А только крал их тот самый заезжий вор!

– Гастролер, значит... Откуда такая уверенность?

– Дак... работнички те же с ним вместе работали, на стреме стояли. Свою долю честно получили да здесь у меня и тратили...

– Кто они? Имена, фамилии, адреса... – Я вновь взялся за блокнот.

– Не серчай, сыскной воевода, – широко улыбнулся Селивестр Петрович, разводя руками, – что знал – сказал, а чего не знаю – уж не взыщи...

– Угу, – переглянулись мы с Еремеевым. – Фома, опечатывайте помещение, всех посетителей под замок, а гражданина Поганова в отделение до выяснения обстоятельств.

– Юрка Боров да Борька Свин, брательники они... – сквозь зубы процедил трактирщик, – живут в Лукошкине, на Колокольной площади.

– Большое спасибо.

– И тебе тем же подавиться, аспид милицейский...

Я удержал руку Еремеева, хотя дать мерзавцу по морде, несомненно, стоило. Однако полученные сведения с лихвой перекрывали мой моральный ущерб. А так как время явно пошло за полночь, стоило собираться домой.

– Селивестр Петрович, хочу поблагодарить вас за содействие органам и от души предупредить: следующая ревизия будет у вас в конце этого месяца. Если за оставшиеся пять-шесть дней вы не исправите обнаруженные нами недостатки – я попросту прикрою заведение. А теперь, пожалуйста, по кружечке кваса всем стрельцам, за мой счет, разумеется, и мы едем...

Хозяин, видимо, хотел достойно ответить, но, встретившись взглядом с начальником стрелецкой сотни, передумал:

– Настасья! Квасу для... дорогих гостей!

Из кухни, покачивая бедрами, выплыла грудастая рыжеватая красotka из разряда «ночных фей» привокзального уровня. Она несла жестяной поднос с колоннадой глиняных кружек, следом появился и запотевший деревянный жбан с квасом. Деваха ловко черпала его половничком, разливая по кружкам. Я даже как-то не сразу осознал, почему так пристально вглядываюсь в ловкие движения ее рук... На мизинце левой играло маленькое золотое кольцо с розовым камушком посередине!

Я автоматически отставил кружку, даже не успев отхлебнуть. Знойная

Настасья проследила мой взгляд, удовлетворенно улыбнулась, повела полными плечами и, опустив ресницы, отправилась назад на кухню.

– Кто эта женщина?

– Настька-то? – ухмыльнулся хозяин. – Работает тут у меня, на все руки мастерица. Где прибраться, где сготовить, а где и постель гостям постелить... А ты что ж, и ее допрашивать будешь? Так я возражений чинить не стану... Твое дело милицейское, иди да спрашивай!

По его скабрешней улыбочке было ясно, о чем и как мне надо «допрашивать» эту гражданочку. Подлецы подобного рода всех меряют на свой аршин. Я спокойно встал и направился в кухню, вслед за золотым колечком.

Настасья, убедившись, что я «на крючке», прошествовала через все помещение мимо печи, чана с грязной посудой и корзины с продуктами к высокой лестнице на второй этаж. Пришлось еще и подниматься...

– Гражданочка!

Уже в коридоре у каких-то дверей она соизволила удивленно обернуться.

– Поклон вам, сыскной воевода!.. А мне-то и невдомек, кто там позади топает... Надо чего?

– Надо, – кивнул я и показал пальцем: – Колечко красивое у вас, позвольте взглянуть поближе?

– Смотрите, не жалко... За погляд денег не возьму. – Она с самым царственным видом сунула свою руку буквально мне под нос.

Тонкий ободок, пятилепестковая ромашка с розовым самоцветом посередине, все сходилось.

– Нравится?

– Очень симпатичная вещичка... Откуда оно у вас?

– Селивестр Петрович нынче вечером и подарили, а что?

– Это кольцо проходит у нас по ориентировке как украденное. Причем украдено именно сегодня утром, ближе к вечеру пострадавшая уже обратилась в отделение. Я вынужден попросить вас спуститься со мной вниз и произвести с вашим хозяином очную ставку.

– Ой, нет! – Девушка сразу сдала все позиции и едва не рухнула на колени. – Нет, дяденька участковый, не води меня к нему! Он злой, он страшный... у него тут такие дела творятся – кровь в жилах стынет! Не выдавайте меня-я! Не пойду-у-у... боюсь!

– Вам нечего бояться, вы под охраной милиции, – попытался успокоить я, но Настасья уже всю заливалась слезами:

– Не пойду-у! Не хочу-у! Не буду-у! Он меня убьет... сей же час, как

увидит, так и убьет!

Я совершенно не умею себя вести с плачущими женщинами – у меня буквально руки опускаются! Добрых десять минут пришлось потратить на уговоры, успокаивания, утешения и обещания всевозможных гарантий. Когда у меня уже просто слов не было, истерика неожиданно прекратилась, несчастная вытерла нос рукавом и деловито предложила:

– Пойдемте со мной, сыскной воевода. Тут комнатка тайная рядом... Я там вам все покажу да про преступления здешние все как есть понарасказываю!

Мы вошли в уютную, со вкусом обставленную спальню, освещаемую лишь большой лампадой под иконами в углу. Настасья почти силком усадила меня на свежаправленную кровать, отошла к дверям, убедилась, что в коридоре никого нет, и заговорщицки приложила палец к губам:

– Не ведаете вы, гражданин участковый, куда попали... Это ж самое разбойничье гнездо! Много гостей в наш трактир заходит, да немногие на своих ногах до дому возвращаются... Место это страшное, нехорошее! Сколь людей разных здесь Богу душу отдали, только болото здешнее и знает... Зря вы сюда приехали, зря все разнюхиваете, все одно, кроме смерти, ничего не сыщете... Будь ты проклят, собака милицейская!

Что она сделала, я не заметил, наверняка дернула какой-то рычаг или наступила на секретную педаль... Кровать резко обернулась вокруг скрытой оси, и я камнем рухнул в темноту! Мой вскрик заглушил демонический хохот подлой бабы...

Нет, на этом все не кончилось. Писал бы я эти строки, если бы не остался жив... Фортуна, везение, госпожа удача, счастливый случай, всегда спасающий пьяных и милиционеров, – называйте как угодно. Я зацепился за какой-то шкворень в стене ремнем портупей. Лихорадочно нащупывая в полной темноте хоть какие-то выступы, сумел удержаться. Не видно было ни зги! Внизу мне явно делать нечего, поэтому, кое-как уняв отчаянно бьющееся сердце, я попытался вскарабкаться вверх. Грубые неструганные доски, из которых и состоял сам «колодец», имели массу щелей, с помощью которых очень опытный скалолаз мог бы рискнуть совершить восхождение. Я альпинистом не был... Но у меня и выбора не было тоже! Либо вниз, где наверняка острые колья, либо вверх, в темную неизвестность. Хотя почему неизвестность? Там должна быть кровать. Я карабкался до тех пор, пока не стукнулся головой о днище кровати. Упираясь изо всех сил, почувствовал, как она поддается и медленно поворачивается на хорошо смазанных петлях. Как выбрался – не помню... Повалившись на пол, долго не мог отдышаться. Фуражку где-то потерял...

А-а, нет, вот она, родимая, у стенки валяется. Ну все, мирные переговоры кончились! Пора накрывать эту лавочку... Прав был Еремеев, здешних преступников не перевоспитывать надо, а брать в кандалы – и на царский суд! Горох особо церемониться не будет... и правильно. Теперь я на своей шкуре испытал судьбу тех бедолаг, что пропали без вести, остановившись на ночлег в каких-нибудь двух верстах от столицы! У меня хватит доказательств упечь всю банду на пожизненную каторгу, один «колодец смерти» чего стоит... Однако где же остальные? Надо поднимать еремеевских стрельцов и вязать хозяина, пока не сбежал... Я встал на ноги, отряхнулся и пошел на выход. Дверь была не заперта, спустился вниз так же, по лестнице, и через кухню... Мать честная! Все наши стрельцы в одном исподнем валялись прислоненные к стеночке, а их одежду и оружие уже увязывали в узлы под торопливым руководством Селивестра Петровича. Увидев меня, Настасья взвыла дурным голосом! Все обернулись...

– Живо-о-ой... ишь ты! – недоуменно протянул трактирщик. – Как же ты выбрался, участковый? До тебя из «колодца» нашего еще никто живым не выползал... Ну да ладно, окажу тебе, сыскной воевода, честь особую – своими рученьками сердце твое ретивое выну! А ну, взять его...

Двое бандитов, засучив рукава, пошли на меня, и я лишний раз пожалел об отсутствии табельного оружия. Потом времени на сожаления не осталось... Первого детину я попросту пнул сапогом в пах, жестко, но действительно. Второму вывернул запястье и с размаху приложил ребром ладони в основание затылка. Вот так, господа уголовнички! Милицию голыми руками не возьмешь...

– А ну, все, дружно! – взревел озлобившийся главарь. – Режь его, рви его, зубами грызи падлу участковую!

С ножами и кастетами на меня пошли все. В общей сложности человек двенадцать, и, будь я хоть с черным поясом по каратэ, – они бы меня замочили. Но в этот момент дверь в трактир распахнулась, и на пороге возник Стивен Сигал местного разлива из недалекой Подберезовки! Митька был в меру навеселе, то есть еще держался на ногах, но говорил уже с заметным спотыканием даже на коротких дистанциях:

– Ба...тьюш...ка сыскной вое...в...да. Чей-то тут?! Опять, что ль... рыкитиры всякие родную м-милицию забижают?! У-у-у... злыдни н-невежественные! Р-руки пр...чь от Ник-киты Иваныча!

– Перо под ребро пьяни стоеросовой, – коротко приказал Селивестр Петрович...

И началось. Я, честно говоря, в этом зверстве особо не участвовал,

сообразил не лезть под горячую руку. Видели в китайских боевиках стиль «пьяный кулак»? Ну вот это было нечто подобное, но с русским размахом от всей широты души! Митька вообще только мертвецов боится, а уж «выпимши» ему и сам черт не брат! Когда все было кончено – в трактирном зале не было ни одного целого стола, от лавок остались только щепки, от посуды – черепки, даже печь на кухне и та пострадала... На мои плечи легла нелегкая задача связать бессознательно валяющихся преступников и оказать им хоть какую-нибудь медицинскую помощь. Митька приволок два ведра колодезной воды – одно вылил себе на голову, из другого окатил весь ряд храпящих стрельцов. Еремееву с ребятами повезло – в квас было подмешано лишь быстродействующее снотворное, а могли бы яду сыпануть... Возвращаться в Лукошкино уже не имело смысла, поэтому я дал приказ выставить часовых и расквартироваться на ночлег здесь. Мы проверили конюшню, покрепче заперли ворота, забаррикадировали входную дверь и буквально повалились спать. Слишком много эмоциональных потрясений за один вечерок... «Спокойной ночи».

Утро не обрадовало пробуждением. Меня тряс за плечо встревоженный Еремеев:

– Вставай, сыскной воевода, беда!

– Что случилось?!

Я поднялся на ноги. В разгромленном помещении стояло трое стрельцов и Митька. На полу у стены лежало чье-то тело. Подойдя ближе, я узнал хозяина трактира. Одного взгляда на несчастного было достаточно, чтобы понять – Селивестр Петрович умер не своей смертью...

– Мы-то, как на заре встали, тебя решили не будить, – тихо заговорил Фома. – Работничков этих ребята на двор потащили, телегу из сарая выкатили, думали всех в город везти. А хозяин возьми да и попроси водички испить, жалобно так... Ну, твой сотрудник ему ближайшую кружку-то и поднес. Тот только разок глотнуть успел, вздрогнул весь и головушку свесил! Мы к нему, а он уж не дышит...

Митька с серым лицом смотрел на меня умоляющими глазами. Что же здесь, черт возьми, произошло?! Откуда в полностью разоренном зале взялась целехонькая кружка с водой? Я осторожно поднял ее с пола и принюхался... Так и есть! Знакомый запах горького миндаля...

– Тело к нам в отделение. Остальных – в тюрьму. Кружку я беру с собой, это вещественное доказательство. Да, а где девица, такая смазливая... Настасья?

– В уборную пошла, упросила, – ответил кто-то из стрельцов.

– Ее тоже к нам в отделение, с ней будет особый разговор, не забыть бы кольцо забрать... А здесь оставьте двоих как охрану, к обеду пришьлем сюда полную бригаду с дьяком для описи и обыска.

Место оказалось значительно опаснее, чем представлялось на первый взгляд... Собираться начали минут через пятнадцать. Пришлось задержаться, потому что эта стерва умудрилась удрать! Как? Это и мне интересно... Уборная стояла в дальнем углу двора, у забора, за ним – тропинка в лес, отправляться в погоню бессмысленно... Ничего, объявим в общелукошкинский розыск, и преступницу найдут быстро. Пора домой, Яга небось и так с ума сходит... Пока то да се, короче, в обратную дорогу отправились где-то часов в девять, коней не торопили. Гордый Митька шумно расписывал стрельцам, как он вчера, по ночи, жизни за милицию не пожалел! Причем количество врагов, качество их вооружения увеличивались каждые десять минут. Все были чудовищно свирепы и силы немереной, особенно зверскими выражениями лиц отличались граждане Поганов и гражданка Настасья, кстати, последней почти удалось удушить нашего скромного героя девичьей косой... Стрельцы как будто бы верили. Лично у меня не было ни малейшего желания уличать кого-либо во лжи. Вполне хватало грустных размышлений по текущему делу... Что же я теперь скажу Олёне? Ведь украденное кольцо ее матери было почти у меня в руках! Я абсолютно уверен, что хозяин трактира скупал краденое и презентовал колечко своей служанке. Хотя она наверняка была и сожительницей и соучастницей – недаром так ловко управлялась с кроватью... Придется начинать поиски заново. Внезапно я поймал себя на мысли о том, что совершенно не думаю об исчезнувших чертежах. Если рассказ трактирщика хоть в какой-то мере содержал зерно истины, то следует все силы бросить на поиски этого таинственного вора, похваливавшегося ограбить самого царя. Единственная зацепка – его подельники, некий Боров и некий Свин, придется браться за них в первую очередь. И наконец, самый важный вопрос – внезапная смерть хозяина трактира. Получается, будто кто-то, дождавшись, пока все уснут, принес из кухни уцелевшую кружечку, налил воды и всыпал туда цианид. Значит, бедный злодей Селивестр Петрович знал гораздо больше, чем успел рассказать. Он мог выдать того, кто причастен к смерти дворника Сухарева, а следовательно, имеет прямое отношение к краже планов летучего корабля. Одна проблема – всех разбойников, побитых Митькой, я связывал собственноручно, готов поклясться: больше на постоялом дворе никого не было...

Первое, что поразило меня при въезде в город, была непривычная

тишина. На улицах не толпился народ, ставни домов закрыты, базар словно вымер, одинокие стрелецкие наряды да случайные прохожие казались выходцами из другой сказки. За ночь моего отсутствия город сменил лицо, и оно мне совершенно не нравилось... Чем ближе мы подъезжали к отделению, тем чаще встречались конные группы царских стрельцов, рыскающих в проулочках. Из-за ставен и заборов робко высовывались испуганные лица лукошкинцев, люди истово крестились при виде нашей кавалькады и поспешно прятались вновь. Вслед нам летел набирающий мощь шепот:

– Слава тебе господи, участковый вернулся...

Ворота в отделение нам распахивали еремеевские стрельцы, почти вся сотня в полной боевой готовности расположилась на дворе. У забора стояли бдительные часовые, у всех парней были зажжены фитили, и выражения лиц говорили о готовности в любую минуту отражать от стен милиции неизвестного врага. Баба Яга расхаживала меж стрельцов, выдавая каждому сухой паек в виде большого куска пирога с капустой и пары головок чищеного лука.

– Иди в терем, Никитушка, там поговорим. А вы, молодцы, бдительность не теряйте, не ровен час, бояре и раньше двенадцати за дело возьмутся...

Даже не пытаясь хоть что-нибудь понять, я послушно направился в горницу, Митька увязался следом. На этот раз Яга не стала его гнать, а, наоборот, потребовала, чтобы мы все сели в кружок, поближе друг к другу.

– Наперед скажи мне главное, Никитушка, чертежи царевы не отыскал ли?

– Нет, – честно признался я, – но есть несколько вполне рабочих версий...

– А с этим уже погодить придется! – жестко оборвала меня Баба Яга. Судя по всему, положение действительно было крайне серьезное. – Пришла нам всем одна беда, откуда и ждать не ждали... Помнишь, царь-то боярам дозволил свое следствие вести, нашему рука об руку? Ну так вот, бояре-то и дорвались... В сыском деле, слышь, ни один не волокет, так вот чего они и удумали – Пашку Псурова звать!

Мне это имя ровно ничего не говорило, но Митька отреагировал иначе, вытаращив глаза и хватаясь за голову:

– Бабулечка, как же можно такое, ить он – дурак!

Ну-у... если уж наш Дмитрий называет кого-то дураком, то это очень серьезно... Яга кивком подтвердила мои опасения и настроилась подходить к объяснению:

– Пашка-то сам кто – пьянь, голь кабацкая! Да только верный он холоп бояр Бодровых, а они себя в большой силе числят... Но ежели Бог кому силу да положение дает, так в чем другом завсегда ущемляет. Вот и у Бодрова-старшего своего ума отродясь не было, то жениным, то соседским побирался... И вишь, как-то стукнуло ему в башку, будто пьяница придурковатый – на самом деле святой! Юродивый! И советы его слушать надо, аки слово Господнее... Так вот теперь всем расследованием боярским Пашка Псуров и руководит!

– Ну и пусть руководит, а нам-то что? – не сразу осознал я.

– А то, Никитушка, что он себе в помощнички дьяка Филимона взял, и они на пару за одну ноченьку весь город в подозреваемые поставили!

Вот тут и у меня не сразу нашлись слова... Круто! Действительно круто... О таких прецедентах мировая криминалистика еще не слышала. Были случаи, хватали кого попало из подозрительных, но чтобы весь город...

– Нынче на заре, едва петухи пропели, как по всему Лукошкину стрельцы царские разъезжать стали да в окна орать: кто сей же час чертежей государевых не возвернет, того в темницу с пытками, на правож!

– Не понял... – сбился я. – Это в смысле, кто вернет – тот молодец, а кто нет – того на дыбу?

– Именно так! – грохнула кулачком по столу бабка. – Может, они чего другое в виду имели, а только народ их по-своему понял. Как было сказано, так будет сделано! От всех улиц, кварталов да артелей избранные люди в отделение пришли. Помощи и защиты просят. А дьяк Филимон теперь по городу разъезжает да страшает всех, дескать, теперь я – милиция, мой суд да дело!

– И эту незаконную бредятину Горох называет «параллельным боярским расследованием»?! Митька, лошадей еще не расседлали? Я еду к царю!

– И я с тобой, касатик. – Яга побежала в свою комнатку за душегрейкой. – Только нам поспешать надо: Пашка да Филимон народу срок до полудни дали...

Я мало спал, очень устал за прошлую ночь и, поверьте, заниматься еще и боярскими диверсиями ни малейшего желания не было. Пусть творят, что хотят, у них есть на это высочайшее монаршее соизволение. С другой стороны, иначе как провокацией такие действия никак не назовешь... Они явно нарывались на конфликт, боярской думе было выгодно любое столкновение с представителями ненавистной милиции, и они специально отдали параллельное расследование заведомым придуркам, точно зная, что

я буду вынужден выступить против! Какая-то мышьяная возня, и все так не вовремя...

Внешне наш выезд очень напоминал хорошо организованный крестьянский бунт. Стоило выехать за ворота, как на всю улицу раздался душераздирающий, радостный вопль:

– Свершилось, православные! Сыскной воевода за правду-матку супротив самого царя идет!

Мы с Ягой медленно переглянулись, но возразить попросту не успели – за полусотней еремеевских стрельцов стал живенько выстраиваться народ. Как я уже упоминал, люди в Лукошкине отличаются завидной политической активностью. Вплоть до самого царского двора толпа увеличивалась прямо-таки в геометрической прогрессии, а выкрики уличных «пророков» становились все более воинственными и противоречивыми:

– Поберегись, злодеи басурманские! Сам участковый с бабкой Экспертизой к царю на почестен пир едут! Ох и много народу сегодня хмельными полягут... А и не поднять с того хмелю смертного ни мужичка, ни бабы... Эхма, судьба наша расейская!

– Не робей, братва! За друганов идем разбор чинить! Небось не ведает государь ни ухом ни рылом, какой беспредел от его имени по стране прет!

– Г'аждане, надо изб'ать делегатов! Опыт замо'ских ст'ан учит нас, что узу'паторы доб'овольно не отдадут нажитого на'одным го'бом... По'а п'извать их к ответу! Ми'ные пе'егово'ы ни к чему не п'иведут... Мы пойдем д'угим путем!

– Долой! Всех долой! И царя, и бояр, и попов, и... участкового тоже долой! Бога – долой, всю власть долой! Сами своей головой жить будем... Все общее, все народное, все наше!

Разъезды царских стрельцов не то что нам не мешали, а, наоборот, облегченно вздохнув, строились в колонны и дружно маршировали рядом. Как люди военные, они предпочитали не лозунги, а песни:

Что ни баба – королева,
Тока глянешь за фасад –
Раскудрить твою налево,
На крутой милашкин зад!

Таким образом, наше шествие здорово походило то ли на восстание, то ли на гулянье, но в обоих случаях – всенародное... На Гороховом подворье

нас встретили наглухо запертые ворота и грозные жерла пушек.

– Фома, – я поманил к себе Еремеева, – принимай командование. Окружить весь двор по периметру тройной цепью стрельцов. Будете сдерживать нездоровый энтузиазм трудового народа. Провокаторов и подстрекателей не лови, завязнешь в уличных беспорядках. Лучше примечай, кто проявлял тараканью активность, потом вызовем в отделение, побеседуем...

– Исполню, как велено, – сурово пообещал он. – А ты что, неужто так в одиночку на царя и пойдешь?

– Не на царя, а к царю, – наставительно поправил я. – Мы быстренько переговорим, и никаких проблем не будет.

– Бедовый ты человек, Никита Иванович... Поверь, зимой к медведю легче войти, чем к Гороху во гневе!

– А куда деваться, долг велит, служба требует... Ты, главное, проследи, чтоб народные массы не ринулись вслед за мной рушить «весь мир насилия», ничем хорошим это не кончится.

Потом были долгие споры с двумя лихими воеводами, чьи стрельцы охраняли ворота. Один считал нужным поставить меня «пред очи государевы», другой уперся – «ни в жисть не пущать»! Кончилось тем, что Баба Яга сотворила в заборе калиточку, сквозь которую мы и попали на царский двор. Вооруженные до зубов бояре набросились на нас мятущейся толпой, и если бы не многоопытный Кашкин – историю лукошкинского отделения можно бы и закончить... Нас отконвоировали в государевы палаты с таким «почетом», что и сам Кощей бы обзавидовался. Со всех сторон стволы, клинки, топоры, копья, безумные глаза и оскаленные в злорадных улыбках зубы. Втолкнули в небольшой зал для дипломатических бесед и оставили одних. Правда, ненадолго. Прежде чем мы сумели запаниковать, с той стороны дверей раздался раздраженный голос:

– Я вам кто – царь али дите неразумное?! Подите прочь! Я на милицию в одиночестве гневаться изволю...

Горох вошел довольный, улыбающийся. Самолично прикрыл двери и без предисловий пожал мне руку:

– Спасибо, что заглянул, Никита Иванович. Совсем у меня бояре из ума выжили... Весь терем гудит! Черт же меня дернул в прошлый раз дать им полномочия...

– Да уж, перестарались! Там за забором едва ли не половина города бухтит... социалистическую революцию устраивают!

– Видел, видел... – виновато поморщился Горох, – моя вина,

недоглядел, не проверил. Народ у нас незлой, сердце у людей отходчивое... Сегодня пошумят – завтра покаются. Ну кто ж знал, что бояре Пашку Псурова призовут?!

– Вы меня познакомьте потом с этим индивидуумом, я хоть буду знать, кто здесь является пародией на закон и справедливость. А сейчас, сделайте одолжение, попросите граждан разойтись! У меня и без их гулянок отделение делами перегружено...

– Ну уж нет, участковый! Сначала ты мне о чертежах расскажи... Где был, что видел, куда следствие продвинулось?

– Какое следствие?! – взвыл я. – У вас же там бунт на носу!

– Чушь не мели! – строго прикрикнул царь. – Я-то, чай, свой народ получше тебя знаю... Пуцай покричат, кулаками помашут, пар выпустят – невелика беда. Люди в мятежах свою значимость глубже понимают, друг за друга крепче стоят, а в результате и власть твердую вдвойне уважают. Дай народу побеситься, не вредничай...

– Ну-у, если вы с такой позиции...

– А ты, добрый молодец, вон тот шкафчик в уголке распахни! – Горох переключил внимание на нашего Митяя. – Во-во! Штоф зелененький бери, ага, тот, что побольше. И стопочки четыре к нему. Да там еще внизу пряники, изюм и вроде халва оставалась. Накрывай для нас с участковым да Бабе Яге наполнить не забудь, опосля чего и себя не обидь! Дозволяю...

Я окончательно перестаю его понимать. Взаимоотношения народонаселения и государственной власти в Лукошкине навсегда останутся для меня тайной за семью печатями. Вино у царя было хорошее... После второй я обстоятельно обсказал все произошедшее, начиная от убийства дворника и кончая разгромом бандитского трактира на Кобылинском тракте. Яга и Митька внесли свои поправки и пояснения. Митяй, в частности, покался за «допрос» девиц, приближенных к государю, а бабка зачем-то предложила заняться Ксюхой всерьез. В смысле сделать умницей-разумницей...

– Вижу, дело вы ведете верно, в направлении нужном. Как и обещал – препятствий в исполнении чинить не буду, а даже где и посодействую, – с самым генеральским видом закрутил усы царь Горох. – Вот тока обещай мне, Никита Иваныч, что ты моих бояр носом в лужу ткнешь! Пуцай на своей шкуре узнают, каков хлеб милицейский... Я их бранить не могу, слово нарушу, но ты – другое дело! Найди покражу, дай мне повод кой-кому при всех в бороду плюнуть... образно.

– По рукам, – согласился я, – но сейчас вы выйдете к народу. Времени – без десяти двенадцать, в двенадцать истечение срока. Отмените приказ

двух идиотов!

– Отменить не могу, – буркнул надежда-государь, но, глядя на наши вытянувшиеся лица, смиростивился: – Могу подправить...

Ровно в двенадцать, вместе с боем колоколов, на ворота собственного двора взобрался сам царь. Горох обвел взглядом притихшую толпу и громогласно объявил:

– Слово царское нерушимо! А только слуги мои верные с усталости великой да в рвении похвальном все сроки перепутали. Не сегодня пополудни ослушников брать будут, а через три дня! Все ли слышали, православные?! Через три дня! А до той поры гоните Фильку да Пашку взашей! Такова моя царская воля... Я вам – отец, вы мне – дети!

От восторженного рева убежденных монархистов голуби взлетели с теплых крыш. Я никогда не видел, чтобы одному человеку за такую короткую речь устраивали столь длительную овацию.

– Митя, поворачивай в отделение, у нас дела...

Граждане расходились от царского терема с песнями и плясками. Народ с истинно русским фатализмом праздновал трехдневную отсрочку, а там на «авось»... Либо участковый воров изловит, либо Пашку Псурова кондрашка хватит, либо государь, храни его Господь, еще поблажку даст! Лично для меня все это значило только одно – Горох очень обеспокоен пропажей чертежей, и я должен максимально ускорить их поиски. Каким образом? Никто не знает... а я сам тем более!

Уже когда мы сели за стол, когда закончили с обедом, я наконец смог толком рассказать Бабе Яге все, что удалось выяснить за ночной рейд. Старуха слушала очень внимательно, ни разу не перебив.

– Так, значит, гнездо злодейское мы прикрыли?

– Да, Еремеев должен был отправить туда большой наряд, собрать все краденое и опечатать здание. Задержанных уголовников уже отправили в тюрьму, для следствия их информация интересов не представляет.

– Что ж... Поганов этот по заслугам получил, глянула я мельком... Да ты и сам знаешь, ядом травленный, как и Николай Сухарев. А ить мы уже не свидетеля, подозреваемого теряем! Надо бы девку ту беглую отыскать... По всему видно, не простой пешкою она в игре участвует.

– Стрельцы хорошо ее запомнили, если она появится в городе, то возьмут быстро. Но я не уверен, что она имеет отношение к краже чертежей...

– А про воров тех, Борова да Свина, думаешь, имеют?

– Вечером пошлю Митьку незаметно прощупать почву. Вполне может

оказаться, что такие граждане не только не проживают в районе Колокольной площади, но и вообще не существуют в природе.

– Значит, у нас опять застой? – пригорюнилась Яга. – Версий нет, подозреваемых нет, братья не за кого... Так ведь, Никитушка? Колечко Олёнушки твоей нам свою помощь оказало, ясно теперича, кто в городе скупкой добра ворованного промышлял. Притон разбойничий на корню ликвидировали, дорога купеческая чище станет, тоже дело хорошее. Только так вот мы все и будем разные преступления по ходу следствия разбирать, а к самой-то загадке и не приблизимся...

– Когда похороны дворника?

– Да завтра вроде... пойти думаешь?

– Не знаю, как получится... – прикинул я. – Просто пришла пора побеседовать с дочерью покойного. Мы ведь так и не выяснили круг ее знакомых.

– Дык... Митька же говорил, будто бы ему доложили, что нет их. Не водятся люди с тем, кто с головой не дружит.

– Не совсем... Он ведь опросил исключительно бывших девиц Гороха, вполне возможно, что у гражданки Сухаревой есть связи на стороне. Позовите-ка сюда нашего молодца...

Дмитрий прибыл по первому слову. Пулей вылетел из сеней, встав передо мной как лист перед травой, всем видом демонстрируя готовность порадеть на благо отечества.

– Слушай внимательно, герой, – строго начал я, с ним особо ласково нельзя – портится вмиг. – Во-первых, от лица отделения и от себя лично объявляю тебе благодарность!

– Рад стараться, батюшка сыскной воевода! – счастливо прогорланил он.

– Во-вторых, если еще раз увижу, что посмел напиться на работе, – уволю! Ты меня знаешь, два раза повторять не буду, уяснил?

– Виноват, батюшка сыскной воевода... Вот те крест – исправлюсь, а вину тяжелую честной службой испущлю!

– Отлично, теперь как раз о службе, – удовлетворенно кивнул я. – Пойдешь на Колокольную площадь, покрутись там осторожненько, поинтересуйся у мальчишек, не проживают ли в близлежащих домах граждане Юрка Боров и Борька Свин. Понял?

– Понял, как не понять... – сразу воодушевился наш младший сотрудник, демонстративно закатывая рукава. – Как изволите их получить: по повестке привести или так, за ногу приволочь?!

– Митя, только выяснить! Без угроз и мордобоя...

– А соседями ихними не поинтересоваться ли?
– Нет. Нам нужны исключительно адреса...
– А ежели злодеи сопротивление окажут?
– Какое сопротивление?! – не выдержав, сорвался я. – Тебе надо всего лишь выяснить – есть ли они вообще, и все! Все! Никого не хватать, ничего не ломать, ни на какие провокации не поддаваться... Пришел, спросил, ушел – все! Если они тебя только заметят...

– Не заметят, батюшка участковый, – явно что-то замышляя, протянул предприимчивый Митька, – не извольте даже беспокоиться, все справлю как велено!

– Ты уж постарайся, касатик... – ласково добавила Баба Яга. – Я вон тебе булку изюмную в дорогу дам, тока ты больше рожу-то дегтем не мажь и негров африканских из себя не строй – куры засмеют.

– Не буду... Рази ж я с одного раза не понимаю? Мне ить дважды на одни грабли наступать несолидно...

– От то-то ж! Ну иди, иди, родной, трудись по ходу следствия...

Надо сказать, он очень вовремя успел уйти. Просто как будто задницей чувствовал... И получаса не прошло, как охранные стрельцы доложили о визите гражданки Пышкаловой Варвары Дмитриевны. Мы с Ягой недоуменно посмотрели друг на друга – такую никто в отделение не вызывал.

– Здравствуйте, батюшка сыскной воевода. – Варвара Дмитриевна оказалась бойкой девицей лет двадцати шести, с деловой хваткой, в несколько пестроватом наряде.

– Здравствуйте, проходите, садитесь. Чем можем помочь?

– Да... ничем вроде. Я-то так, зашла по дороге. Дом посмотреть, хозяйство, со свекровью да деверем познакомиться...

Баба Яга уронила на пол подарочную чашку из белой с голубым «Гжели». У меня как минимум отвисла челюсть. А безапелляционная девица спокойно продолжала, обводя горницу придирчивым взглядом:

– Что ж, Митенька Лобов вам еще и не рассказал всего? От ведь горе мое забывчивое... Приходил вчерась, подарки дарил, замуж звал, про житие-бытие выпрашивал... Хвастал, будто вы, Никита Иванович, ему прямо брат родной, младшенький... А хозяйка ваша хоть на вид-то строга, да в деле послушлива, вот только рук молодых женских не хватает. Без присмотра любой двор мхом зарастет, ну а я тут с порядком помогу, прослежу да присоветую.

– А... мы... что? Как же... это называется... – попытался вклиниться я.

– Ничего, ты говори, участковый, в общем жите любой голос важен. Вот Митенька придет, мы тут всем миром и обмозгуем, а пока не лезь! В семье-то, чай, после старшего брата жена его законная главной будет. Ты-ко вон встань лучше да терем мне покажи, двор опять же, где скотинка какая, ну и все прочее...

– А царь? – все-таки исхитрился я.

– Горох-то? – зевнула поварская дочь Варвара Дмитриевна. – А ему что? Он к моему замужеству протестов иметь не будет. Думаю, и денжгт на коровку отсыплет, государь у нас на венчальные дела добрый...

– Никитушка, пригнись, – замогильным тоном посоветовала Яга.

Я мельком глянул в ее потемневшие глаза и не стал спорить. Когда было можно вылезти из-под стола – нахалки уже не оказалось. Вместо нее на деревянной лавке лежала здоровая оранжевая тыква. Задавать наводящие вопросы как-то не хотелось...

– Может, испечь на ужин с кашей? – подумав, предложила моя домохозяйка, но я отрицательно покачал головой. К вечеру бабка отойдет и наверняка расколдует дуру. Пока лучше откатить ее куда-нибудь в угол, а вот с Митькой разговор будет серьезный...

– Никита Иванович, тут к вам еще девица домогается. Прямиком с вещами пришла, вон узлы с телеги снимает...

Короче, где-то к половине девятого вечера у нас в углу под лавкой лежало пять зрелых тыкв. Круглые и вытянутые, оранжевые и сероватые, гладкие и разновеликие, тем не менее они объединялись одним общим стремлением экстренно выскочить замуж за нашего младшего сотрудника и переехать жить в милицейское отделение. С болтливым и многообещающим балбесом разговор будет позже, никуда он не денется... Но самое удивительное то, что все девицы клялись, будто бы получили разрешение на свадьбу от самого государя. Либо Горох чего-то недослышал, либо у него специфическое чувство юмора... Яга склонялась ко второму, но так или иначе, вечер был скомкан, поработать над кражей чертежей не удалось. Митя пришел поздно... и не один. Доложил, что искомых личностей не обнаружено, а на обратном пути он изловил мелкого вора – поймал с поличным за руку в собственном кармане. Я слишком устал, чтобы вникать в такие мелочи. Каюсь, это была моя вина... Даже не взглянув на задержанного, – его охраняли стрельцы у ворот, – я дал приказ сунуть жулика до утра в поруб. Там разберемся, а наутро-о-о...

Нет, честно говоря, где-то до двенадцати дня у нас особых проблем не было. Не считая петуха, естественно... Я здорово набегался и потому перед

сном не припас чего-нибудь потяжелее тапок, дабы забекренить гаду гребешок на другую сторону. Ну и он тоже расстарался. Дикий вопль «ку-ка-реку!!!» был такой мощности и силы, что меня буквально сбросило с кровати и накрыло подушкой. Вот как его называть после этого? Вниз спустился в прескверном настроении, хотя Баба Яга успешно приободрила меня пирожками с головизной и настоящими немецкими сосисками (господин Кнут Гамсунович баловал по случаю). После завтрака прошла дежурная разборка с нашим деятельным недоумком. В принципе все подобные расспросы с пояснениями достаточно однообразны по сути: мы ругаемся – он кается, после спектакля каждый расходится по своим делам...

– Митя, давай покороче, без ползанья на коленях и стука лбом об пол, что ты наобещал царским девицам?

– Да... ничего такого вроде... Вот разве вашу личную благодарность за содействие следствию?!

– О, этого сколько угодно! Ты мне объясни, с какого времени я стал твоим младшим братом, отделение милиции – твоим собственным особняком с хозяйством, а наша Баба Яга – свекровью в ожидании?

– Чего-чего? – вытаращился он, а я демонстративно открыл блокнот.

– Значит, так, перечисляю... Гражданка Пышкалова Варвара Дмитриевна, младшая дочь повара с царской кухни, прибыла для осмотра в дом к будущему мужу. Гражданка Хлобыстова Марьяна Тихоновна, дочь дьяка из посольского приказа, конкретно заявила с вещами для полного переезда в терем жениха. Далее по списку, если ничего не перепутал, гражданки: Татьяна Сумкина, Любовь Залетайло, Татьяна Битова – цель та же, претензии те же, намеренья идентичные. Все пятеро клянутся христом-богом в том, что ты дал им самые надежные гарантии. Все пятеро согласны выйти за тебя замуж, удовлетворен?

– Нехорошо, Митенька... – скорбно добавила Яга, давась улыбкой. – Неужто ты у нас басурман какой, чтоб цельный гарем себе заводить?

– Никита Иванович... – совершенно растерянно обернулся наш герой. – Бабуленька Ягуленька, хоть режьте, хоть вешайте, а не виноватый я! Не обещал я им жениться, ни одной не обещал! Землю есть буду, а не обещал!

– Митька! – сурово рявкнул я, видя, как он нацеливается на горшок с геранью, чтобы продемонстрировать верность слову. – Ты мне тут дурака не валяй, хочешь землю есть – иди на улицу, пусть народ думает, что мы тебя не кормим... С девицами своими будешь разбираться лично, но имей в виду – Горох им всем уже дал разрешение на законный брак. Если все

пятеро подадут ему жалобу на твой коварный отказ... Я тебя не запугиваю, я тебе сочувствую. Бабушка, посодействуйте...

– Да как же... – беспомощно залепетал Митька, едва сдерживая слезы. – Я ж на благо отделения трудился... За что ж меня, молодого, да под венец?! Это ж... так ведь на всю жизнь, мама родная! Я ить... намекнул только... самую чуточку, для поддержания разговору... За что жените, батюшка сыскной воевода?! За что счастья лишаете?!

– Пойдем, голубь ты наш сизокрылый, кот блудливый, бычок шкодливый, – ласково позвала Яга, указуя на пять тыкв, терпеливо ожидающих в углу. – Ну-кась, перекажи-ка их ко мне в комнатку, да и сам туда иди. Смотри, веди себя смирненько! Будешь двери ломать али в окна лезть – как есть в лапоть превращу! Иди, иди, впредь дураку наука будет...

Он шел, как идут на эшафот, под тяжестью неопровержимых улик, навстречу верной смерти, с гордой головой и хлюпающим носом! Баба Яга проследила поштучный перенос овощей, закрыла за всеми дверь и, шепча под нос, произнесла заклинание. Комната тут же огласилась приглушенными воплями, звуками ударов, женским визгом и площадной руганью...

– Не слишком сурово мы с ним?

– Ничего, Никитушка, пуцай от души семейной жизни нахлебается... Вдругорядь будет знать, как девиц обманывать! Вот уж они ему там...

– Батюшка сыскной воевода! – перебивая нас, два охранных стрельца сунулись в горницу. – Враги к вам, по делу!

– Ка-какие враги?! – аж поперхнулся я, врагов мне только тут не хватало...

– Вестимо какие, противумилицейские! Дьяк Филимон с охраною, – стрельцы многозначительно подмигнули. Я кивнул. Бабуля заняла прежнее место у печки.

Через минуту в помещение развязно ввалился самый скандальный дьяк думского приказа, Груздев Филимон Митрофанович, в сопровождении четырех громил в доспехах.

– А-а... вот ты где прячешься-скрываешься, лентяй участковый?! Ну что, кончилось твое времечко – мое настало! Вот уж и посчитаемся за правду-матушку, за грехи твои тяжкие, за обманы бесстыдные... За все про все ответ держать будешь! И встать, мошенник, когда с тобой сам я говорить изволю!!!

Я дал ему выкрикаться и повернулся к хозяйке. Баба Яга, не поднимая глаз, что-то буркнула неразборчивое, но действенное – дьякова охрана застыла массивными манекенами. Наглец беспомощно оглянулся, но,

видимо, короткая власть все же успела ударить ему в голову, остановиться он не сумел:

– Вались на колени, плут, и кайся при всех в своих злодеяниях! Я-то тебе все припомню – и как били меня, и голодом морили, и в порубе держали, и пыткам подвергали не по-христиански... Мне сам царь-государь на твою управу права дал! Что брови-то хмуришь, запугать думаешь?! Так не боюсь я тебя, поскольку моя власть, моя и сила!

– Чем обязан вашему визиту в отделение, гражданин Груздев? – невозмутимо поинтересовался я.

Моя домохозяйка молча позванивала спицами, мелькавшими в старушечьих руках с угрожающей быстротой. Дьяк как бы ненароком пихнул острым локтем своих остолбеневших амбалов, убедился, что не функционируют, и несколько сбавил тон:

– Ты, участковый, мне здесь дурочку-то из себя не строй! Небось на дыбе царской и не таких говорунов ретивых обламывали...

– Я спросил, зачем вы пришли. Если не хотите отвечать, вам покажут, где здесь выход...

– А ты мне не грози! Не грози! Да я тут сам всем покажу... аж страшно станет! Меня теперича никому не запугать, ибо храбр и стоек, аки Давид, супротив Голиафа беззаконного дерзающий...

Я поманил в окошко еремеевских стрельцов, дьяк пошел на попятную:

– Сведения имею, твою милицию в тяжком ослушании обвиняющие. Не след тебе, сыскной воевода, вдогон цареву слову препоны чинить!

– Коротко, ясно и по существу дела, – жестко приказал я.

– Вот и скажу! Думал на испуг взять, да не на таковского напал... Сказали мне люди верные, ярыжки кабацкие, будто твой змий стоеросовый самого Павла Псурова в отделение уволок! А ить ему бояре следствие царское вести доверили, меня, скромного, в смотрители бдительные определили, ибо грамоте я учен и все подлости твои милицейские назубок знаю... Ну, что zenки-то вылупил?! Отдавай, злодей, Пашу Псурова!

Я медленно повернул голову в сторону Яги. Она, на минуту отложив вязание, ответила мне столь же недоумевающим взглядом. Потом мы оба глянули на дверь бабкиной комнатки, где почему-то смолкли все звуки.

– Наш сотрудник Дмитрий Лобов вчера вечером, возвращаясь с оперативного задания, задержал некоего карманника...

– Ага, вот она, ложь твоя безбожная! – радостно возопил Филимон, подпрыгивая на месте. – Все слышали?! Не сумел ты шила в мешке утаить, признался!

– ...пойманного с поличным на месте преступления, – неторопливо

продолжал я. – Задержанный находится в порубе в данный момент. Обвинение по статье ему пока не выдвинуто. Если вы утверждаете, что он...

– Да он же это и есть! Павлик, Павлуша, Павлушечка... Самого боярина Бодрова любимый советчик и холоп! Как же ты посмел такого человека достойного, боярским доверием обличенного, в порубе гноить?!

– ...и есть разыскиваемый вами гражданин Псуров, то я вынужден лично доложить об этом государю. Горох обычно недолго церемонится с мелкими ворами... Попытка ограбления сотрудника милиции тянет где-то года на три с конфискацией. Итак, вы продолжаете настаивать, что задержанный карманник и представитель боярского следствия – одно лицо?

– А и... нет, – в критические минуты дьяк соображал быстро. – Чую подвох великий... Не может того быть, чтоб сам Псуров по карманам лазил! Уж не подставил ли ты его, сыскной воевода? С тебя-то станется...

– Наш младший сотрудник сейчас... на выезде, – подумав, соврал я. Яга удовлетворенно кивнула. – Задержанного гражданина мы будем допрашивать после обеда, при обязательной очной ставке. Я бы посоветовал вам не спешить с обвинениями в наш адрес и не оповещать весь город, что советник боярина Бодрова пойман на краже с поличным. Зайдите ближе к вечеру, если это все-таки он, я отпущу его до окончания следствия под подписку о невыезде.

Филимон потоптался, позыркал на нас грозными взглядами, потом плюнул на пол и, ничего не сказав, выбежал вон. Баба Яга очень медленно встала со своей скамеечки, сходилла за тряпкой, вытерла пол и с чувством обратилась к его неподвижным охранникам:

– До сей поры от дьяка вашего ничего, кроме хамства и сквернословия, не слыхала... Ну, да пусть по его и сбудется! Теперь ужо филимоновское варево каждый полной ложкой зачерпнет... Да и вам тут делать нечего, пошли вон!

В ту же минуту таинственная сила отпустила мужиков. От неожиданности они попадали на пол, грохоча доспехами, но быстро сориентировались и прямо на карачках бросились к двери. Думаю, вторично этих молодцов в отделение и калачом не заманишь...

– Что скажешь, Никитушка?

– Ничего не скажу, голова кругом... Не следствие у нас, а сумасшедший дом! Мало одного Митьки было, не ценили... так этот брачный аферист нам пять жен в отделение заманил! Об исчезнувших чертежах оповестили весь город. Преступник должен быть безнадежно туп,

чтобы не спрятаться. В деле два трупа – оба отравлены одним и тем же ядом, в обоих случаях виноватых нет! Одна подозреваемая рыдает на похоронах отца, другая исчезла в неизвестном направлении прямо из уборной... По ночному Лукошкину шастает маньяк-одиночка, страдающий аллергией на кошек. У него в избе, как у английского аристократа, вся стена над камином увешана злобными головами убиенных мурзиков. Да еще и параллельное расследование на мою голову! Выискались тут Шерлок Холмс из кабака, специализирующийся на карманных кражах у деревенских лопухов, и доктор Ватсон церковно-приходского образования, скандалист, дебошир и фискал по призванию. Как можно работать в таких условиях?!

– А говорил – ничего не скажу... – одобрительно подковырнула Яга. – Не горюй, сокол ясный, есть-таки у меня, старой, одна мыслишка завалящая... Хорошо бы следствие боярское по ложному следу пустить, да так, чтоб и настоящие воры с перепугу великого ошибки понаделали, а к нам бы в руки и попались.

– Угу, вашими устами да пепси-колу пить. Нет, мешать параллельному расследованию я не буду принципиально, они и сами на свою задницу приключений отыщут, – горько усмехнулся я, потом вспомнил про Митьку и ненадолго даже посочувствовал парню – уж не съели ли его под шумок?

– Выпущу, выпущу... я ить не крокодилка какая, сострадание к дуракам имею.

Мы заботливо подошли к двери и заглянули в бабушкину комнату... Беспардонный Митяй в полный рост вытянулся на узкой старушечьей кровати, а все пятеро невест активно ублажали его величество. Одна бережно расчесывала кудри, другая подравнивала пилкой ногти, третья ласково обмахивала платочком, четвертая бдительно отгоняла мух, а пятая кормила паразита засахаренными орешками! Баба Яга только присвистнула от такого плейбоистого сюжета, я же впал в состояние, очень приближенное к банальной зависти... Из отделения девицы вылетели, как школьницы-выпускницы, с визгом, хохотом, подхватив подол сарафанов и разбегаясь в разные стороны.

– Бабуль, обеспечьте ему фронт работ где-нибудь до ужина, я хочу сходить по делам на Колокольную площадь. Надо бы уточнить, что он там понавьяснял...

– Ну-ну... – понятливо разулыбалась Яга. – Ежели вдруг где случайно потерпевшую свою встретишь, так передай, мол, пусть не волнуется, колечко ее мы все одно отыщем. А нет, так я ей на свадьбу свое подарю!

– Нет... я же... в смысле, я иду по другому делу...

– Так я и говорю: «ежели случайно...»

А... какое к чертям «случайно»?! Кого я обманываю? От моей многоопытной домохозяйки навряд ли что укроется, если уж даже стрельцы у ворот залихватски подмигивали вслед. Особой проницательности не надо, чтобы правильно идентифицировать вспыхнувшее в моей груди чувство. Проще всего, наверное, было бы сказать – это любовь! Все симптомы налицо, включая нездоровый блеск в глазах и летящую легкость походки, но... Лично для меня бросаться такими словами и понятиями как-то нехарактерно... Да, девушка мне понравилась; да, я хотел бы вновь увидаться с ней; да, это ко многому располагает, но давайте не будем торопить события. Пока она в первую очередь жертва дерзкой кражи. Вот найду похищенное, верну владелице, тогда поговорим об ином... Дорога пешком до Колокольной площади не заняла много времени. Кожевенная лавка почему-то оказалась закрытой. В будний день это выглядело подозрительно, городские торговцы закрывались только по большим церковным праздникам, и то не всегда. Я потоптался у запертых дверей, попробовал постучать в закрытые ставни – результаты по нулям, никто не отзывался. Бегать по соседям, выпрашивая, где тут ходит девушка Олёнушка, было как-то несолидно. Лукошкинцам только намекни, что милиция кого-то ищет, – приведут связанную, с кляпом во рту и следами побоев на лице. На фиг надо такое хорошее начало для сердечных отношений! К тому же я все равно не помню ее фамилию... может быть, она ее вообще не называла? В грустно-лиричных размышлениях я перешел на противоположную улицу к базару. Да... мой первый любовный роман складывался явно не очень... Базар жил своей жизнью, народ торговал и торговался, торгуясь – покупал, а расторговавшись – спешил в кабак обмыть удачный день. В столичном рынке прочно занимали свои места горбоносые «хачики», как и в моем мире, успешно сбывающие персики, апельсины, урюк и виноград. На азиатских рядах предлагали шерсть, ковры, кожу; в торговых палатках европейских государств вообще можно было приобрести все подряд. У немцев – стекло и часовые механизмы, у французов – духи и коньяки, у поляков и китайцев – мелочь всякую, от тапочек до самогонных аппаратов. Мне нравилось гулять по базару, я закрывал глаза и чувствовал себя в своем времени. Это было несложно... Базар гудел, бурлил, накатывал, словно прибой, опьяняя богатством красок, звуков и запахов. Своих слов не хватало, хотелось цитировать великого Гоголя, возвышенно воспевшего щедрую красоту Сорочинской ярмарки. Боже, каких типажей могло бы отыскать здесь пытлиное око настоящего писателя!

– Участковый, купи веник для бани! Березовый, зеленый, молодым духом ядреный! Разок попаришься – пятьдесят годочков с плеч сбросишь!

(«Ага... мне-то еще и тридцати нет. Пятьдесят сброшу, кем же я из бани выйду, эмбрионом, что ль?! Спасибо, не надо...»)

– Сыскной воевода, отведай медку пенного! Задарма угощаю! Тока позволь дощечку расписать, что-де в моем заведении вся милиция напиваться изволит...

(«Сейчас развернусь и вклепаю этому щедрому добродее пятнадцать суток за оскорбление! Им только поблажку дай, весь город рекламными плакатами оклеют: там милиция напивается, тут – нажирается, а здесь... тьфу! В следующий раз обязательно вклепаю...»)

– Гражданин начальник, а вот купи женские трусы! Прямо из города Парижу, согласно последней моде, для баб благородного происхождения... С кружавчиками!

– Это что за намеки?! – не выдержав, вспыхнул я. – Вконец оборзели вы там, в своем Париже... Мне по форме одежды не полагается!

– Нет-нет... как можно?! – счастливо разулыбался продавец. – Рази ж мы без понятия? Не себе, жене своей купи!

– Нет у меня своей жены.

– А... ну, тады чужой!

От такого совета я покраснел до ушей, а народ грохнул в рокочущем гоготе! Ничего не попишешь – базар. Пока я оборачивался, чтобы достойно и нелицеприятно высказать этому хохмачу все, что я о нем думаю, в меня с разбегу влетела какая-то девушка с корзинкой яблок. От неожиданного столкновения мы оба бухнулись на мостовую. Но прежде чем я успел извиниться, стаскивая с головы корзину, как девица мгновенно дернула наутек. Чисто автоматически мое подсознание отметило рыжеватую косу на широкой спине да знакомый узор на вышитой кофте.

– Настасья!

Пока я вставал, она обернулась и так ловко запустила мне яблоком в лоб, что я опрокинулся снова.

– Гражданка Настасья, стойте! Вы задержаны за...

Ну, естественно, беглянка ни на мгновение не собиралась задерживаться и выслушивать меня до конца. А погоня на базаре – это, я вам скажу, развлечение не для слабонервных. Тем паче, что, уловив общую суть, горячие головы из не особо занятых лукошкинцев охотно кинулись «содействовать органам». Вопли добровольцев были слышны на весь базар:

– Братва! Хватай ее за хвост, лису крашеную!

– Держись, Никита Иванович, не умирай! Тока не умирай, гони от себя смертушку! Хоть до угла дотяни, там храм православный, и отпоют, и обиходят. Там можно, там ничего...

Капуста футбольными мячами катилась под ноги. Куры взлетали вверх, теряя перья и обливая всех негодующим кудахтаньем. Соломинки золотым дождем мельтешили в воздухе, застилая обзор, но азарт погони не стихал...

– Православные, споймал! Вот она, стерва злодейская, убивица преступная, курва малосольная... И ерепениться не смей, а не то в глаз бесстыжий так и получишь! Я ить не посмотрю... Как не она?!

– Хватай всех подряд, крути руки за спину! Ейной же косой в узел вяжи, сарафаном рот затыкай, да берегись, чтоб лаптем, лихоманка, не пнула! Ужо потом, в отделении, разберут, а извиняться мы всегда можем... Чай не медведи какие бесчувственные...

Битая обливная керамика хрустела под ногами. Кто-то падал, поскользнувшись на пролитом меде, кого-то второпях обсыпали мукой, кто-то придавленный тюком сена плакал от невозможности продолжать эту грозную русскую забаву...

– Люди добрые, и за что ж такая напасть?! За что лупите, мужики? Шестеро на одну... За что ноженьку, правую, неповинную, пополам искрошили? И куда тока милиция смотри-и-и-ит...

В общем, пришлось плюнуть на погоню и наводить порядок. Четверым захваченным гражданкам приносить официальные извинения, еще одной оплачивать порванный сарафан и обкусанный кокошник (сама виновата, оказала сопротивление). Двум буянам пригрозил порубом, если не охладят сыскное рвение, остальные успокоились так. Народ-то в целом добрый и отходчивый, пошумят, отогреют душу да и разойдутся. А вот Настасье вновь удалось уйти, это плохо. Хотя... если она настолько глупа, что нахально фланирует по базару в центре города, значит, стрельцы ее возьмут. Надо быстренько найти кого-нибудь из еремеевской сотни.

– Никита Иванович, какими судьбами?

Господи, ну еще бы я не узнал этот ласковый, грудной голос...

– Здравствуйте, Олёна. Как вижу, вы по-прежнему не опасаетесь разгуливать по базару?

– А чего опасаться-то? Воровать у меня больше нечего, одно маменькино колечко и было...

– Да, да... Я как раз имею некоторую информацию по этому поводу. Вы не заняты? Может быть, прогуляемся немного, побеседуем? – Я

галантно согнул руку кренделем, но она ее не приняла. В те времена хождение под руку обозначало как минимум супружеские отношения, и естественно, что воспитанная девушка просто не могла себе такого позволить. Мы неторопливо шли с базара в сторону той же Колокольной площади, я подробно рассказывал о бандитском притоне Поганова, о подозреваемой Настасье, о дьяке Филимоне, о царе, о Митьке, из-за которого мы вечно влипаем в неприятности, о запертом в порубе карманнике Псурове, о чем-то еще... Она поразительно умела слушать! Это талант, не просто вежливость или хорошие манеры. Совершенно незаметно, легко и радостно, я выболтал малознакомому человеку практически все, что знал...

– Таким образом, ей удалось сбежать. Надеюсь, стрельцы приложат все усилия, но тем не менее какое-то время все равно пройдет... А как отнеслись к краже ваши родственники?

– Дядя и тетя? Я ничего им не сказала, – беззаботно отмахнулась Олёна. – Заругают, а тетушка еще и прибьет!

– Неужели такие суровые? – притворно посетовал я. – Вот буквально с час назад проходил по вашей улице, но дядюшкина лавка оказалась закрыта, а спросить вроде бы не у кого...

– Новый товар завезли, вот дядюшка с приказчиками и возится. А как ваше дело по розыску царских чертежей?

– Ого, да вы в курсе всей оперативной работы! – искренне восхитился я. – Не обидетесь, если поинтересуюсь?

– Откуда про чертежи знаю? – сразу догадалась Олёна, залихватским кивком перебросив толстую косу со спины на грудь. – Так ведь дьяк и пьяница этот, Псуров, на весь город об царской краже предупреждения орали.

– Понятненько... ну что ж, ищем мы их. Пока не слишком успешно, к сожалению, но... впереди еще два с половиной дня, успеем.

– Какой вы храбрый, Никита Иванович...

– А вы... красивая! – жутко расхрабрился я. Ей определенно нравятся мои погоны, зачем же теряться?

Олёна счастливо рассмеялась и, остановившись у старой березы, приобняла ствол, многозначительно заглядывая мне в глаза. Прямо какая-то пасторально-русская картинка Константина Васильева...

– Вы бы рассказали мне еще раз про Настасью эту. Сдается мне, знаю я ее...

– Конечно, давайте уточним. Рост – примерно на голову выше вас... волосы длинные, заплетены в косу рыжеватого цвета, глаза

небольшие, скорее серые, брови густо насурьмлены, губы пухлые, на подбородке родинка, сложение крепкое, бюст не менее шестого размера, руки небольшие, работой не изуродованы, но ногти обломаны... Вроде всё?

– Похожа... – подумав, кивнула Олёна. – Вот только насчет бюста шестого размера я не поняла...

– Ну... это... объем этих... – смутился я, невольно пытаюсь руками показать – чего.

Она сообразила, прыснула со смеху и еще раз подтвердила:

– Тогда точно, Настька, мельникова дочь. У ее отца маленькая мельница, у запруды на речке Смородине. Заезжали на прошлой неделе за ремнями, да с дядей моим в цене не сошлись. Ругались долго, вот я и запомнила...

– Тогда позвольте заранее выразить благодарность от лица всего отделения, – обрадовался я, ибо это уже была серьезная ниточка. – Как только мы ее возьмем, обещаю торжественно вернуть вам украденное колечко.

Вот тут нас безапелляционно прервали. Из-за поворота выбежали двое стрельцов и бросились навстречу:

– Сыскной воевода, дело до тебя срочное!

– Так я пойду? – Девушка лучезарно улыбнулась, слегка коснувшись пальцами моего рукава. – У вас вон дел полно. Ну да не забывайте меня, сироту... Будете в наших краях, заглядывайте, я к вам завсегда выбегу.

– Всенепременно буду! Мне очень жаль, что мы вот так, скомканно... Служба, черт бы ее побрал! До свиданья, Олёна.

– До свиданьица, Никита Иванович...

– Ты уж извиняй, батюшка участковый, ежели помешали чем, – смущенно пожали плечами стрельцы. – Бабуля твоя нас послала: дело, вишь, к вечеру, а в порубе у тебя птица важная сидит.

– Ну и что?

– Дык дьяк Филимон со своими уже с полчаса у ворот трется. Ругается... ажно мух с морды воротит!

– Забодал он меня... – честно признался я, но идти все-таки было надо, тут Яга права. Царь дал не много времени, все ухаживания придется отложить на потом. Шли быстро, широким шагом.

– А вот, батюшка участковый, а позволю спросить-то, это кто ж девка такая красная, что вы сейчас допрашивали?

– Во-первых, не девка! Во-вторых, не допрашивал!

– Ну, виноват, баба молодая...

– Да не баба!

– А тады кто? – призадумался любопытный стрелец.

У меня не было особенного желания вступать в филологические дебаты, просто такие определения, как «девка» и «баба», в отношении моей новой избранницы казались безбожно вульгарными.

– Потерпевшая, гражданка Олёна, племянница владельца кожаной лавки на углу Колокольной. У нее украдено кольцо на базаре, обратилась к нам, ищем...

– Это у Прохорова, что ль? – как бы говоря сам с собою, вступил другой стрелец. – Так у них вроде никаких племянниц отродясь не было...

– Теперь есть. Приехала в позапрошлом месяце. Еще вопросы будут?

По тону, каким я это спросил, страже было ясно – лимит вопросов исчерпан. Парни все поняли с лету и больше не приставали.

У ворот отделения и впрямь маршировал дьяк Филимон. Его козлиная бородка вызывающе торчала под прямым углом, нос дергался, а глазки-буравчики подозрительно сверлили всех, кто попадал в поле зрения.

– Пришли присутствовать на опознании?

– Аспид, злодей, филистимлянин необрезанный! – без предисловий отбрил дьяк.

В другой момент он бы точно словил за такие слова, но сейчас мне хотелось побыстрее разделаться с этим делом.

– Нехорошо ругаетесь, гражданин. Пройдите в отделение, а вы, молодцы, приведите задержанного из поруба.

Наскоро перебросившись парой фраз с Бабой Ягой, я занял свое законное место за обеденным столом, разложив бумагу и приготовив карандаш. Бабуля чинно присела в уголок, на этот раз даже не особо маскируясь безобидным вязанием. Дьяк вошел эдаким павлином, выгнув тощую грудь зубчатым колесом, подметая пол подолом обтрепанной рясы.

– Присаживайтесь.

– Бабник, висельник, биндюжник! Чтоб тебя пополам разорвало да наперекосяк склеило! – вежливо поблагодарил представитель альтернативного расследования, послушно опустившись на лавку.

Я скрипнул зубами, повернувшись в сторону Яги, та тихо хихикнула. Дьяк мгновенно вскочил, отвесил ей поясной поклон, дрожащим голосом заявив:

– Чтоб у тебя припухло сбоку, хрычовка старая! Да как только земля под такой курой недощипанной черным прахом не рассыпается, фараонка египетская?!

Моя домохозяйка удовлетворенно крякнула и, не вводя меня в курс дела, зычно потребовала:

– Эй, стрельцы-молодцы! Привели ли вора карманного?

– Так точно! – в двери сунулся Митька. – Тут он уж, я его спереди тяну, стрельцы в спину толкают. Так он пятками упирается, рычит по-звериному, шипит по-змеиному и страшен аки смертный грех!

– Митя, без театральщины, – напомнил я. – Заводи задержанного.

Наш младший сотрудник кивнул, развернулся и поставил в центр комнаты невысокого тощего мужичка с редкой бороденкой и суетливыми руками. Одет неряшливо, дорогие сапоги все в грязи, на голове войлочный колпак, а глаза мечут трусливые молнии. Но оригинальнее всего, что это был... негр! Или арап... в общем, цвет лица черно-коричневый.

– Ваша фамилия, имя, отчество?

– Псуров Павел Акакиевич, – тонким голосом отвечал мужичок на чистейшем русском.

«Видимо, мулат», – отметил я про себя, в жизни всякое бывает...

– Филимон Митрофанович, вы признаете в этом человеке боярского следователя Павла Псурова?

– В энтой харе черномазой?! Да чтоб ему пусто было, холодно и с утра не хлебамши! – твердо отрезал дьяк. – Суют под нос, сволочи, нехристей лакированных!

Я вновь повернулся к Яге, обычно она первая затыкает рот грубиянам, но бабка только улыбалась, прикрывая клыки платочком.

– Значит, не признаете... Так-так, не признают вас за Псурова, гражданин. Не тем именем прикрываетесь... Дмитрий, расскажи-ка всем нам, что произошло вчерашним вечером между тобой и задержанным?

– Ох и дело было, батюшка сыскной воевода! – Митька ошалел от обилия зрителей, разыграв перед нами целый моноспектакль. На этот раз я ему не мешал... – Иду это я по улице после служебного задания. Усталый весь, будто на мне поле вспахали, а мысли тока о благе отечества... Меркую себе на досуге, как город наш от лиходеев избавить, а тока тут и слышу – шур, шур, шур! Вроде слева... Оглянулся – никого! Опять иду, ан снова – шур, шур, шур! Навердь справа... Глядь, и там никого! Ох ты, думаю, неспроста это... Не иначе маньяк тот кошачий меня с тигрой бенгальской перепутал. Да не на того, злопыхатель кровавый, нарвался! Я ж не мурзик какой, а милицейский работник! Прислонился я к заборчику плечиком, вроде сон меня морит, а сам так в засаде и бдю... Чую, рука вражеская, подлая, ко мне в карман штанинный лезет, че-то щупает. А че щупать-то, коли я без гроша? От тут-то я клешню его преступную как ухвачу, как заверну, да как выверну! Да в забор задом, а в лужу передом! Помакал его эдак душевно, со вкусом, так в отделение за портки и поволок.

Впредь учен будет, не щупай у милиции чего не надо!

Я заплодировал первым, Яга и дьяк поддержали. Митька, изображавший нам всю трагедию в лицах, раскланялся на четыре стороны. Его сценическое искусство не оценил только задержанный. Он снял шапчонку, обнажив плешь и розовые уши, хлопнул ею об пол, размашисто перекрестился и завопил:

– Не виноватый я! Ложь это все и подстава милицейская! Не лез я к нему в карман, и щупать там было нечего...

– А вы откуда знаете, что нечего? – сощурился я. – Сотрудник отделения Лобов поймал вас за руку в своем собственном кармане. Как такое могло произойти?

– Следил я за ним... – вынужденно выдавил мужичок, – думал, он меня к чертежам похищенным выведет. Ну, или уж на худой конец секрет какой следственный выболтает... А как подойдешь? О нем слава дурная ходит, а у меня здоровье холерическое, я свою головушку боярам в подмогу берегу. Вдруг да вдарит супостат по неприкосновенному?! Смотрю, а он за забор держится, тока доски хрустят. Думаю, вот оно! Подойду, спрошу, не заболел ли часом? Слово за слово, в кабак, за бутылочку, а там пошло-поехало... Кто ж знал, что он, ирод бессердечный, меня без вопросов в дегтярной луже мордой возить станет?!

– Сразу насчет кабака говорить надо было... – с сожалением протянул Митька, но, встретившись со мной взглядом, осекся. Я же изо всех сил старался сохранять серьезное выражение лица, хотя смех неудержимо рвался наружу. Баба Яга уже втихую похохатывала в своем уголке, а пораженный дьяк встал с лавки и, выудив откуда-то грязнейший платок, начал заботливо оттирать лицо своего незадачливого напарника:

– Павлушечка, скотинушка, ты ли это?! Дай харю твою поганую от дегтя да сажи пообколупаю. Стой, не колготись, поганочка мерзопакостная... Вымя коровье, хвост кобылячий, мурло собачье!

От таких ласковых приветствий боярский советчик окончательно потерял жизненные ориентиры, даже не пытаясь сопротивляться. Я молча махнул рукой, пусть оба катятся отсюда к чертовой матери. Крепкая ругань счастливого Филимона еще долго разносилась по улице, но нам предаваться развлечениям было преступно. Время жмет... Мы отправили Митьку на царский двор за Ксенией Сухаревой, а сами присели за самовар, по ходу уточняя детали.

– С дьяком – ваша работа?

– Моя, Никитушка, грешна... Заколдовала я его – теперича что ни

скажет, все в грубость ругательскую повернется. Пущай-ка эдаким языком с боярской думой да самим царем говорить попробует...

– Да уж, на такое шоу я бы продавал билеты! Бабуля, пожалуйста, не расколдовывайте его до конца следствия, Горох нам этого не простит.

– Как скажешь, Никитушка. – Яга перестала хихикать и очень серьезно потребовала от меня полного отчета по делу.

Я рассказал о погоне на базаре, о вторично сбежавшей бандитской подружке, потом о случайной встрече с Олёной. Вроде бы рассказ достаточно содержательный, но абсолютно бессмысленный в практическом плане. Единственное достижение – это сведения о возможном местонахождении Настасьи.

– Ох и не знаю, что тебе сказать, сокол ясный... Все бы хорошо, а тока не в той стороне мы огород лопатим. Ну, возьмут стрельцы преступницу эту, колечко твоей любезной вернем, а толку что?! Дело-то наше главное на месте топчется... У тебя хоть какая версия есть?

– Нет... – грустно признал я, – с версиями полнейший туман. Ни единой зацепки... Или же они где-то есть, но я их не вижу. Может, хоть гражданка Сухарева что-нибудь подбросит?

– Дура она... – сочувственно вздохнула бабка, – и ничего полезного наверняка не скажет.

– А что делать? Других предложений нет, работаем с тем, что имеем...

Вот примерно на том и порешили. Я, кстати, хотел в эту же ночь пойти на речку Смородину брать дочь мельника Настасью, но Яга отсоветовала. Ловить беглянку в полной темноте, на ее же территории – это мне всю еремеевскую сотню поднимать надо. Город на всю ночь без охраны, а преступницы может дома и не быть. Лучше отправить ребят поутру на разведку, а при наличии агентурных данных брать уже наверняка. Но в принципе главное не в этом, бабка права – я прежде всего обязан довести до конца царское следствие. Благо наш младший сотрудник заявился достаточно быстро... с большим полосатым мешком за плечами. По тому, как мешок взвизгнул, когда его шлепнули об пол, я с ужасом понял, кого он притащил... Баба Яга, охая и причитая, бросилась развязывать узлы, а честный Митяй споро пояснял мне побудительные мотивы:

– Батюшка Никита Иванович, ну совсем нет у девки этой ни стыда ни совести! Я ей по-человечески, со всей деликатностью объясняю – марш в отделение, следственно-подозреваемая, а она ни в какую! Рыдает себе в уголочке, печаль дочернюю изображает... Старушки эти, одуванчики божьи, меня взад толкать начали, не дают толком службу справить! Пришлось их...

– Что-о? – похолодел я.

– Не-не... не извольте беспокоиться, – тут же поправился он, – я ж ни в жизнь слабых не обижу! Старушонок тех, поминальщиц, и пальцем не тронул, но...

– Что «но»?! Договаривай, кровопийца!

– За что такими словами обижаете?! Не тронул я их, а только... как это... обезвредил. Усадил на крышу обеих, к трубе поближе, им там теплее и видать далеко...

– А-а-а!

– ...а Ксению я уж более уговаривать не мог, на старушечьи причитания народ сбегаться начал. Пришлось ее в перину сунуть, на плечо, да бегом к вашей милости...

На какое-то время у меня отнялся язык. Первый вопрос, который наконец вырвался, был не совсем по делу:

– В перине должны быть перья. Где они?

– Там, на царевом дворе, остались, – огорченно признал Митька. – Я ж говорю, народ набежал, вот я им перья в нос и выпустил. Весело стало, как на Рождество... Пока все отплевывались, я с мешком-то и убрался.

Баба Яга наконец высвободила из заточения бедную жертву милицейского произвола. Я приказал вредителю убраться с глаз моих навеки и бросился с извинениями к гражданке Сухаревой:

– Прошу прощения. Все потери мы вам непременно компенсируем. Надеюсь, вы лично не пострадали?

– Не очень... – Дочь покойного дворника позволила усадить себя за стол, и Яга мгновенно утешила ее большой ватрушкой.

Я перемигнулся с бабулей и, прокашлявшись, попробовал начать допрос. Ей-богу, я был настроен к ней очень дружелюбно, но уже через десять минут самого безобидного разговора Ксения своей душевной простотой довела меня почти до иступления.

– Скажите, пожалуйста, кого из лиц женского пола вы могли бы назвать своими близкими знакомыми?

– Чего? – Царская фаворитка почему-то нагнулась и начала пристально рассматривать пол в горнице. – Где ж тут знакомые лица... нету их.

– Нету... – кротко согласился я. – А подруги у вас есть?

– У нас?! У кого это у нас, у всех, что ль?

– Стоп, закроем тему. Давайте еще проще, перейдем на «ты». Ксюша, у тебя подруги есть?

– Кто, подруги-то?

– Да, да, подруги! Девки, девицы, девушки, девчонки, понимаешь?

Друзей, мальчиков всяких, точно нет, иначе Горох бы с ними разобрался. А вот подруги есть?

– Мальчики, говоришь? – неспешно призадумалась гражданка Сухарева, а у меня затряслись руки. – Не... мальчиков нет, они царя Гороха боятся.

– А... подруги есть?!

– И мужиков тоже нет, никто за мной ухаживать не хочет. Только государь наш батюшка не брезгует, чаями поит, пряники дает, любит...

– Спасибо, я в курсе. Вернемся к подругам...

– Подруг нет у него! – твердо объявила прекрасная дебилка. – Точно говорю – нет! Были б у него окромя меня подруги, я бы знала... Нет, меня одну он любит!

– 3-3-замечательно! – улыбнулся я, хотя мне хотелось просто ее придушить. – А вот у тебя самой-то подружки есть?

– Ах, у меня?

– Ну да!

– Значит, это у меня-то? Так сразу бы и сказали... что ж ходите вокруг да около. Совсем своими вопросами запутали... Какой вы веселый человек, Никита Иваныч!

Я свел глаза на переносице и рухнул лбом в блокнот. Баба Яга молча затаилась в углу с самым сочувственным выражением лица.

– Ксения, Ксюша, Ксюшенька, а есть ли у тебя подруженька?! – Боже, что я нес, сейчас вспомнить стыдно...

– Ой, да вы прямо как песню поете! – воодушевленно приподнялась она. – А ну-ка еще разок, дак я вам тут и спляшу!

Через полчаса я сдался. Шестеро стрельцов проводили подозреваемую обратно на царский двор. Единственным результатом всего допроса оказалась сакраментальная девичья фраза: «...а я и не помню». Яга отпоила меня валерьянкой и отправила спать.

Утро началось с радости. На этот раз я его подловил! Еще с вечера, поднимаясь к себе в спальню, мне удалось тайком унести в фуражке пять крепеньких желтых яблок. Укладываясь спать, я предусмотрительно разложил их на подоконнике. Словно пять боевых противопехотных гранат, они мирно лежали до зари, терпеливо ожидая своего часа. Когда в предрассветном мареве раздалось злорадное «ку-ка-ре-ку-у-у!!!», я пружинисто вскочил с кровати и распахнул окно. Не ожидавший такой прыти пернатый будильник удивленно воззрился на меня круглыми глазами. Я не прицеливаясь отправил в кукарекавшую мишень все пять штук, примерно с той же скоростью, с какой отплевывается шариками

тренажер для теннисистов. Два раза попал! Сначала прямо в лоб, под гребешок, а когда он упал, то в полете еще и прямо в хвост! Четыре пера красиво закружились в воздухе... Я сделал локтем и коленом классический американский «йес!», после чего удовлетворенно приступил к зарядке. Петух, почти никакой, валялся под забором, и куры перепуганно обмахивали его крылышками.

– Никитушка-а! Встал уж, голубь сизокрылый? Давай-ка рученьки ополосни, личико белое умой да за стол к вареничкам и садись. Давай-ка вот двигай сметанку поближе...

– Бабуля, завтрак должен быть легким. А при таком рационе нашу опергруппу скоро смело можно будет называть «Следствие ведут Колобки». Причем главный Колобок, естественно, я! Вы-то сами почему не едите?

– Да я пока готовила, того-другого по крошке попробовала, вот и сыта, – охотно разулыбалась Баба Яга, глядя на мой аппетит. – Ты уж кушай, милоч, не отвлекайся, а я тебе пока про дела наши ночные рассказывать буду.

– Угу... случилось что-то интересное? – прожевав вареник, поинтересовался я.

– Да уж кой-чего приключилось. – Бабка выдержала театральную паузу и выдала: – Маньяка кошачьего стрелыцы взяли!

– Вау!.. ум... ням... ням... святое дело! Митьке на расправу отдадим или пусть царь сам порет?

– Стрелыцы злодея еще до первых петухов взяли. Тебя решили не будить, вот в поруб его и сунули. Ужо поутру доложились мне... Может, как покушаешь, так и поглядим на кошкодава проклятущего?! Я ить из-за него Васеньку свою милову третий день гулять не пущаю. Вконец измаяла кота...

Мы порешили для начала разобраться с маньяком, потом я и плюс десяток стрелыцов едем с проверкой на мельницу, оттуда по результатам: либо в отделение, либо на царский двор. За ночь у меня восстановились силы, восполнились неисчерпаемые запасы терпения, и, казалось, я свободно могу рискнуть еще на одну попытку собеседования с недалекой красавицей Ксенией Сухаревой. «Не помню» не означает «нет», возможно, за эту ночь она неторопливо подумала и вспомнила. А с чего это я вообще так вцепился в тему несуществующей подружки? Скорее всего, от недостатка иных версий, как утопающий, хватющийся за соломинку. Ведь Митька докладывал, что подруг у Сухаревой нет. Она сама при личном допросе тоже никого не смогла назвать. Бывшие царские пассии явно воротили от нее нос, что же оставалось? Если предположить, что Горох относительно

честен в своих пристрастиях и не ведет двух амурных романов одновременно, то... минуточку! Кто же мне говорил о двух девицах, сразу посещавших царя! «Ведь загубят здоровье царя-батюшки...» – кто же это писал? Мысли прыгали в голове, как пинг-понговые шарики... Письмо... донос... Ксюха с подругой... дьяк... кот!

– Кот! Это кот! Где он?!

– Окстись, Никитушка! Ты что ж так орешь, милай? – пораженно вытаращилась Яга. – Я вон из-за тебя ложку в варенье утопила...

– Это кот, бабушка! Понимаете... ну, в смысле... где он?

– Кто?!

– Да кот же!

– Какой кот?!

– Ваш кот! Черный! Василий который... – бегая по горнице и заглядывая во все углы, пытался объяснить я.

– Ты что ж, на моего кота с подозрениями наезжаешь? – угрожающе приподнялась бабка. – Ой, смотри, Никитушка... Как ни дорого мне наше дело милицейское, а Васеньку своего я в обиду не дам! И не смотри на меня таким умоляющим взглядом...

Я мысленно досчитал до десяти, потом еще раз, но в обратном порядке. Дыхание выровнялось, охотничий ажиотаж остыл, теперь можно было говорить спокойно.

– Ни в каких преступлениях я вашего кота не обвиняю, заявляю это совершенно официально. Просто два-три дня назад, как раз после кражи царских чертежей, дьяк Филимон всучил мне очередной донос. Так вот, если я правильно помню, то в нем говорилось о некой подружке гражданки Сухаревой, с которой та якобы ходит в спальню государя. Но в тот момент я не придавал этому факту никакого значения и выбросил бумажку. С ней начал играть ваш кот, почему я его и ищу. Ведь теперь, в свете полного отсутствия улики, – это единственная ниточка...

Баба Яга подумала, кивнула и молча пустилась на поиски кота. Разыскиваемого мурлыку общими усилиями обнаружили аж в подвале, где он бессовестно дрых в обнимку с пустеющей крынкой сметаны. Яга хладнокровно отодвинула меня в сторону и сухонькими ручками приподняла тяжеленного негодяя за грудки.

– Васенька, сукин ты кот, глаза твои бесстыжие... Я ли тебя не кормлю, не лелею? Ты что ж, паскудник, по погребам шастаешь, у своих же, у милицейских, сметану ворует?! Я ить тебя, кровиночку, с младых когтей вырастила-вынянчила... Ночей не спала, куска недоедала, все тока бы Васеньке моему яхонтовому хорошо было... Кочергой пришибу, жулика

паршивого-о-о!!!

Кот сонно лупал зелеными глазами и не сопротивляясь гнусаво орал на одной ноте.

– Э-э... бабушка, – попытался вмешаться я, – мне понятно ваше праведное возмущение. Как домохозяйка вы абсолютно правы, но пусть он сначала скажет, где та бумага с доносом...

– Не лезь под горячую руку, участковый! – не оборачиваясь рывкнула Яга. – А ты, херувим усатый, сейчас у меня за все сполна получишь... Давно ухватом поперек спины не огребал?! Колись, изменник, скока продуктов ты сметелил, а на мышей безвинных свалил? Ну?!

Кот опустил лапки, прощально подмигнул мне, душераздирающе взвыл напоследок и обвис, имитируя сердечный приступ.

– Да уж ты из меня дуру-то на старости лет не строй! Чай не кошка глупая, влюбленная... А то я всех твоих фокусов не навидалась, как облупленного знаю, стервеца! Никитушка, подай веник, вон у дверей стоит, и выдь-ка отседа... Ну, живенько! Не след тебе на такое любоваться...

Когда Яга так просит, с ней лучше не связываться. В общество по защите прав животных позвоню на следующей неделе. Прикрыв дверь, я отошел в сторонку, засек время на часах и стал ждать. Звуки, доносившиеся с места экзекуции, слух не радовали. Ровно через пять минут вышел потрепанный кот. Он шел в полный рост, на задних лапах, по-арестантски опустив голову и заведя лапки за спину. Хорошенько порыскав за печкой, Василий молча вручил мне скомканный лист бумаги и, не поднимая глаз, вернулся к Яге. Суровая хозяйка появилась уже минут через десять, несколько вспотевшая, но готовая к делам следствия.

– Вот... – я разгладил листок ладонью, – докладная записка Филимона Груздева, цитирую: «Девка дворовая, нескладная Ксюха, дочь дворникова, из Гороховых палат так и не вылазит, стерва бесстыжая! Срамотит царя нашего перед державами. Мало того, что сама лазит, так намередни еще и подругу с собой прихватила... Ведь загубят здоровье государя-батюшки, мыслимое ли дело – двух девок на одного мужика бросать?!»

– Так, так, так... а ить это уже что-то! Ить это уже факт, Никитушка! Значится, все ж таки была такая подруга, которую Ксюшка-дура в царскую опочивальню запустила. Видать, пока Горох с одной миловался, другая-то ручки воровские в бумаги секретные и запустила...

– Наверняка! Но почему государь ничего не сказал мне об акте группового секса?

– Чего-чего? – переспросила Яга. – Вот не люблю, когда ты словами нерусскими сыпать начинаешь... Об чем речь, вроде улавливаю, ну так ты

по-простому и скажи...

– Был ли царь в постели с двумя девушками сразу, как об этом утверждает дьяк? – краснея, призадумался я. – Если был, то почему не сказал сразу – мы бы не тратили столько времени на поиски подозреваемых... А если не был, то каким же образом этой «подруге» удалось у всех на виду найти тайник, отпереть сундук и вытащить именно чертежи летучего корабля? Как бы ни был занят Горох, но такое бы он заметил...

– Да уж о том его самолично допросить надо бы, – согласилась Баба Яга. – Давай-ка мы с тобой планы наши слегка поменяем. Маньяк кошачий пушай пока в порубе посидит, померзнет – поумнеет. Ты, как и собирался, на мельницу поезжай, надо Настасью-преступницу живьем брать. Уж больно похожей смертушкой и дворник и хозяин ее помереть сподобились. А я к себе на чай Гороха позову, он нам сейчас как бы и не царь, а ценный свидетель. Пушай Митька дьяка Филимона изловит, я их с государем на очной ставке и притру. Поглядим, который врет.

В общем-то все выглядело достаточно логично. Кому еще я мог бы доверить отделение? Бабуля у нас серьезный эксперт, не напортачит. А мне и самому не терпелось изловить опасную рецидивистку, исполняя свой милицейский долг перед скромной русской девушкой Олёной...

Со двора мы выехали верхами, я и десять стрельцов еремеевской сотни. Уже за воротами семерых просто отпустил... Нет, честное слово, даже как-то неудобно – идем брать одну-разъединственную девушку таким количеством здоровенных мужиков при полном вооружении. Позорище на все Лукошкино! Ну их, и троих стрельцов по уши хватит... Базар мы объехали за два квартала, добрые пожелания народных радетелей мне уже до смерти приелись, хотелось погулять без освистывания. Однако одна встреча все же произошла, зато приятная. У городских ворот, близ таможенно-пропускного пункта, я вновь встретил свою черноглазую любовь.

– Доброго денечка, Никита Иванович!

– И вам здравия желаю, Олёна... Как вас по отчеству?

– Ой, да не надо... – рассмеялась она. – Какое же у девицы отчество, уж так Олёнкой и зовите! Что-то вы при параде весь, собрались куда?

– Угадали... – Я склонился в седле, сделав знак стрельцам откатиться подальше. – Едем на Смородину, поискать нашу общую знакомую и задать ей пару вопросиков по поводу маленького золотенького кольца.

– Ох, да разве вам четверым с этой лисой справиться?! – лукаво

рассмеялась она, а у меня мгновенно стало так легко и весело на душе. – Для такого дела надо бы Дмитрия вашего брать и Бабу Ягу тоже. Только всей милицией небось и повяжете!

– И так повяжем... А у наших сотрудников свои задания. Будем проводить очную ставку между царем, дьяком и некой особой, затесавшейся в это дело. Думаю, нам удастся выявить истинную виновницу кражи чертежей.

– Да Господь с вами, Никита Иванович, разве ж Настасья и на такое пошла?! Вот не поверю!

– Посмотрим... Может, это и не она.

– Тогда удачи вам, сыскной воевода! Возвращайтесь поскорее. – Олёна отошла в сторонку и, взобравшись на брошенное бревно, помахала мне платочком. Я откозырял и пустился догонять ребят. Дальше в наших делах начались маловразумительные проблемы. Во-первых, уже когда мы выехали непосредственно к реке, неожиданно оказалось, что никакой мельницы стрельцы здесь знать не знают. То есть старая, разрушенная – три пенька, полколеса и четыре спицы – имеется. А вот нормальной, функционирующей, вроде бы и нет. Я сквозь зубы выругал сам себя за излишнюю доверчивость и неуточнение правильного адреса. Хотя, с другой стороны, Олёне вообще могли наврать и про мельницу, и про речку, она же не местная... Однако для очистки совести я приказал разделиться и проверить берег в обе стороны приблизительно на пару верст. В случае нахождения искомого объекта один остается сторожить, а другой скачет за остальными. Двое стрельцов уехали вверх по течению, направо, а я с оставшимся пареньком – вниз, налево. Он пустил своего коня чуть вперед, изо всех сил стараясь отличиться, и уже минут через десять басовито проорал:

– Есть мельница! Вона, извольте поглядеть, сыскной воевода.

Там, где Смородина делала мягкий поворот, у небольшой искусственной запруды действительно стояло крепенькое деревянное сооружение с огромным вращающимся колесом и грубыми мостками.

– Тока странная она... – подозрительно сощурился стрелец.

– В каком смысле?

– От города далеко, до сел тоже неблизко, и дороги торной к ней нет, одна тропиночка малая... Зачем в таком негодящем месте мельницу ставить? Не след вам тут одному быть...

– Ладно, разберемся. – Я похлопал парня по плечу: – Давай галопом дуй за остальными, а я пока осторожненько погляжу, что да как... Обещаю, до подхода основных сил в серьезные передраги не лезть. Гони, зови

наших!

– Слушаюсь, сыскной воевода!

Оставшись один, я привязал свою пегую кобылу у ближайшей коряги и, пригибаясь к кустам, пошел осматривать таинственную мельницу. Лично мне это не представлялось особенно опасным. Осторожно проскользнув мимо небольшой запруды, я внимательно исследовал малую тропиночку, ведущую к дверям. Следов колес не было. Как не было и случайно выпавших зернышек, следов от просыпавшейся муки также не обнаружилось. Все это наводило на печальные размышления о театральной бутафории. Поскольку терять мне было уже нечего (и так понятно, куда влип), я смело выпрямился и широко зашагал к самой мельнице. Дверь отворилась прежде, чем я успел в нее постучать. На пороге в замызганных штанах и большом фартуке с нагрудником стоял... черт. Если я и удивился, то в лучшем случае отразил это долгим тягостным вздохом.

– Чего надо, участковый?

– Некую гражданку Настасью, фамилии не знаю, проходящую по нескольким делам и вроде бы проживающую по этому адресу.

– Будет врать-то, – мрачно ухмыльнулся черт. Если бы не пяточок и борода, он был бы здорово похож на растолстевшего Пушкина. – Нет тут никого, и ты сам это знаешь. Но попал куда надо, давно тебя всем болотом дожидаемся...

Я обернулся – прямо на моих глазах запруда исчезла, превратившись в грязную, зловонную трясику с ржавыми камышами и пузырящейся тиной.

– Стрельцов своих не жди, они это место долго искать будут.

– Ну что ж, сами виноваты, – как можно равнодушнее бросил я, – придется производить арест в одиночку.

– Чего? – Черт оттопырил кривым ногтем волосатое ухо. – Я чего-то не расслышал?! Тебе сейчас предстоит в болоте жижу хлебать, а ты перед смертью кого-то арестовывать собрался...

– Служба такая, – охотно улыбнулся я, только сейчас обратив внимание на бицепсы его рук. Толщиной в мое бедро, честное слово!

– И кого же?

– Вас.

– Меня?! – едва не захохотал черт. – Ой, а за что?

– За укрывательство преступников, за несанкционированное строительство в неположенном месте, за неуплату налогов и госпошлин, за угрозы работникам милиции при исполнении, за...

– Ша! – Похоже, рогатому вдруг стало несмешно. – Кончай ваньку валять, участковый... Или не видишь, кто перед тобой?! Я же – черт!

- Ну и что?
- Как что... так это... нечистая сила же! Ты ведь, дубина неотесанная, от одного моего вида должен в пыли валяться, ибо...
- Плюс еще и оскорбления в адрес органов, – перебил я.
- ...ибо в Писании сказано, что мы, черти, так страшны, что глаз человеческий этого вынести не может.
- Могу, – пожал плечами я, – не скажу, что был сражен вашей красотой, но в принципе мне встречались и более мордатые уголовники.
- Да мы же одним движением мизинца можем землю перевернуть, по тому же Писанию! – взвыл обиженный псевдомельник.
- Слов не было, пришлось развести руками. В школе милиции нам преподавали и такой предмет, как психология преступника. Этот тип явно привык брать на «ура», со мной такие штучки давно не проходят. Я же не первый день в Лукошкине, насмотрелся всякого. Понадобится арестовать – я и черта арестую... Смущенный моей непоколебимой уверенностью в себе, нечистый заглянул мне за спину, навскидку смерил взглядом, зримых угроз не нашел, но поинтересовался:
- А чего ж ты такой храбрый? Может, у тебя меч-кладенец где запрятанный, или шапка-невидимка есть, или святой воды полны карманы?
- Здесь я задаю вопросы! – мне взбрело в голову повысить тон. – Где подозреваемая Настасья?!
- Да нет ее... Сказано же тебе – нет и не было никогда... Ой! Чего это я?! – опомнился черт. – Ты мне зубы-то не заговаривай – давай силой мериться будем! Я тебя одолею – в болоте утоплю, ну а ты меня победишь...
- Получу полную информацию о заказчике засады на мельнице. По рукам?
- По рукам! – кивнул рогатый атлет и так сжал мою ладонь, что я едва не завопил благим матом. – Как силой мериться будем?
- Надо подумать... вообще-то есть несколько традиционных предложений, из художественной литературы. В розовом детстве мама читала мне много сказок...

Соображать приходилось быстро. У этого парня не самые чугунные мозги, а силища покруче Митькиной. Беда в том, что обычно в русских сказках черти гораздо более туповаты...

- Слушайте, а вот у вас тут поблизости зайцы есть?
- Есть, а тебе зачем?
- Ну... это... он мне, в смысле заяц... этот...

– В смысле кто?

– Родственник, – наконец сформулировал я. – Можно сказать, брат мой меньший. Так вот, если вы его наперегонки обгоните, тогда...

– Слушай, участковый, – мгновенно насупился черт. – Ты что ж меня за дурака последнего считаешь?! Наперегонки с зайцами я больше бегать не буду! И кобыл тягать тоже! Был тут уже умник один, Балда, чтоб ему... А мне и годочков-то всего ничего, хоть бы совесть поимел! Наизгалялся, хам, как хотел, над ребенком, еще и денег под это дело огреб немерено...

– Помню, помню, действительно очень печальная история, – скорбно согласился я. – Может, посвистим, кто громче?

– Было... Потребуешь, чтоб я глаза завязал, и поленом по загривку! Не пойдет...

– А если устав патрульно-постовой службы, по шесть вопросов, на засыпку?

– Издеваешься, участковый?! – Нечистый аккуратно снял фартучек и поиграл волосатыми мышцами. – Просто бороться будем.

Возразить я не успел, как не успел внести и новых, более цивилизованных методов решения спора без силовой демонстрации грубой мышечной массы. Черт бросился с разбегу, рассчитывая просто припечатать меня пузом к земле и задавить весом. Поэтому я легко принял его на бросок с упором ноги в живот, и рогатый спортсмен ласточкой полетел в сторону родного болота. Пропахав пяточком полметра целины, черт встал, отчихался и уже гораздо осторожнее пошел на второй раунд. Короче, мы провели ровно шесть схваток. В четырех победил я, две ему удалось свести вничью. Отдыхали на крылечке мельницы, черт приволок откуда-то две глиняные кружки холодного имбирного пива. Стрельцы так и не появлялись, поэтому беседовали мы не спеша.

– Где ж так ловко подножки ставить научился?

– В школе милиции. Это японская борьба, дзюдо называется. Пиво сам варил? – После боя мне уже не имело смысла обращаться к противнику на «вы». Черт кивнул, мы еще отхлебнули. – Мне нужна информация по некоторым вопросам.

– Как пиво варить? Спрашивай...

– Кто меня заказал?

– Да уж есть тут один... или одна, – широко усмехнулся черт. – А только говорить я тебе об этом не буду.

– Но я победил!

– И что с того?! Где ты слышал, чтоб порядочный нечистый хоть раз слово сдержал? Можно подумать, мне тут трудно наврать тебе с три

короба... Правду говорю, и на том спасибо, а на вопросы твои отвечать – жирно будет!

– Ну, ты и гад... – вздохнул я.

– Служба такая... – подковырнул он. – Силой мы помериться успели, тут твоя победа сказалась, но вот разумом ты не взял – так и не взыщи. Нас, чертей, еще никто в хитромудрости не обходил...

– Понял... – на минуточку задумался я и быстро прикинул, что можно вывести из сложившейся ситуации. – У тебя еще одна кружка есть, пустая?

Нечистый недоуменно пожал плечами, но кружку вынес. Порывшись в карманах, я извлек заблудившийся где-то орех и удобно устроился на крылечке.

– А вот кручу-верчу, денег выиграть хочу! Смотри, у кого глаза есть, все честно, все без обмана... Три кружки, один орешек! Отсюда – туда, оттуда – сюда, через поворот навыворот, а здесь три круга с оборотами! Все на виду, ничего не прячу, мама с детства приучила – врать нехорошо! Где орех?

– Ну тут.

Под указанной кружкой, естественно, оказалось пусто. Черт вытаращил глаза и потребовал переиграть. С третьего раза я ненавязчиво повторил вопрос о заказчике.

– Ох и настырный ты, участковый... Ответ-то на виду лежит – возьми да посмотри. Самый знатный злодей в твое Лукошкино наведалься. Днем под землей хоронится, ночью делами занимается. Имя не скажу, он меня вмиг вычислит, а только встречались вы уже на узких тропочках... Тут, слева!

– Опять мимо... – сочувственно протянул я. – Вот он, орешек, посередине. Продолжим?

– Еще один раз, и все!

– Как скажешь, я не заставляю... Кто украл царские чертежи?

– Девка унесла. Как зовут, не знаю, но врагу твоему не первый год верно служит. Чародейству разному обучена, личины, как платья, меняет, готовит хорошо. Коварству женскому вообще предела нет... А вот, справа!

– Не угадал... Зачем же моим личным врагам красть чертежи у непричастного государя? Хотят повесить на меня нераскрытое дело?

– Слева!

– Ты не ответил.

– А ты о себе слишком-то не воображай! Не такая большая птица, между прочим... Есть куда чертежи ваши пристроить, чтоб в нужный момент они где надо хорошенько сыграли. Уж больно не хочется кое-кому

второй раз от лакомого куска отступить... Да открывай же, не томи, участковый!

Это был максимум полезной информации, какую он мог мне дать. Я понимаю, нечистого и за такое откровение по головке не погладят... Однако, несмотря на эзопов язык всего дознания, сообщенные факты проливали некоторый свет на данное дело. Чтобы понять, куда следует двигаться дальше, мне требовалась серьезная консультация у Бабы Яги. Поэтому мы поискушали судьбу еще раз пять, и я начал собираться. Черт, хмурясь и поскуливая, уговаривал выдать ему секрет неуловимого ореха. Господи, поработал бы он хоть недельку в московской милиции – еще и не такого бы насмотрелся... Впрочем, пришлось пообещать: зайду через месяц, как буду посвободнее. Обнадеженный черт вытер руки о фартук и снял морок. Мельница сразу исчезла, тропинка тоже, сам нечистый пропал, а о реальности всего произошедшего напоминало только небольшое вонючее болотце...

– Никита Иванович! Батюшка сыскной воевода-а-а! – раздалось издалека.

Я обернулся и помахал рукой приближающимся стрельцам. Все трое были живы-здоровы и вели под уздцы мою лошадь. Не вдаваясь в особые объяснения, я с пенечка прыгнул в седло, приказав выдвигаться к городу. Коней пустили в галоп. Милицейская интуиция говорила, что дело, кажется, сдвинулось с мертвой точки. В Лукошкино ворвались на полном скаку, с гиканьем и свистом, таможня только успела посторониться. Я словно летел на крыльях, спеша поделиться с Ягой последними известиями, но базар все-таки объехал, не поленился. У ворот отделения нас встретили конные стрельцы царского эскорта, от еремеевских они отличались парчовыми кафтанами и чернобурой лисой в опушке шапок. Значит, Горох уже здесь... Отлично, вот все сразу и выясним. Бросив поводья нашим ребятам, я красиво спрыгнул вниз и спросил у стрельцов при входе:

– Митька вернулся?

– Никак нет, сыскной воевода. По приказу твоему дьяка для очной ставки ловит.

– Как появятся – обоих в терем! Больше ко мне никого не пускать, у нас с царем важный разговор будет.

– Слушаемся!

Я вошел внутрь. Горох, одетый по-простому, в парадное стрелецкое платье, сидел за чаем. Баба Яга расположилась напротив, сокрушенно покачивая головой и промокая слезки уголком платка. Его величество был

печален и, судя по всему, рассказывал бабке что-то страшно грустное или сентиментальное. Честно говоря, ее у нас разжалобить – пара пустяков.

– Заходи, заходи, Никитушка, что ж на пороге стоять... Чай, измаялся весь? Давай-ка к столу! Сейчас вы с государем у меня и откушаете.

Мы с царем обменялись рукопожатиями. Насчет обеда ни он, ни я протеста не выражали – Яга в этом плане ужасно старомодна, пока не накормит – и расспрашивать не будет, и самому рассказать не даст. К тому же от чугунка с говядиной и грибами под сметаной шел такой умопомрачительный запах...

– Митька так и не появлялся?

– Да нету его, носится как угорелый, на Филимона охотится. Так ты не отвлекайся, сокол ясный, говори, как же ты с самим чертом-то совладал?! Это ить не шамахан с рожками...

– Согласен, фигура более колоритная, хотя и традиционна до заезженности. В разных культурах мира образ черта трактуется очень неоднозначно. Опереться на опыт предшественников я не мог, поэтому пришлось импровизировать.

– Драться, что ли? – прозорливо угадал государь.

– Почти, – кивнул я. – Физически противник мог бы сплясать камаринскую с коровой на плечах, но, к счастью, среднестатистический русский черт не имеет ни малейшего понятия о дзюдо.

– Стало быть, побил... – довершила Яга. – Хорошее это дело, для правопорядка полезное. А дальше что?

– Ну, он попытался уклониться от дачи показаний, но я призвал его к ответственности. В результате мы еще раз подтвердили факт участия в краже неизвестной девицы и обнаружили крупного уголовного «авторитета», стоящего за этим делом. Кража чертежей была тщательно спланирована и разыграна как по нотам. Однако если по поводу заказчика мы вынуждены просто гадать, то по вопросу исполнителя нам готовы помочь сразу два свидетеля – дьяк Филимон и... вы, царь-батюшка!

– Да брось ты, Никита Иванович, – густо покраснел государь. – Уже спросила меня бабка твоя... был, не был... С одной али с двумя? Ну нешто я так на султана турецкого похож, что мне в постели одной бабы мало?! Ксюша была. С тем не спорю, вину свою признаю... Хотя какая на мне вина, ежели я царь?!

– Развратные действия по отношению к подчиненной, соблазнение рабочего персонала плюс склонение к сожителству особы, не отвечающей за свои действия по причине замедленного умственного развития, –

популярно объяснил я.

– Блуд это... – веско добавила Яга, – разврат и прелюбодеяние!

– А я – царь! – смущенно надулся Горох. Мы посмотрели на него такими осуждающими взглядами, что государь не выдержал. – Одна она была, одна! Вот те крест, участковый, что ни одну девицу Ксюша ко мне в покои не ввела! Нешто я бы такое дело не заметил? И тайник я при ней никогда не открывал, в сундук не лез, бумаги не показывал... непричастная она!

– Проверим... Что-то долго Митяя нет, а? Вот посмотрите пока один интересный документ. Это донос вашего думского работника, дьяка Груздева Филимона Митрофановича.

Царь бегло прочитал смятый-перемятый листок, прикрыл глаза, скрипнул зубами и тихо пообещал:

– На кол посажу доброжелателя! Будет знать, как ко мне под одеяло нос совать...

– Ну, это чрезмерно крутые меры... Надеюсь, вскорости его все-таки доставят и мы все выясним здесь же на месте.

В дверь постучали. Вошедшая охрана доложила мне, что в городе наметилось некоторое волнение. Якобы наш Митя, так и не найдя дьяка, обратился за посильной помощью к трудовому народу. Это, конечно, был очередной перебор, но у Гороха и без нас дел полно, держать его долго нельзя, а так «ценного свидетеля» стопроцентно найдут.

– Может быть, пока ждем, допросим кошачьего маньяка? – предложил я. – Возражений нет?

– Нет, – с ходу обрадовался государь. У него есть маленькая слабость: любит изображать опытного опера. – Зови давай! А тока что ж это за маньяк такой?

– Злыдень помешанный! – привстала Баба Яга. – Ночами по городу шастал да котам безвинным башки напрочь рубал! Стрельцы еремеевские его взяли... А то, мало ли, как кошек перебьет да за людей возьмется?

– Ух ты, хмырь какой... Сей же час поставить пред очи мои ясные! Не то гневаться изволю...

– Ребята! – крикнул я в окно. – Ведите задержанного из поруба.

Через пару минут нам доставили обмотанного толстой веревкой низкорослого типа в желтых кожаных штанах, такой же грубой рубахе, с длинными, до пояса, патлами и багрово-красным лицом с жиденькой бородкой и усами. Волосы скорее имели мутно-пегий цвет, ближе к левому уху торчали два пера, и для полного эффекта маньяку не хватало только боевой раскраски. Во рту аборигена торчал кляп.

– Это кто ж такой? – на всякий случай перекрестилась Баба Яга, отодвигаясь вместе с табуреткой.

– Очередной небритый Чингачгук! – Я обернулся к царю: – Вот уж чего не ожидал в вашем тихом Лукошкине... И много их тут таких по прериям бегают?

– Не язви, участковый... Сам такое чудо впервые вижу. Как ты его назвал?

– По внешности и костюму – натуральный индеец времен колонизации Америки. Не берусь определить наверняка, но, по-моему, он из гуронов. Или апачи... или сиу какой-нибудь... Я же тоже не этнографический справочник. Эй, парни! Кто его брал?

– Я! – Из двух стрелцов, стоявших позади задержанного, выдвинулся широкоплечий бородач слева. – Тока не один был, со мной Семен Мастырин и Федька Черета дозором шли. Глядим, вроде кто под забором ползет... Мы, значит, в засаду – и ждем. А энтот вот полз, полз да и затих... Лежит. Потом вроде посапывать начал. Ну, думаем, пьянь обычная, из кабака до дому на бровях бредет. И тут мимо, вдоль заборчика-то, кот идет. Величаво так, хвост задрал, ни на кого не смотрит... А этот гад вдруг как вскочит! Как за голову схватится! Да как заорет: «Не топай, Барсик, не топа-ай!» – и за топор... Ну а мы, как лезвие блеснувшее углядели, сразу коту злосчастному на выручку и бросились. Ужо повязали втроем! А топорик-то вот он, сберегли-подобрали, небось вещественное доказательство...

На стол перед нами лег обычный плотницкий инструмент, с широким обухом и коротким топорищем.

– Не томагавк, – отметил я в блокноте, – типичный русский топор. Из таких отставные военнослужащие обычно кашу варят. Ну что ж, спасибо за службу, орлы!

– Рады стараться, батюшка сыскной воевода! – гаркнули оба.

– А теперь вытащите молчаливому вождю кляп. Я хочу знать, как давно он ступил на тропу войны. Ваше величество, сколько помню, вы ведь у нас специалист в языках. Сможете перевести с индейского?

– Попробуем, – важно кивнул Горох, но как только пленник получил возможность говорить, он рухнул на колени и завопил на чистом русском:

– Смилуйся, царь-батюшка! Поклеп это и клевета! Не виновные мы, а все милиция зазря произвол чинит! Казнить их надо, всех до седьмого колена...

– Цыц! – рявкнул царь, хлопая ладонью по столу. Звякнула посуда, и все в горнице как-то неосознанно пригнулись. – Ты, мухомор в перьях, мне

еще советы давать будешь! Я ить не участковый, на дыбу отправлю и вопросов задавать не стану... А ну колись, фраер, откуда ты такой в моей столице объявился?

– Как откуда?.. – не поднимаясь с колен, залепетал несчастный. – Дак... свой же я! Русский! Лукошкинский!

– Бредит али врет?

– Не врет... – посерьезнела бабка, вглядываясь в задержанного поприспальнее. – Сдается мне, и вправду наш он. Дюже похож на кого-то, а вот на кого... ума не приложу!

– Да свой я, свой! Али не признали, государь-батюшка?! Холоп я ваш верный, Паша Псуров!

– Чего-о-о?! – Наверное, у нас троих отвисли челюсти. Нет, у пятерых – стрельцов тоже стоило включить в список.

А «кошачий маньяк», пользуясь моментом, всхлипывая, изложил свою страшную историю:

– Как из отделения-то вырваться удалось, так и пошел я, сиротинушка, в баньку. От поруба милицейского отмыться, от позору и стыда всякого. С горя бутылочку полуведерную прихватил, да еще со товарищи с собой... добавили. Ну, знамо дело, выпили, и начали они меня мыть. Особливо морду мою... Ить этот хам с отделения, Митька который, так особу мне дегтем изваксил, что хоть на люди не выходи! Вся рожа ровно ворота у порченной невесты... Ну, они меня и водой, и мылом, и пемзой поперек хари чистили – отмыли-таки. Не черное лицо стало – красное... С таким тоже особо не разгуляешься, думал, к утру отойдет. А уж как одевались, так и вышло, что Фимка-рыбарь в моей одежке ушел, а мне, стало быть, робу свою, кожаную, оставил. Что делать, идти-то надо... Тут еще и голова замерзать стала, волосья-то повылезли, а шапка со всей одежкой ушла. Вот я мочалы мокрые себе на маковку и напялил... Из бани по ночи одному топать страшновато будет. Углядел я топорик в дверях да и взял, от лихих людей на защиту. А что забором вдоль курятника полз, так то клевета! Не стоко я выпил, чтоб ползти... просто... ежели за забор держишься, то уж николи с пути не собьешься. И не спал я вовсе! Не спал! Так... прилег, призадумался... Вдруг как молотом по башке – бум, бум, бум! Ну, ровно слон по улице бежит! Самогон, видать, неслабый оказался... Встаю, а передо мною – кот! Да какой... Не кот – тигра цейлонская! Когти точит, зубами сверкает, спину выгнул, усищи вздыбил – как есть съест! Я тока-тока топориком от него оборониться, тут сразу бросаются, вяжут, в рыло без дела стучат... Вона фонарем каким одарили! Ужо заступись, царь-батюшка. Ну, хоть на каторгу их, аспидов милицейских, а?

...К тому времени, когда мы трое наконец отхохотались, стрельцы взашей вытолкали Пашу Псурова за ворота отделения. Горох удовлетворенно откусал еще пирожка с брусникой, выпил чаю и стал собираться. Ждать Митьку действительно не имело смысла. Договорились, что если к вечеру все-таки возьмем дьяка, то мы с Ягой сами привезем его в царский терем и устроим допрос там, на месте. Помахав отъезжающему Гороху платочком, бабка вернулась ко мне в горницу и сама начала разговор:

– Что, Никитушка, небось о том злодее крупном уголовном призадумался?

– Ага... вообще-то особенных версий по этому поводу у нас нет. Из местных влиятельных шишек мы по роду службы вряд ли кого зацепили всерьез.

– Как же... – хмыкнула Яга, – да ты вон хоть Мышкина вспомни. Он по твоей милости уже сколько в деревне дальней на отшибе кукует? А ведь каким крупным чином был...

– Ну, во-первых, не по моей, а по царской милости. Горох, между прочим, намеревался отрубить ему голову, а я настоял на исправительной ссылке. Во-вторых, сам Мышкин такого сложного дела никак не потянет. Он, конечно, дурак и кровопийца, но на кражу государева имущества второй раз не пойдет даже под угрозой пулемета.

– А ежели дружки его из боярской думы? Ты ведь не одному Бодрову поперек дорожки встал.

– Возможно. – Я сам налил себе чаю и потянулся за вареньем. – На всех не угодишь. Остается одно «но»: черт говорил, что с данным «авторитетом» мы уже сталкивались. Бодров в этот образ не вписывается.

– Ну, тады... что ж... – Яга тоже придвинула к себе чашку, – тады, может, опять немцы мутят?

– Я думал об участии иностранных разведок, промышленный шпионаж был выгодным делом во все времена. Но пастор Швабс мертв, о Вельзевуле ни слуху ни духу... Честно говоря, я бы подозревал Кощея, если бы он сам не говорил о невозможности появления в Лукошкине. Вроде бы молитвы отца Кондрата не позволяют ему сюда и нос сунуть.

– Так и есть, батюшка наш хоть кой в чем и грешен, но к нечисти очень строг. Кощей его и вправду боится... А только тогда кто ж?

– Вопрос без ответа, на уровне гипотез и предположений, – заключил я.

Мы неторопливо налили по второй. Здешний чай, смесь липового

цвета с индийским байховым, очень недурен, а при наличии огромного выбора варений и сладостей – просто великолепен.

– Никитушка...

– А?

– Да я вот все спросить хотела... Только ты не серчай, ежели что не так... Ты вот там, в мире своем, ведь жил и жил себе. Вещей у вас чудесных много было, культура всякая, сам рассказывал... Тебе опосля этого у нас не скучно ли?

– Честно говоря, мне об этом думать-то особенно некогда... – медленно протянул я. Бабка, как всегда, была права, хотя от подобных воспоминаний у меня портилось настроение. – У нас там все иначе. Жизнь, конечно, гораздо насыщеннее. Есть много прогрессивных моментов, которые я бы привнес в Лукошкино, если бы обладал нужными знаниями. До телевизора тут не скоро дорастут, и в радиотехнике я несилен, но чего-нибудь электрического, признаться, очень хотелось бы... А в остальном, в плане работы, любви, быта, – проблем нет. Что здесь в милиции работать, что у нас, абсолютно идентично... Нет, если вести речь о скуке, – скучать мне не дают.

– Всё одно... – вздохнула Яга, – коли уж другой, светлой жизни повидал, так с нами, дураками темными, завсегда тяжело будет.

– Какие же вы темные, бабуль?! Вы у меня – ого-го! Нормальные вы... хорошие русские люди...

– Никита Иванович! – проорали во дворе. – Извольте выйтить, кажись, народ дьяка побитого несет... с песнями!

– Дубины стоеросовые, – сдержанно прорычал я и пошел разбираться.

Яга только ухмыльнулась, собирая чашки со стола. Ей хорошо спрашивать: «Не скучно ли?» – а вот поскучаешь тут с ними, как же... Я влез на лесенку у ворот и приподнялся на цыпочки, вглядываясь в даль. Из-за Базарной площади вдоль по широкой улице пылила огромная толпа народа. Впереди маршировал гордый Митька, высоко задирая ноги в лаптях, как фельдфебель на параде. Пленного дьяка несли следом, на вытянутых руках, высоко подняв над головами. Рот ему не заткнули, видимо, специально, чтоб мог от души пообщаться с простыми людьми. Они тоже в долгу не оставались, таким образом, гармония общественных взаимоотношений соблюдалась свято – всем было весело!

– Тащи, тащи, братва, уголовника отпетого! Под духовным званием скрывался, деспот длинногивый! А дайте мне его, злодея, хоть пальцем пнуть! Всем миром ловили, небось за границу утечь хотел – дескать, там евнухи много зарабатывают... Шалишь! От народу не уйдешь, и за

тридцать земель поймал, чтоб в родную милицию сдать!

– Ироды египетские! Чуркобесы некрещенные! Не смей вдоль по мне руками лапать... Архистраты Вааловы беспардонные! – надрывно вопил гражданин Груздев, и толпа вежливо замирала, чтоб его выслушать.

– Ужо покажут тебе в отделении, как у нас в Лукошкине свои порядки наводить! Ужо всыплет тебе Никита Иванович промеж ягодич, да сзади, спереду! Ужо нахлебаисси сполна всех кар небесных, какими народ потчевал...

– Христопродавцы бесхвостые! Пилаты понтийнутые! Нероны неартистические! Тьфу на вас! И не мельтешите, а то не попаду...

– Батюшка сыскной воевода! – едва ли не хором проревела толпа. – Здрав будь и ты, и твоя милиция! А мы вот подарочек малый принесли, сердце твое порадовать. Долг свой гражданский свято помним и содействие оказать завсегда готовы!

...К слову сказать, фальши и патетики в этом порыве не было ни на грош. В первых рядах воодушевленно стояли уже знакомые мужики, которых Митька в служебном рвении пару раз незаконно арестовывал. А поскольку «на свободу – с чистой совестью» выпускал именно я, то люди добро помнили и платили той же монетой. Поэтому, так и не спускаясь с ворот, как с трибуны, пришлось толкнуть короткую содержательную речь:

– Граждане лукошкинцы! От лица всего отделения я искренне благодарю вас за проявленную социальную активность. Нет, бить дьяка не надо! Филимон Груздев разыскивался нами как ценный свидетель, а не как подозреваемый. Если кто его все-таки немножко стукнул (не по злобе, а по ходу дела), то рекомендую принести извинения пострадавшему. Со своей стороны заявляю, что всем принимавшим участие в ловле дьяка будет выражено еще и отдельное приветствие со стороны нашего дорогого государя. Сдайте, пожалуйста, задержанного стрельцам и расходитесь. Когда мне вновь понадобится ваша помощь, я непременно скажу. До свиданья, граждане!

– И вам до свиданья! Как сказал, аж до души проняло... Храни тебя Господь, участковый! Добрый у нас Никита Иванович, к безобразникам строг, а к простым людям – с пониманием. – Расходясь, мужички степенно качали головами, оттирая скупые слезы умиления. Я, признаться, еще не совсем привык к таким естественным проявлениям человеческих эмоций и тоже сглотнул комок, предательски подкативший к горлу. Сейчас я был готов отдать жизнь за этих людей... Ну ладно, сантименты отложим на потом. Гражданин Груздев послушно висел в могучих стрелецких руках, а довольный Митька крутился рядом со мной, что-то сумбурно докладывая о

выполнении безмерно опасного задания. Все, пора браться за дела...

– В горницу его, на допрос. Митя, подготовь телегу, после заполнения протокола нам с Ягой понадобится навестить царя...

Как видите, мы гнали изо всех сил, завтрашний день был последним. Значит, послезавтра на рассвете я должен явиться в царский терем с чертежами под мышкой и ворами в наручниках. Конечно, в самом крайнем случае можно вновь подбить народ к бунту и выторговать для следствия еще одну трехдневную отсрочку, но, по большому счету, это все-таки будет уже нечестно. Дело, казавшееся совершенно будничным, успешно пробуксовывало по всем параметрам, а ведь если присмотреться, мы же абсолютно не отдыхаем. День расписан по часам: встречи, вызовы, допросы, погони, аресты на дому – кто скажет, что милиция бездействует?! Вот только царских чертежей по-прежнему нет, как не было... И кому, черт побери, мог понадобиться этот летучий корабль?

– Никитушка! Ты призадумался, что ль?

– А? Я... это... отвлекся на минуточку.

– Так дьяка Фильку допрашивать будем или как?

– Будем, всенепременно! Ибо, – глубокомысленно завернул я, – когда царь посадит его на кол, он уже ничего не скажет. Садитесь, гражданин.

– Курва ты неблагообразная! Вахлак неотесанный! Пошто альтернативное следствие на корню мотыгой гасишь?! – охотно включился дьяк, всем видом давая понять, что ответит на любые вопросы.

– Бабуль, вы слышали, какие он слова знает? Нахватался всего подряд у нас в отделении... И ругается так витиевато, прям хоть записывай! Вы не могли бы на время вернуть его лексику в обычный разговорный режим, а то мне протокол предъявлять неудобно будет – одни неприличные выражения.

– Не могу, Никитушка, – виновато вздохнула Яга, – я ить того... в горячке да запарке до конца следствия его колдонула. Покуда все покраденное к царю на стол не положим, Филя наш так и будет на весь белый свет пасть разевать. Уж не серчай на меня, старую...

– Ладно, попробуем как-нибудь выкрутиться. – Честно говоря, как именно, я представлял весьма смутно. Однако, отметив в блокноте первый пункт, я повернулся к дьяку: – Три или четыре дня назад вы передали мне из рук в руки очередной донос относительно мелких нарушений бытового и житейского плана на царском подворье, помните?

– Да, вертопрах бухарский, помню! Всю правду-матушку тебе в глазоньки твои оловянные так и изрезал... Да тока тебе энто, аки пню подосиновому – что в лоб, что по лбу!

– Отлично, значит, помните, – обрадовался я, переглянувшись с Ягой. Дьяк вполне мог отвечать на поставленные вопросы, надо только заставить себя не реагировать на оскорбления и правильно фильтровать его ответы. – Вот это ваш донос, узнаете?

– Узнаю, мошенник при исполнении!

– Тогда позволю зачитать одну строчку, слушайте внимательно, это важно... Итак, речь идет о теперешней возлюбленной царя, дочери покойного дворника, Ксении Сухаревой. Ну, там... ее отношений с государем мы касаться не будем, а вот один момент: «Мало того, что сама лазит, так намеренно еще и подругу с собой прихватила...» Это как?

– Что «как»? Да разврат это, аки в Содоме и Гоморре! Что ж тебе, чучелу репоголовому, еще и объяснять надо?!

– Батюшка сыскной воевода! – не выдержали стрельцы, охраняющие допрашиваемого. – Нет силушки такие слова об вашей милости слушать... Позвольте, Христа ради, ему каждый раз по шеям давать, как тока ругнется?!

– Спасибо, ценю, но пока не надо... – смущенно закашлялся я. В конце концов, в поведении дьяка виновата исключительно Яга. Без нее он бы костерил нас гораздо меньше... процентов на десять. – Вы лично видели эту подругу?

– А то! Рази ж я вам, злыдням лесным, написал бы, коли сам не видел...

– Тогда попробуйте поднапрячь память и предельно четко сформулировать, как она выглядела. Если вы сможете создать подробный словесный портрет, я обещаю, что двух девиц в спальне Гороха больше никогда не будет.

– И скажу! Чего ж не сказать? За правду колкую, за истину святую в венце великомученика предстать честью почту превысшею... Спрашивай, грязь смердячая!

Я глубоко вздохнул и медленно сосчитал до десяти – помогло. Оказалось, что мое терпение отнюдь не безгранично и филимоновские реплики все равно делают свое черное дело. Еще пара таких оскорблений – и я от всей души дам стрельцам возможность реализовать свой благородный порыв.

– Рост, возраст, цвет волос, лицо, фигура, одежда, особые приметы?

– Росточком, стерва, с меня будет. Возрастом, мерзавка, наверняка помоложе, – закатив глаза и наморщив лоб, пустился вспоминать дьяка. Я старательно фиксировал все под запись. – Коса у поганки черная, длинная, аж до этого места... Лицо гладкое, нос ровный, губы розовые, глаза вроде

тоже черные, но до того смазливые, что так и тянет плюнуть! Одета была в сарафан простенький, а так к телу льнул бесстыже – ну, ровно нагишом, срамота безбожная, ходит... Примет особых нет, но тока кто раз энту мымру уродливую увидит – вовек не забудет!

– Так, так, так... записал. И последний момент – где и при каких обстоятельствах вы видели описываемую вами особу?

– Где видел-то? У дверей царских и видел, как они обе, фифы расфуфыренные, все задами вертели, хиханьками да хаханьками маялись. Ужо потом Ксюшка первая в дверь гадюкой проскользнула, а за ней и чернявая ввинтилась. Совсем царь наш мозги потерял, двух девок зараз лапает! Ведь загнется на хрен, бугай производи...

Договорить он не успел. Двое стрельцов не сговариваясь опустили тяжелые кулаки на макушку скандалиста. Гражданин Груздев без звука опрокинулся навзничь, задрал тощие ноги в грязных лаптях.

– Прощенья просим, батюшка участковый... А только не можно нам такие оскорбления в лицо самого царя сносить! Отвели душеньку, а теперь уж хоть на плаху...

– Вынесите на улицу, побрызгайте водичкой, как придет в себя, отпустите на все четыре стороны, – ровно посоветовал я. – Но помните, впредь любые рукоприкладства в отделении будут караться немилосердно!

– Слушаемся! – радостно гаркнули оба, подхватывая дьяка под мышки.

– Минуточку... Я передумал, Филимона Митрофановича сдайте на руки Митьке, у него большой опыт по части обливания. А вы оба пойдете с запиской к царю. Я сам хотел, но, видимо, не стоит. Ничего, что время позднее, надеюсь, он не спит. Вручите лично! Это краткое содержание сегодняшнего допроса. Пусть прочтет и повспоминает потщательнее. Да, и предупредите гражданку Сухареву, что завтра утром я ее навещу, пусть будет дома. Вопросы есть?

– Никак нет!

– Тогда с Богом, молодцы!

– Ну, так что ж теперь, Никитушка? – подсела ко мне Баба Яга, когда все вышли. – Теперь уже точно знаем мы – была девица, никем, окромя дьяка Фильки, не замеченная, что вполне могла чертежи царские унести. Как она это провернула, ей видней, а вот как нам такую хитрющую бестию изловить, а?

– Меня смущает только цвет волос...

– Чьих волос?

– В этом-то и весь вопрос. Мы строили версию ограбления на участии неизвестной девицы. По всем параметрам подходила только одна –

беглянка Настасья с постоянного двора Поганова. Но у нее коса рыжая, а дьяк утверждает, что «подруга» Ксении была брюнеткой.

– Тьфу, мелочь какая! – лихо шмыгнула носом бабка. – Да ить рази девке проблема косу-то перекрасить?! Да я сама за полчаса тебя хоть блондином, хоть brunetom, хоть рыжим с перепелесым заделаю...

– У Настасьи были светлые глаза, какого-то серовато-голубого оттенка.

– И энто легко поправимо: соком травным в глаза покапай, так и черней ночи станут. Надо тока травы нужные знать.

– Ладно, пока не хочу с вами спорить... – Я нервно обернулся: – А что это за крики у нас на дворе?

Крики – это даже мягко сказано. С задней части нашего двора, там, где колодец и конюшня, неслись длинные истерические вопли человека, которому без наркоза выкорчевывают зубы. Выскочив на порог, я с ходу наорал на еремеевских стрельцов. Те замаялись:

– Дык ить вы же сами ему приказывали... вот он и это...

– Кому приказывал?! Что?! Где?! – Плюнув, я бросился туда, откуда еще доносились слабеющие взвизги. Стрельцы припустили следом.

– Не извольте гневаться, батюшка сыскной воевода! Нам же приказ ваш слово в слово передали... Дмитрию дьяка задержанного вручить, чтоб водой обливал. А Лыков с Потаповым к государю грамотку вашу понесли. Ну, мы как есть все исполнили...

– Митька-а-а!

На заднем дворе, облокотясь на колодезный сруб, стоял этот старатель и напряженно вглядывался внутрь. В его кулаке был зажат обрывок мокрой веревки... Я застонал.

– Никита Иванович, я ж как лучше хотел. Думаю, что ж зря землю мочить – и лужа будет, и Филимон Митрофанович домой весь в грязи пойдет. Вот и сунул его в бадеечку... Он не спорил, не в сознании был. Два раза макнул, чую, хорошо... Кричи-и-и-т! В себя пришел, значит... Я его вежливо так наверх тяну, а веревка-то возьми да и оборвись.

– Где дьяк?! – обомлел я.

– Тама он... – Митяй честно ткнул пальцем в темную пасть колодца, – самого не видать, но вроде притих... Тока пузыри пущает, и то иногда...

– У-у-у-я-я-а-а-й-ё-моё!!! – взвыл я, лихорадочно стаскивая с себя китель. – Веревку мне, живо!

Стрельцы доставили ее мигом, пока я возился с сапогами. Зажав свободный конец зубами, я с головой бухнул в ледяную воду. Митьку проклинал на чем свет стоит... Единственный плюс – то, что почти сразу

же сел на шею утопающего гражданина Груздева. Вроде он еще как-то булькал. Я обвязал тощее тело веревкой под мышки, затянул два узла и громко приказал тащить. В шесть рук дьяка вздернули вверх, как пескаря из зеленой речушки. Меня вынимали вторым заходом. Естественно, обоих сразу в баню. Распарив все кости, мне с трудом удалось избавиться от чувства лютого, звериного холода. Уходить не хотелось, будь моя воля, я там бы и уснул. Но Яга силком загнала меня в терем, заставила выпить граненый стакан крепчайшей настойки на кедровых орешках и только после этого отправила вверх в постель. Подобной процедуре был подвергнут и несчастный дьяк. Правда, уложили его в сених на лавке, но бабка дала грубияну такую дозу снотворного, что он рухнул, так и не успев высказаться до конца. Ничего, завтра вспомнит, добавит...

Ночь выдалась совершенно сумасшедшая! Во-первых, меня (да и практически всех, кроме дьяка) трижды будил петух. С чего?! Ему же положено кукарекать на рассвете, а этот пернатый гад, притворяющийся домашней птицей, вопил ни с того ни с сего в ночь-полночь без всякого логического объяснения. Один раз можно было бы понять и простить, но три! По-моему, в отделении не осталось никого, кто бы не возжелал его смерти. Во-вторых, ночной дозор объявил, что видали в городе привидение. Все в белом, мычит зловеще и все по куширям прячется. Я не поверил. Но под самое утро, на смене стражи, привидение изловили околачивающимся у нашего забора. Я его спросонья и не разглядел, так, мутное белесое пятно квадратной формы... Вроде ребята сунули эту плесень в поруб, до выяснения. В-третьих, в предрассветном мареве ко мне под окошко приперся черт! Ему, видите ли, надо спешно посмотреть, как я орех под кружками прячу. Нет, он и сам почти все понял, но дополнительная консультация не повредит... Представьте теперь, с какой головой я спускался утром на завтрак! Если бы не бабка с ее волшебными настойками... Глотать я еще кое-как мог, но заговорил гораздо позднее... Яга не торопила:

– Вот бульончику еще. Уж ты покушай, покушай, не побрезгуй. Ох, силы небесные, да рази ж можно в три дня на одного человека столько всякого валить... Никаких нервов не хватит! Кушай, Никитушка, вот кашки еще, не огорчай старуху...

– Спаси... апчхи!.. бо... Я же столько не съем!

– Али невкусно? – поразилась бабка.

– Наоборот... апчхи! Слишком вкусно, я оторваться не могу, а...а... апчхи! А в результате лопну!

– Будь здоров! Чтой-то не нравится мне, как ты чихаешь... Вот сейчас

еще одну настоечку выпьешь, авось чих к обеду и пройдет.

– Да ниче... апчхи!.. го такого страшного... – вяло отмахнулся я, а потом все-таки полез за носовым платком. – Просто перекупался вчера, вода в колодце неподогретая, ну и ночь са... а-апчхи!.. сами знаете, не выспался толком...

– Чих – не болезнь! Будь здоров, – философски, со знанием дела отметила Яга, смешивая две жидкости в серебряной рюмочке. – А все одно – штука пренеприятная... Посему лечить ее надо вовремя и по науке. Чихающий милиционер тока сострадания достоин, а уважение к его поганам с каждым чихом колеблется. На-кась!

Я выпил без брыканий. У бабульки все травяные настойки на спирту, но захмелеть с них не удавалось еще никому. Видимо, все-таки лекарство. Покончив с завтраком, я вспомнил о вчерашнем допросе и поинтересовался, где дьяк.

– Да выперла я его, – хмыкнула Яга, – храпел на все сени, аж Митенька заворочался. Думала, разбудит мальчонку... Ан нет! Митя сам ему такими трелями через нос ответствовал, что от храпака их совместного едва ли дверь с петель не сорвалась... Так что, как зорька занялась, я не поленилась, сама дьяка за химок приподняла да во двор и вытолкала. Нам он пока без надобности...

– Это правильно, – важно согласился я. – Бабуль, а где те стрельцы, что царю мое письмо относили?

– Отдыхают небось... Их смена вчерась закончилась. Послание Гороху они вручили, Ксюшку Сухареву предупредить успели, обязалась с утра тебя ждать. Вроде все путем, как и...

В горницу без стука влетел красный Митяй, рухнул перед нами на колени:

– Беда, батюшка участковый! Стрельцы царские за тобой пожаловали.

– А орать-то за... а-апчхи!.. зачем орать-то?! Впустить их, естественно.

– Дак ить вас же, безвинного, арестовывать идут!!! – взвыл наш младший сотрудник, ударяясь об пол с такой патетикой, словно в сердце ему вонзилась вражья стрела.

В двери тихо вошли четверо стрельцов из личной охраны государя. Говорили медленно, глядя в пол, словно сами не рады возложенной на них миссии:

– Собирайся, сыскной воевода. Царь тебя сей же час требует...

– Не пущу!!! – не дожидаясь моего ответа, Митька бодро вскочил, распахнув навстречу стрельцам медвежьи объятия. – Бегите, Никита Иванович! Я их задержу...

- Прекра... а-апчхи! Господи, ну когда это все кончится?!
 - К обеду, – напомнила бабка, а у дверей уже каталась куча мала.
 - Не пущу! Живота за милицию не пожалею! Бегите, батюшка сыскной воевода... Не поминайте лихо-о-ом!!!
 - Ну что ты с ним, дураком, делать будешь? – Баба Яга неторопливо надела кацавейку и поправила платочек. – Пойдем уж, Никитушка, все одно, к царю вчерась собирались. Чую, серьезная беда у него приключилась.
 - А эти борцы вольного стиля? Так и оста... а-апчхи!
 - Будь здоров, сокол ты наш... Да пущай побарахтаются, их дело молодое, кровь кипит, сила выхода требует. Как набузятся, сами и помирятся...
- На выходе я попросил наших, еремеевских ребят приглядеть за драчунами, если начнут бить посуду. За воротами нас ожидал конный эскорт еще из четверых молодцов царской гвардии. Лица у всех были печальные. Именно печальные, а не мрачные или суровые.
- Что случилось? – тихо спросил я.
 - Ксюша Сухарева померла...

Стрельцы ехали шагом, молча, двое впереди нас, двое позади. Я тоже молчал, смерть красивой дурочки, наивной любовницы царя, почему-то очень подкосила меня. Ксения, несомненно, была грешна по всем параметрам, а своей душевной простотой, доходящей до банальной тупости, могла свести с ума любого. Она не помнила прошлого, ей ничего не светило в будущем, она никому не могла послужить примером для подражания. Глупенькая смазливая девчонка, начисто лишенная тщеславия и расчета. Над ней смеялись в лицо, ее презирали, с ней не стремились заводить дружбу, твердо зная, что с нее ничего нельзя поиметь. Она не искала корысти, не пыталась влиять на «первое лицо в государстве», живя одним днем для дорогого ей человека. Горох жалел ее... Любил не любил, но жалел – это точно и никому не давал в обиду. А самое ужасное, что я почти наверняка знал причину ее смерти и не мог отделаться от чувства вины. Я должен был, обязан был предположить такое развитие действий! Должен, но не... не предугадал, не проследил, не успел.

– Никитушка... не казни себя, – откуда-то издали пробился мягкий голос Яги. Бабка шла рядом под ручку со мной, но я обернулся так, словно увидел ее впервые. – Нет в том нашей вины, мы следствие вели честно. Тот злодей, что чертежи корабля этого проклятущего взял, из шкуры вон лезет, следы замата. Видать, шибко боялся он, что вспомнит Ксюша подругу ту,

чернявую. Вспомнит и узнает. Ведь и отец ее, покойный дворник Николай Степанович, за то же знание жизнью поплатился. И разбойник с постоянного двора – тоже знал. Мне покуда неясно, как им всем яду дать умудрились, но то, что цепочка эта из одних звеньев состоит, – уж можешь мне поверить...

– Вы думаете, Ксению отравили?

– А ты как думаешь? Стрельцы ведь не сказали – утопилась, застрелена али повесилась. Сказали, померла... Зуб даю, что яд это!

– Будем разбираться на месте...

Из окон домов со всех прилегающих улиц на нас изумленно пялился народ. Прохожие останавливались, люди недоуменно вертели головами, напряженно переговариваясь, и обрывки фраз иногда долетали в нашу сторону:

– Гляди, гляди – участкового под арест ведут! Да прямо вместе с Бабою Ягой...

– Пожалей их добрый Боженька... Ох ты, горе какое! Он ить молоденький совсем, неженатенький...

– Наше дело сторона... Раз ведут, значит, сам виноватый.

– Это участковый-то?!

– А что участковый... Он небось такой же человек... Проворовался, поди, али документы милицейские за границу басурманинам продавал. Мне его рожка завсегда подозрительна была...

– Пусти, дядя! Пусти, я энтому козлу за Никиту Ивановича рыло набок переверну...

– Гриня, не смей! Убьешь же мужика... Дай-кась я сам ему врежу!

– Что зря кулаками махать? Дело делать надо, православные...

– И то верно, Матрена, собирай баб!

Лукошкинцы – народ активный, я об этом часто говорил. Вообще должен признать, что именно в данном деле процент участия обычных, рядовых граждан оказался необычайно высок. Иногда казалось даже, что это не мы ведем следствие, а сам народ по своей бушующей и мудрой воле направляет нас в ту или иную сторону. И, забегаю вперед, скажу, что разрешили всю проблему и поставили в этом расследовании жирную точку именно они, простые жители столичного города Лукошкино.

Ну а пока... пока мы с Ягой входили на царское подворье. Предгрозовое состояние ощущалось повсюду. Даже сам воздух над государевым теремом был насыщен электричеством до предела. Слуги передвигались на цыпочках, стража замерла в манекенной неподвижности, бояре боялись шмыгнуть носом. Впечатление такое, словно от любого незначительного жеста или слова с небес обрушатся гром и молния, дабы

вусмерть испепелить неосторожного. Я тихо отправил бабку в дворницкую. При всех гороховских закидонах он вряд ли бы потребовал перенести тело любовницы в свои покои. У царских ворот поскуливающей сворой толпились приближенные бояре. В мою сторону они даже не смотрели, я для них вечный чирей на поясице. Двое самых храбрых испытывали судьбу, лепеча что-то верноподданническое у замочной скважины:

– Надежа-государь, уж не прогневайся, яви свое личико ясное рабам твоим безутешным...

Я с трудом удержался от раздраженного чихания. Видимо, у царя терпения было меньше – в дверь изнутри так пнули сапогом, что обоих жалобщиков припечатало к противоположной стене. Пока их отклеивали от растительного орнамента, внутрь решительно шагнул дородный, но низкорослый боярин Бодров. Тот точно начал с ахинеи, да еще так громко...

– Не след государю русскому из-за девки дворовой слезы лить! Добро б еще была роду знатного, боярского, как вон моя Лариса... – После чего послышался глухой звук удара, и правдолюбец вылетел через дверь головой вперед на средней высоте. Метровая боярская шапка была надета на него по самые плечи.

– Кого еще черти несут?! – с истерической издевкой проорал Горох, встав на пороге.

– Меня.

– Участковый...

– Так точно, младший лейтенант Ивашов Никита Иванович. Пустите, пожалуйста, поговорить надо...

Царь долго соображал, что бы такое язвительно-обидное бросить мне в лицо. Не придумал, мотнул головой и молча пропустил меня вперед. Бояре возмущенно ахнули, но государь демонстративно захлопнул двери у них перед носом.

– Выпьешь?

– Выпью. – Мне действительно хотелось выпить, не меньше чем ему.

Горох взял с подоконника ополовиненный штоф, зубами вытащил пробку и нервно разлил в две стопки. Пили не чокаясь...

– Когда это случилось?

– Утром... а может, и ночью. Бабки всполошились, что у нее ставни не заперты, все ведь закрывают по ночам. Дверь была не заперта, вошли, глянули – она на лавке, коса по полу... – Ему было трудно говорить. Что бы мы ни думали о случайных связях начальника и подчиненной – мы все равно никогда не знаем всего. Дворовая девка и царь... Видимо, даже сам

Горох не подозревал, как много места она занимает в его душе.

– Тело никто не трогал?

– Вроде нет...

– Я отправил туда Ягу. Она проведет необходимую экспертизу, поищет возможные улики. Вы успели вчера посмотреть протокол допроса дьяка?

– Успел... – Горох добавил еще по стопочке и кивнул мне: – Ты говори, Никита Иванович, мне забыться надо, отвлечься, не то сорвусь... Что-то там по поводу черноволосой девицы?

– Да, но вполне возможно, что это парик или волосы были перекрашены. По словам дьяка, она приходила вместе с Ксенией в ночь перед кражей чертежей.

– Помню... Ночь эту помню хорошо, а вот с девкой суета какая-то получается. Не было у меня никого. Вот сам посмотри... Вход сюда один, здесь окно, лавка, столик малый да шкафчик с закусками – где спрячешься? Я-то сам в спальне был, вот за этой дверью, Ксюша вошла одна. Ежели кто с ней и был, так за дверями остался.

– Значит, фактически один на один с потайным сундучком?

– Да говорю же, отколь ему, вору, было знать, где что прячется?! Тут ить угадать надо, куда ступить, как обернуться, опять же ключи у меня на шее были.

Я подошел к двери в спальню, на них не оказалось ни замка, ни крючочка.

– Вы спали с Сухаревой?

– Нет... в бирюльки играли, – буркнул царь.

– Я не в этом смысле. Она осталась у вас ночевать? Вы уснули вместе?

– Ну да вроде... а что?

– Если гражданка Сухарева по простоте своей провела вплоть до ваших покоев свою «подругу», оставила ее «погодить» на лавочке, а сама вошла к вам в спальню – естественно, что вы вторую девушку не видели. А вот она вполне могла заглянуть к вам, убедиться, что все тихо, снять ключи, совершить кражу и перед уходом повесить их вам обратно на шею.

– А...а...а из терема как же? – попытался возразить пораженный государь.

– Просто, – ответил я. – Стрельцы никогда не станут задерживать девицу, выходящую из ваших покоев. Они даже отвернутся, чтоб не глядеть куда не надо. В ваши амурные дела рискнул сунуть нос лишь дьяк Филимон Груздев, прочие стыдливо молчали.

– Да-а... – Горох обхватил голову руками и вновь потянулся к выпивке, но в дверь постучали.

– Баба Яга с экспертизой! – доложили царские стрельцы. – Очень уж принять просят...

Яга вошла бочком, царя она боялась и уважала, хотя «ради интересов следствия» всегда проявляла при нем несгибаемую твердость. Горох важно кивнул, широким жестом указал старушке на скамью рядом с собой и полез за третьей стопкой. На дне штофа еще что-то плескалось...

– Нет. На сегодня алкоголя достаточно, я при исполнении.

– Ладно, тебе не наливаю. Мы с бабушкой на двоих выпьем, да?

– И ей нельзя. Давайте сначала выясним, что у нас там по делу.

– Сначала выпьем!

– Нет, – твердо уперлись мы с бабкой.

– За покойницу?! – мгновенно набылчился государь, сведя брови над переносицей под совершенно невероятным углом. Мы выдержали тяжелый психологический поединок, и в конце концов под нашими праведными взглядами Горох опустил глаза и сдался.

– Докладывайте, – попросил я Ягу.

– Докладаю, – приступила бабка. – Гражданка Сухарева Ксения Николаевна не своей смертью померла. Убили ее. Отравили начисто, тем же ядом и тем же макарон. В кружке с чаем развели, да ей и подсунули. На столе халва осталась, пряники, пирог, кусками порезанный, – не одна она за полночь чаевничала. На мизинчике левом ноготок сломан, токо уголок остренький торчит. Думаю, уж когда падала, убийца ее поддержал, чтоб шуму не было, а она об его одежу али еще чего ноготь и обломила.

– Возможно, оставив царапину или ссадину? – уточнил я. Бабка согласно кивнула.

– Да вот волос еще, рыжий, длинный... Больше ничего полезного сказать не могу. Все обсмотрела, обыскала, обнюхала – прямого чародейства нет. Но было оно... что-то такое махонькое в воздухе носится, а угадать не могу...

– Тот, кто взял чертежи, попытался залечь на дно. Однако из боязни, что мы его все равно достанем, он начал планомерно уничтожать свидетелей. Это может означать только одно – следствие движется в правильном направлении. К сожалению, я не великий Шерлок Холмс и не почтенный отец Браун. Наши милицейские методы зачастую рутинны и не всегда завершаются театрально эффектным финалом. Мы будем следовать путем логики и фактов, а факты таковы...

– Никита Иванович, – дрогнувшим голосом перебил государь, – хрен бы с ними, с чертежами! В конце концов, мои умельцы новых наместят, но убийцу Ксюши найди! Живьем поставь пред очи мои мутные...

– От чего ж мутные-то, батюшка?! – перекрестилась Яга.

– От горя и алкоголя, – значимо ответил царь.

– Так вот, факты таковы, что сейчас у нас сохранился только один свидетель – думный дьяк Филимон Груздев. И его жизнь находится в большой опасности... Однако если мы попробуем использовать его как живца, то наверняка выйдем на истинного виновника!

– Или исполнителя, – поправила меня бабка. – Главный злодей-то, поди, дома сидит, паутину плетет... Но ничего, мы как веточки все обрубим, так и за корень возьмемся. Небось выдернем... А ты, государь, крепись... За отцом Кондратом пошли, он хоть до развратников и суров, но отпевание лучше всех в столице понимает. Как поет... как поет, даже у меня, грешницы, сердце замирает...

– Нет его, к послам константинопольским в монастырь соседний отправился, иконы редкие для храмов принять. Раньше послезавтра его и не жди, – вздохнул Горох.

– Ну, тогда отца Евграфа из Иоанна Предтечи, тот тоже поп не из последних...

– Спасибо на добром слове. За поддержку, за участие опять же, – царь поочередно обнял нас обоих. – Идите сами, провожать не буду. Вслед ругаться тоже не стану, настроение не то... Расстарайся, Никита Иванович, чай, не забыл – завтра поутру срок!

– Так точно, примем к сведению, – козырнул я и невольно обернулся к дверям. Оттуда давно доносился невнятный шум, постепенно усиливаясь и прорываясь подозрительно истерическими взвизгами. Переглянувшись, мы все отправились посмотреть. В тереме творилось что-то невообразимое... Стрельцы спешно раздували фитили, со двора слышалось ржание встревоженных лошадей, туда-сюда носились взъерошенные слуги, бояре прятались по углам, со всех сторон летели ругань, плач, проклятия и причитания. Первым, кто хоть что-то смог объяснить, оказался памятный своим отношением к милиции добрый боярин Кашкин:

– Бунт, государь! Народ поднялся...

Последние два слова прозвучали у него особенно высоко и торжественно. Господи ты Боже! Ко всем моим проблемам вот только еще уличных беспорядков не хватало... Найду зачинщиков – сам расстреляю, без суда и следствия! Нет, ну какого черта, в самом деле? Куда нам тут бунт? У меня дело нераскрытое...

– Корону мне! Доспехи! Коня! Всю гвардию под седло! Я им покажу... бунтовать!!! – взъерепенился Горох. Успокаивать его сейчас – дело гиблое. Нам надо бы тихо ускользнуть и огородами добраться до отделения.

Хорошо бы еще и дьяка поймать по дороге, сразу бы и засаду устроили... – Погоди, сыскной воевода, не убегай! – вовремя перехватил меня царь. – К воротам со мной пойдешь! Мятежники небось тоже в твоём ведомстве...

Я криво улыбнулся. Что делать, придется идти. Яга, вцепившись в локоть, семенила следом, напряженно бормоча:

– Чегой-то не пойму я, старая, отчего бунт?! Вроде все так тихохонько было, жили себе смирно, без проблем, утром хоть бы повозмущался кто... и на тебе! За какие грехи тяжкие? Вроде податей немного, войны нет, голоду – в помине, веру никто не обижает, что ж метаться-то? Что-то не так... Не по уму выходит...

– А раньше такие бунты были? – спросил я, припоминая, в свою очередь, исторические описания разинщины и пугачевщины.

– При мне не было. Вот вроде при дедушке Гороха нашего был один, из-за соли. Купцы на нее дюже цену взвинтили... Ну, лихой народец подсобил, а там и пол-Лукошкина огнем сгорело...

– Мрачноватая перспективка, – согласился я.

Мы вышли на балкон третьего этажа, вглядываясь в бунтующую за воротами толпу. Мореный дуб царского забора успешно сдерживал ее напор, да и меж зубцов начали высовываться граненые стрелецкие пищажи. Однако народное восстание, видимо, захватило умы слишком большой части населения. Всюду виднелись зажженные факелы, люди потрясали вилами и топорами, а меж бушующих толп горожан то тут, то там виднелись кафтаны наших еремеевских стрельцов. Это уже более чем серьезно! Да чтоб Фома Еремеев в нарушение присяги примкнул к явному бунту... Подобное просто не укладывалось у меня в голове.

– Пушки тащи, пушки! Заряжай быстрее... – доносилось со двора.

– Бабуля, побудьте здесь, я – вниз, к Гороху!

– Куда, Никитушка, затопчут ведь в запале! – запричитала Яга, но я уже неслись вниз.

Если не успею, прольется кровь. Что бы и как бы ни было, кто прав, кто виноват, но если сейчас я не встану между народом и царем, то потом не прощу себе никогда! Если будет это «никогда»...

– Прибежал? – Горох встретил меня уже при полном параде, готовясь сесть на боевого коня.

– Постойте! Вы узнали, из-за чего бунт?

– Сейчас узнаем... Как выедем, как из пушек пальнем, как...

– Прекратить немедленно! – заорал я в полный голос так, что даже царь опешил. – Вы что, с ума сошли?! Воевать не с кем, так на своих же, русских людей бросаетесь?! Самодур!

– Э... участковый, ты это...
– Молчать! Самодур, тиран и деспот!
– Но, но... я ить могу и...
– Молчать, я сказал! И марш к воротам! Сначала поговорите с народом, выясните, что случилось, чего хотят, а уже потом принимайте меры. Вы царь или мясник в короне?!

– Царь! – не на шутку обидевшись, взревел Горох. – А ну, молодцы, взять этого умника да связать покрепче, чтоб думал впредь, о чем языком молоть. И к воротам его, за мной...

Меня связали быстро, я не сопротивлялся. В душе билась последняя, робкая, неосознанная надежда на то, что, может быть, все еще можно исправить. Горох смело полез по лесенке и встал на собственных воротах, метра на три возвышаясь над рокочущей толпой. При виде царя народ на мгновение примолк, а потом раздался такой дружный рев, что ворота задрожали:

– Верни участкового, государь!!!

Ей-богу, Горох обалдел... Хотелось бы сказать крепче, но на службе я не выражаюсь. Пришлось опустить очи долу и скромно промолчать. Двое-трое бояр в наспех застегнутых доспехах бросились к царю, вполголоса уговаривая его предать меня немедленной смерти как главного смутьяна и зачинщика. Стрельцы опустили приклады на землю, недоуменно поглядывая друг на друга. Если бы Горох был в сознании, то при его неуравновешенном характере мне бы запросто снесли башку и выкинули за ворота. Мол, просили – получите! Правда, через пять минут он бы волосы на себе рвал и попутно пообезглавил всех советчиков, но мне от этого на небесах было бы уже ни тепло, ни холодно... В этот критический момент мою молодую жизнь спасло одно – царь впал в ступор. В смысле застыл с распахнутым ртом и немигающими глазами. Бояре покричали и отползли. Мстить мне без прямого разрешения государя они не могли, да и царские стрельцы вряд ли бы позволили. А народ, раззадоренный молчанием властей, приободрился и ударился в требования:

– Отдавай участкового, надежа-государь! Всем миром поляжем, а не дадим заступника нашего извести!

– Православные! Это же все бояре воду мутят... По их навету повели сиротинушку нашего босого, да в кандалах, да под саблями острыми, в темницу темную! Это все Пашка Псуров придумал, чтоб ему в аду со сковороды не слазить! А царь-то хороший... тока доверчивый...

– Вернуть сыскного воеводу, и неча тут тень на плетень наводить! Все

Лукошкино видело, как волокли его силком по городу и плетьюми хлестали нещадно, а он, страстотерпец, только в платочек чихал... от боли невыносимой!

– Выходи на площадь, царь! Народ тебя к ответу требует! Хоть и строг был Никита Иванович, а законы блюл! И мы блюдем! А коли кто из твоих бояр недоблюдет, так уж не прогневайся... мы поучим!

Выкрики продолжали расти. В целом они были достаточно однообразны – вернуть меня, восстановить работу отделения, ну и все такое... Проявлялись, правда, периодически мудрецы, требовавшие заодно перетопить всех бояр в речке Смородине, выкатить из царских подвалов бочки вина и, спалив государев терем, отметить это дело общенародной дискотекой. Дураков везде хватает, всерьез их, слава богу, не воспринимал никто. Неизвестно, сколько времени этот балаган мог бы продолжаться, пока какой-то шкет не запустил в ворота гнилой сливой, а попал Гороху в корону. Толпа моментально смолкла, поняв, что перешагнула все границы. Горох автоматически поправил головной убор, икнул и очнулся:

– Люди добрые! – Он обратился к народу, и голос государя был проникновенно величав. – Чем же я вам так не угодил? Чем обидел так, что вы меня за зверя лютого держите? Разве кого казнил безвинно? Разве землю нашу от врагов не защищал, живота своего не жалеючи? За что ж позорите так, люди русские?

Народ примолк... Случайное оружие неуверенно и виновато прятали, факелы загасили, все начали снимать шапки. Горох не ломал комедию, он был предельно искренен, и это было ясно каждому...

– Кто сказать посмел, что я сыскаго воеводу без дела обижаю?! Да мы с Никитой Ивановичем рук не покладая заботимся о вас денно и ночно. Он для вас закон и защита. Какой отец лишит защиты детей своих неразумных? Вы – дети мои... Вот он, участковый ваш, жив-здоров!

С меня мигом сняли веревки и споро водрузили рядом с государем.

– Ну что, головы мятежные? До чего дошли – до угроз помазаннику Божьему!!! Скажи им, Никита Иванович, друг сердешный...

– Нехорошо, граждане, – прокашлялся я. – Царь приглашает меня к себе по важному делу, а вы нас глупыми подозрениями отвлекаете. Я очень ценю вашу заботу и благодарен за теплые слова в адрес нашей милиции, но царя-батюшку вы обидели зря. Обидели очень серьезно, при всех, обвинив в абсолютно невыносимых преступлениях. Стыдно, граждане... Я бы на вашем месте поспешил извиниться!

Дальше было шоу... Весь лукошкинский люд начал бухаться на колени, креститься и просить за Христа ради прощения. Те же горячие

головы, что вопили о свободе, вине и силе народного гнева, теперь громче всех орали:

– Прости, государь, дураков неразумных! Правь нами и далее, аки отец родной! Не мыслим жизни без царя, не хотим власть иную... Хошь, руби нам всем головы, а тока не оставляй без своего светлого правления!

Горох утирал слезы умиления. Царские стрельцы через забор братались с народом, прилюдно прося друг у друга прощения. Слезы радости насыщали воздух... Я сполз с ворот, не дожидаясь сентиментальной развязки событий. Наскоро простил тех, кто меня связывал, – они очень просили... Яга, спустившись наконец с высот царского терема, цепко взяла меня под руку и повела домой. Уходили через калиточку на заднем дворе. Улицы были пустынные. К тому моменту, когда ошачливленный царским великодушием народ с песнями пустился восвояси, мы уже дотопали до родного отделения.

– В баню! – строго приказала Баба Яга. – Выйдешь – поговорим. А пока с себя всю эту суету да беготню не смоешь – и на глаза мне показываться не смей.

В баньке я застал Митьку и тех четверых стрельцов, что за мной приезжали. Ребятки, видимо, ничего не знали о происходящем: подрались, помирились, напарились и сели в предбанничке, расслабляясь ядреным изюмовым квасом. Мне тоже налили. Я посоветовал стрельцам возвращаться к начальству, а то как бы в рамках «бунта» их не сочли пропавшими без вести. Митяй набился мылить мне спину, и мы немного поговорили о дальнейших планах расследования.

– Значит, будем ловить Настасью-воровку... Это дело нужное и вполне понятное. А тока хорошо же она скрывается, ежели мы до сей поры ее нигде обнаружить не сумели... Может, какая наводочка полезная образовалась?

– Митя-я... спину мне протрешь! Разошелся с мочалкой, не такой уж я грязный, кстати...

– Ой, так я вас сейчас водичкою тепленькой... вот! Хорошо ли?

– Хорошо-о... – блаженно вытянулся я. – Так вот, наводка пока одна, искать надо не только рыжеволосую девицу с серыми глазами, но еще и...

– А вот веничком свеженьким, березовым!

От первых же размашистых ударов у меня так перехватило дыхание, что я даже заорать не мог. Этот Геркулес хлестал мою бедную спину до тех пор, пока от веника не остались одни веточки... Потом еще и облил едва ли не крутым кипятком!

– А-а-а-а-а-а!!!

– А вот и ладненько... – удовлетворенно бурчал себе под нос наш садист-самоучка. – Вот оно и хорошо-то как... Коли так кричите, значит, все хвори из груди повыбегли! Доброго здоровьяца вам, Никита Иванович, уж небось не чихаете!

Я слабо замычал в ответ. Счастливый Митяй легко перекинул меня через плечо, вынес в предбанник, вытер полотенцами, одел и... выпустил на волю. Я шел к Яге та-а-акой вымытый, что, казалось, не касаюсь ногами грешной земли. Митька топтал следом...

После обеда я послал стрельцов на поиски дьяка. Фома Еремеев лично руководил всем заданием, необходимо было изловить гражданина Груздева тихо и незаметно, а вот в отделение вести его с шумом и помпой, так, чтоб весь город знал. Это очень важно. Митька отправился на базар, дабы выяснить у местных торговцев, кто, где и когда за последнюю пару недель покупал черный парик или фальшивую косу. Нам с Бабой Ягой предстояло самое трудное – спланировать всю операцию по захвату и обезвреживанию преступника...

– Никитушка, а на то привидение, что в порубе у нас сидит, ты совсем поглядеть не хочешь?

– Нет, ни капли не интересно. Я и так знаю, кто это.

– Да кто ж?

– Павел Псуров, – равнодушно бросил я. – Он так часто путается под ногами у стрельцов, отираясь у отделения, что почти наверняка именно его изловили и в этот раз. Можно подумать, парням хватать больше некого... Нравится ему у нас, что ли?

– Так ить... как же... – недопоняла бабка, – он же не привидение небось?

– Естественно. Сколько мне помнится, привидения – существа эфирные, им еще никто руки за спину не крутил и в милицейское отделение не доставлял. Так что этот бесплотный дух вполне осязаем. Негром мы его брали, краснокожим тоже, почему бы теперь стрельцам не замести его под видом заснеженного эскимоса?

– Все одно не верю! Давай вытащим да посмотрим.

– Времени нет, ну его! Если настоящее привидение, то его никаким порубом не удержишь, а если все-таки Псуров, так пусть посидит, пока мы с дьяком возимся...

– Ох, Никитушка, а не мешаем ли мы этим альтернативному расследованию? – хитро сощурилась Яга.

Я только хмыкнул в ответ. Время для игр в демократию прошло,

сейчас надо просто делать свою работу. Подчеркиваю, свою! Мы свою знаем, остальным – просьба не мельтешить...

– Никита Иванович! Дозвольте слово молвить... – В горницу шагнули двое стрельцов нашего отделения. – Мы это вчера на ночь глядя грамотку царю носили...

– Ну? – повернулись мы с бабкой.

– Ну и к Сухаревой этой, к покойнице, тоже заходили, предупредить, чтоб дома была...

– И что?

– Дак и... ничего вроде... – неуверенно переглянулись оба, перепихиваясь локтями. – Утречком на службу вышли, вас нет, говорят, к царю повели... Потому как Сухарева-то это... померла. Мы и... сказать не успели...

– Чего не успели?

– Да теперь-то чего уж... поздно теперь-то. Тока когда мы в дверь ейную стучали, не одна она в доме была.

– А с кем? – сразу напрягся я.

– Да с подругой, видать... Мы-то внутрь не заходили, с порога слово ваше передали. А дверь незакрытая была, и девка чернявая за столом сидела.

– Как она выглядела? Ну же, ребятушки, ведь вы видели убийцу!

– Лица-то мы не видали... – понурились стрельцы, – спиною она сидела, в окошко гляючи. Вот коса черная, и на фигуру справная девка... Ежели б мы тока знали! А то ить ищем-то рыжую...

– Ладно, свободны... – Я вновь опустил на лавку. – Смысла нет, теперь уже действительно поздно. Но кто же может так запросто ходить на царский двор, красть, убивать людей и оставаться незамеченным?..

– Не ведаю, сокол ты наш, не ведаю... Разве уж в этом деле без колдовства крупного не обошлось. Это ж надо задумать такое было, девку подходящую найти, чародейными силами ее оградить и нигде не попасться! Ох, кабы не одному Кощею такое-то по плечу...

– Да, кстати, – вспомнил я, – мы напрасно сбрасываем его со счетов. Помните, царь сказал, что отца Кондрата в Лукошкине нет? Значит, Кощей вполне может появиться.

– Не может! На дневном свете в православном городе все одно долго не протянет.

– А ночью?

– Ночью... может, – теперь уже призадумалась Баба Яга. – А ведь и верно, ночью – может! Не везде – от храмов да церквей подалее, но... Вот

кто настоящий маньяк и есть! Из черных кошек он зелье шамаханское варит, а прочих по ночам забавы ради бьет! Головами кошачьими пропитается...

– Чем?!

– Мозгом, – пояснила Яга. Я даже не попытался это представить – стошнит. – Стало быть, рискнул-таки Кощей самолично в столицу заявиться! К отделению, знамо дело, близко не подходил, я б его, ирода, сразу учуяла. Небось в гостях у сообщника своего тайного хоронится. Днем спит да козни строит, а ноченькой темной на прогулки свою светлость выводит.

– Очень опрометчивое решение... – поддакнул я, – в одном городе нам двоим тесно. И уйти придется ему! Если бы только как-то выяснить, у кого он снимает квартиру?

– А ежели всех... обыскать, повально?

– Долго, хлопотно и не даст стопроцентного результата. Остается надеяться, что он клюнет на нашу приманку с дьяком...

– Клюнет! Уж он такого не оставит... последний свидетель, как же его живого отпустить? А тока как же ты его, Никитушка, под арест брать будешь?

– Я убежден, что сам Кощей на серийные убийства не разменивается. Он наверняка пришлет своего напарника или напарницу... Если возьмем их, то захват Кощея в его тайном убежище днем будет только вопросом времени.

– Опасное это дело...

– У нас все дела опасные.

– И то верно, – согласилась Баба Яга.

Мы помолчали, философски обдумывая проблемы бытия.

– Слышь, Никитушка, а зачем ему чертежи-то царские сдались?

– Летучий корабль – штука стратегического значения. Если построить целую эскадру, то можно любой город забросать сверху бомбами. А может быть, и наоборот, он похитил их только из-за того, что боится, как бы наши летчики не сровняли с землей его Лысую гору.

– Тогда чего здесь торчит? Ему ж с чертежами без оглядки бежать надо!

– Ну, так ведь на воротах таможня лютует, ибо царский указ еще никто не отменял. И потом, у него появилась реальная возможность разделаться с ненавистным ему отделением милиции руками местных жителей. Чей только гнев на нас не пытались спровоцировать за это время – и царский, и боярский, и разбойничий, и даже народный!

– Всё так, Никитушка, всё так... – покивала Яга. – Ой, глянь-кась, кажись, дьяка ведут?

Действительно, по нашей улице строевым шагом двигался десяток еремеевских стрельцов, с почетом волокущих надсадно вопящего Филимона. Не ругаться бедный дьяк не мог, заклинание действовало исправно, но мат был очень сдержанным. Видимо, гражданину Груздеву никак не хотелось, чтобы в отделение его доставили добровольцы из народных дружинников. Просто потому, что стрельцы без приказа по шеям дают редко, а вот рядовые лукошкинцы...

– Давайте его сюда, сразу объясним ситуацию и попросим помочь, – предложил я.

Соратник Пашки Псунова не был даже связан, а потому держался гордо и вызывающе. У меня на этот раз не оказалось ни малейшего желания выслушивать грубости, я прямо предупредил дьяка, чтоб рта не раскрывал, и начал:

– Гражданин Груздев Филимон Митрофанович, мы искренне просим у вас прощения за необоснованное задержание. Никаких претензий на данный момент милиция к вам не предъявляет. Даже наоборот, мы хотим предложить вам некоторое сотрудничество. Дело в том, что благодаря вашему доносу вы оказались единственным свидетелем, видевшим в лицо разыскиваемую нами особу. Все прочие, кто имел несчастье ее лицезреть, – мертвы... Скорее всего, мы столкнулись с поступательным и планомерным уничтожением свидетелей. Поэтому в целях вашей же безопасности мы были вынуждены так скоропалительно взять вас прямо посреди улицы и привезти сюда. В нашем порубе вам будет уютно и спокойно. Там, правда, есть одно симпатичное привидение, но оно наверняка возражать не станет... Посидите, отдохните, пообщайтесь... Максимум через пару дней мы вас выпустим. Нет, нет, благодарить нас не надо! Я еще не все сказал... Должен честно предупредить, что серийный убийца, естественно, сделает попытку к вам проникнуть. Обычно он использует цианистый калий, но, возможно, ради вас, в порядке исключения, попробует применить нож, удавку или кирпич... Не волнуйтесь! Мы будем рядом и примем все меры к его задержанию. Вы ведь всегда хотели попробовать себя в амплу великомученика? Вот ваш шанс! Спасибо, не надо слов, я все читаю в ваших выразительных глазах. Уведите гражданина... Ну что, бабуля, охота началась?!

Через несколько минут появился запыхавшийся Митька. Судя по исцарапанному лицу – на него напала свора неуправляемых леопардов, а по

заплеванной спине – что в этом святом деле поучаствовали и дрессированные верблюды. В обеих руках он с трудом удерживал огромную охапку... девичьих кос! Не дожидаясь шумных проявлений справедливого интереса с моей стороны, он бухнул все это на пол, терпеливо объясняя:

– Все исполнил, как велено! За последние две неделечки кос фальшивых никто не покупал. Хотя в продаже они есть и по осени даже спросом большим пользуются. Понятное дело, свадьбы... Любой невесте покраше перед женихом вырядиться хочется. Ужо на пути обратном чую, все какие-то подозрительные девки попадаться стали... Зыркают так и косами сзади зазывно машут! От, думаю, не иначе как на меня, милицейского сотрудника, покушение злобное мыслят. А кто против милиции злоумышлять может? Тока Настасья-разбойница! Да ведь как ее узнать? И тут меня, неразумного, словно обухом по башке озарило! Вы ведь сказать изволили, будто коса у ней фальшивая... Ну что ж, проверка – дело нехитрое и для девиц невинных сплошь безобидное. Ошибусь, так и извиниться не побрезгую. Хвать самую подозрительную за косу! Ан коса-то и отвалилась, фальшивка полная... Тока рыжих волос под ней не оказалось. И что вы думаете – как есть извинился! Честь милицейскую не уронил! За другую подозрительную взялся...

Я схватился за голову. Баба Яга побыстрее вытолкала Митьку от греха подальше. Исправить его не под силу даже могиле! Это мой крест... Делать нечего, пришлось идти на базар. Двое стрельцов тащили с собой фальшивые косы, щедро раздавая их всем разобиженным. За этим неблагодарным занятием меня и застала смешливая Олёна... Видимо, она шла от дядиной лавки на базар, в руках у нее была пустая корзинка.

– День добрый, Никита Иванович. Опять по службе бегаєте? Ой, да вы тут косами торгуете...

– Здравствуйте, Олёна, – почему-то смутился я – эта девушка обладает удивительной способностью вгонять меня в краску. – Никакой торговли нет, мы их просто так раздаем всем пострадавшим.

– Так?! – не поняла она. – В подарок, что ли? Это как же, интересно, надо пострадать, чтоб тебе сердобольная милиция фальшивую косу в утешение подарила... да еще с бантиком?!

– Это Митя...

– Где?

– Ну, в смысле все это из-за Митьки нашего. Он по заданию искал на базаре фальшивые косы, чтобы выяснить, не пользовалась ли та самая Настасья черным париком, и случайно оборвал несколько... Видимо, плохо

привязывали.

– Случайно? Оборвал? Такую кучу?! Ну, это точно плохо привязывали, другой причины нет... Вот мою, настоящую, попробуй оторви! Разве вместе с головой...

– Нет, – постарался припомнить я, – скальпов он вроде не приносил.

– А что же, на мельнице у родителей Настьки не оказалось?

– Знаете, Олёна, там вообще нет никакой мельницы. Меня просто заманили в засаду, подсунув вам заведомо ложные сведения. Вы кому-нибудь говорили о своем визите в отделение?

– Может быть... – Она так мило наморщила носик, что я расплылся в невольной улыбке. – Может, и говорила подружкам. А может, нас вместе видели, мы ведь не в первый раз встречаемся.

– Надеюсь, и не в последний... – Мне таки удалось многозначительно козырнуть. – Прошу простить, но служба зовет.

– Служба-а... – вздохнув, протянула Олёна. – Видела, видела, как стрельцы ваши дьяка какого-то прямо на улице в охапку ухватили. Все на одного, он и пикнуть не посмел... За что ж вот так людей ни с того ни с сего хватают, а?

– В интересах следствия.

– А человеку позор на всю жизнь...

– Дьяк очень важен, – постарался объяснить я. Мне и самому не нравился такой произвол, но иного выбора не было. Что за черт?! С чего это я вообще оправдываюсь? Хочу казаться лучше, чем есть. – Филимон Груздев – единственный свидетель по делу о краже и последующих убийствах. Может быть, его и задержали с нарушением уголовно-правовых норм, но зато у нас в отделении он в безопасности.

– Неужели... убить могут?!

– Могут, Олёна. Так же, как убили других...

– Я... помолюсь за вас, Никита Иванович, – тихо пообещала она и не оборачиваясь заспешила по улице.

Всё понимающие стрельцы подошли, когда она скрылась из виду.

– Дело сделано, батюшка сыскной воевода. Недовольных вроде больше нет... Вот две косы даже лишними остались, куда девать-то?

– Повесьте на забор, может, кому и понадобятся. Возвращаемся назад, скоро ужин.

...День действительно приближался к шестому часу, наступал мягкий, прохладный вечер. Митька с Еремеевым болтали у поруба, Баба Яга что-то стряпала у печки, и я мог позволить себе расслабиться. Ужинать не хотелось совершенно, сквозь распахнутое окно светило удивительно

ласковое предзакатное солнышко. Золотистое сияние заливало близлежащие домики и деревья, издалика доносился малиновый перезвон колоколов, и казалось, что весь мир погружен в счастливое, томное безделье. Не было преступности, не было крови, не было зла и насилия, все растворилось в дремотном солнечном благодушии... Я почти был готов уснуть от ощущения всеобщего погружения в эпицентр среднерусской нирваны. Яга на минутку оторвалась от печи, прислушиваясь к чему-то неуловимому для меня. Потом спокойно отложила в сторону ухват, вытерла руки о передник и, вздохнув, повернулась ко мне:

– Пора, Никитушка, беда идет...

– Какая беда?

– Про то не ведаю... А только пока ты со стрельцами на базаре косы раздавал, я песочком заговоренным вокруг всего отделения землю пообсыпала, а сверх того и водой святою побрызгала. Как только сила вражья, нечистая, к воротам нашим приблизиться попробует, так песок на земле дрожать начнет. От дрожи той капли воды проснутся и остаточки в рюмочке волнами пойдут.

– Буря в стакане?

– Сам погляди... – У самовара действительно стояла небольшая граненая рюмка зеленого стекла, в ней мягко колыхалась вода. – Идет беда, не остановишь! Беги во двор, Никитушка! Поруб стереги, чую, враг неведомый по дьякову душу яд проверенный приготовил... Спасай распоследнего свидетеля!

...Я оказался во дворе еще быстрее, чем Яга закончила свою тираду. У поруба в постоянной охране стояло двое стрельцов, плюс Фома Еремеев, плюс Митька, плюс я. Защищаться мы могли, но вот от кого или от чего? Пока оставалось неизвестным, а значит, и неизвестно, как конкретно от этого неизвестного оборониться... Сплошной каламбур, но почему-то не смешно. Ничего, в нужный момент бабка наверняка подскажет, а пока...

– Молодцы, слушай мою команду – ружья в стороны, сабли наголо! Фома, держи со своими вход в поруб. Никто не должен проникнуть внутрь! Ни человек, ни мышка, ни мушка... Помнишь, заваруху с мухами? Рубите все, что движется! Митяй – хватай вон то бревно и отмахивайся не глядя, на тебе весь тыл. Я буду рядом на общем руководстве!

Парни послушались безропотно, двигаясь так, словно мы отрабатывали учебный план обороны поруба в военно-полевых условиях, на высокоскоростном режиме. Стрельцы у ворот честно несли свою службу, еще с десяток стояли на охране забора, опоясывающего весь двор, четверо стерегли сам терем. Больше я не мог задействовать, опасаясь

привлечь слишком пристальное внимание противника. У неведомого врага должно складываться впечатление, что нас немного, собраны случайно и серьезного сопротивления оказать не способны... В окошке показалось встревоженное лицо Бабы Яги:

– Никитушка! Вода в рюмке через край плещет! Кабы не здесь уже ворог-то...

Ответить я не успел – чей-то невидимый кулак так ловко врезал мне в подбородок, что я едва удержался на ногах!

Еремеев рухнул ничком, выронив саблю и схватившись обеими руками за причинное место. Тот, кто на нас напал, несомненно, умел драться и не стеснялся использовать самые грязные приемы. Стрельцы у поруба привычно стали спина к спине, широко крестя воздух сияющими клинками. Потом один упал, сбитый резким ударом под колено, второй замахал саблей еще яростней, защищая и себя, и боевого товарища.

– Никитушка, поберегись, невидимка это! – Из терема спешила Яга с подмогой.

В ту же минуту стрелец вскрикнул, схватившись за глаза, – ему бросили в лицо горсть песка, а потом в два-три пинка по болевым точкам уложили поверх первого.

– Митя, ко мне! – Я подхватил кривую еремеевскую саблю и нырнул под защиту грозного напарника. Бревно в Митькиных руках со свистом описывало широченные круги. – Держи поруб! Я – мигом! – Мне ударила в голову неожиданная идея. Только бы он сумел продержаться хотя бы минуту...

Я спринтерски рванул к нашему колодцу, в два рывка набрал полную бадью ледяной воды и с той же скоростью бросился назад. Митька с честью выполнил свой служебный долг – к тому времени, как я вернулся, он прижимал спиной узкую дверь поруба, а его голова моталась вправо-влево под градом хлестких ударов. Кто-то невидимый методично превращал его лицо в боксерскую грушу.

– По-бе-ре-ги-и-ись!!! – завопил я, предупреждая наших, и с размаху выплеснул двухведерную бадью высоко вверх. Не меньше тридцати литров воды рухнуло вниз, проливным дождем накрыв и Митьку, и павших стрельцов, и поруб, и... нашего противника. Нет, заклятие не исчезло, невидимка не стал видимым, но на мокрой земле мгновенно отпечатались четкие узкие следы.

– Взять ее! – махнула сухонькой ручкой Баба Яга.

Четверо стрельцов отважно бросились вперед, я бы на их месте,

наверное, испугался. Но парни свободно определяли местонахождение противника по следам, и невидимке пришлось несладко. Пока они ловили друг друга, мне взбрело вторично сгонять за водой. На этот раз я ухитрился облить непосредственно супротивника... Или супротивницу? На мгновение мне показалось, что вода обрисовала изящную девичью фигурку. Видимо, это как-то отметили и остальные, дружно зарывчав:

– Хватай чертовку! Не спускай!

Невидимка бросилась наутек. Я и стрельцы кинулись в погоню, ясные следы мокрых женских сапожков были видны невооруженным глазом. Беглянка с разбега взяла ворота, но мы не отставали. Вечерние улицы были достаточно пустынные, но в сумерках она могла легко оторваться. На наше счастье, две-три уличные собачонки охотно включились в общую забаву и с лаем ударились в преследование невидимой преступницы. На углу Колокольной площади она свернула в какую-то низенькую калитку, на поверку оказавшуюся удивительно крепкой.

– Граждане, откройте! У вас в доме находится опасная преступница...

– Никита Иванович? – раздался чуть удивленный голос из-за ворот. – Случилось чего?

– Олёна?! Олёна, откройте скорее!

– Сейчас... ой, на помощь! Пустите... на помощь! На по... – девичий крик прервался так, словно ей зажимали рот.

Я кивнул парням, под тяжелыми ударами дверца сорвалась с петель – мы по одному протиснулись во двор. Открывшаяся картинка выглядела совершенно ужасающей: в наступающей темноте на фоне широких чанов для замачивания кожи яростно боролись две фигуры. В одной я сразу же узнал мою Олёнушку, другая была выше и поплотней, но прежде чем мы успели ввязаться в схватку, обе фигуры рухнули в чан, подняв тучу брызг! Когда я подскочил к краю, холодные руки Олёны взметнулись вверх, вцепившись в мои плечи. Поднатужившись, мне удалось вытащить насквозь мокрую девушку из чана с соляным раствором. Пока она всхлипывала на моей груди, стрельцы выловили вторую. Ей не повезло... Рыжеволосая разбойница Настасья, в разодранном сарафане, прижимала обе руки к животу. Меж скрюченных пальцев торчала граненая рукоять кинжала, остекленевшие глаза смотрели на пробуждающиеся звезды, а рот ощерился в последнем проклятии... Олёна не могла говорить и, едва успокоившись, бросилась в дом. Мы тоже не жаждали встреч с разбуженными хозяевами, двое бородачей уложили труп на стрелецкий кафтан и понесли со двора. Свидетели не требовались, мы и без того все видели своими глазами. Роспись Олёны для протокола возьму на днях. У

девчонки явный психологический шок – нападение неизвестной, отчаянная борьба, падение в чан и непреднамеренное убийство в целях самозащиты. Кстати, возможно, и убийства не было, Настасья сама могла напороться на собственный нож...

Когда я сел за стол в родном отделении, уже опустилась ночь. Из наших серьезно не пострадал никто, все участники сражения у поруба отделались синяками и ссадинами разных степеней тяжести. Бабка переквалифицировалась в целительницу, успешно снабжая всех мазями, примочками и повязками. Митька пострадал больше всех, но тем не менее расхаживал по двору гоголем, демонстрируя заплывший глаз и качающийся зуб. Еремеев, о-о-очень медленно двигая ногами, обошел все посты, проверил боеготовность, лишний раз предупредив о том, что ничего еще не кончилось и вполне можно ждать повторной атаки. Дьяк, судя по всему, был в полном порядке, когда меняли стражу у поруба, из-за дверей доносились приглушенные песнопения, обильно пересыпанные сквернословием. Труп Настасьи был завернут в мешковину и оставлен в сарае. Я лично осмотрел тело, проверил одежду и вытащил роковой кинжал. Скорее, он напоминал кованый трехгранный штырь. Идеально подходит для метания, пытки, а при наличии силы и сноровки способен пробить даже пластинчатые доспехи. Когда Яга освободилась от дел и присела рядом, я как раз вертел в руках этот образчик злого кузнецкого мастерства.

– Что скажете, бабуля?

– Ох и не знаю, голубь... Вот самовар дойдет, так я тебя чайком с настойкою валериановой угощу. Окромя этого, нам небось до полуночи делать нечего...

– А полночью что?

– А полночью оденусь я, старая, в платье чистое, возьму в руки клюку испытанную да и пойду за ворота свою судьбу встречать. От нее – хоть кланяйся, хоть молись, хоть прячься, хоть беги, – а никуда не денешься...

– Что-то не нравится мне ваш пораженческий настрой... – Я придвинулся поближе и обнял бабку за плечи. – Наверное, вы просто устали сегодня. Господи, да мы вдвоем и не такие дела проворачивали! Сражение за поруб выиграно, преступница мертва, ее наниматель вынужден скрываться...

– Не скажи, батюшка... – остановила меня Яга. – Вспомни-ка лучше, когда Настасью брали, не было ли при ней колпака али шапчонки какой?

– Не-ет... Вы намекаете на шапку-невидимку? Я тоже подумывал об этом, но ничего подобного обнаружено не было.

– И колец не было?

– Кольцо тоже может делать человека невидимым? Вообще-то на предмет кольца я осматривал тело особенно тщательно, искал украденное у Олёны. Увы, ничего не оказалось. Хотя в принципе она могла потерять кольцо или шапку во время драки на дворе кожевенной лавки. Ведь когда мы ворвались, то видели обеих девушек совершенно отчетливо. А раз преступница была зрима, то...

– Плохо, Никитушка, – вздохнула Яга, суетливо разбирая вязание, – шапка-невидимка али кольцо чародейное – улика серьезная, не след нам такие вещи терять.

– Завтра с утра отправлю стрельцов на поиски, только и всего!

– Да будет ли для нас завтра?

– Бабуля, что случилось?! – не на шутку встревожился я. Сколько было опасных, казалось бы, безвыходных ситуаций, но такой печальной мне не доводилось ее видеть никогда.

– Вон вода заговоренная в рюмочке дрожмя дрожит. Все веточки мы обрубил, но корень злодейский целехонек остался. Чую, идет на нас беда пострашней той, что ждали... Кабы этой ноченькой не сам Кощей в отделение заявился!

Я не изображал самоуверенный хохот. Не собирался ставить под ружье всю еремеевскую сотню и слать к царю за помощью. Не стал биться лбом об пол, умоляя Всевышнего сию же минуту доставить на территорию отделения вояжирующего отца Кондрата. Я слишком хорошо представлял себе всю опасность возможного визита Кощея Бессмертного. Кощей был признанным злодеем с мировым именем. Эдаким главой преступного чародейского синдиката, многие годы пытающегося распространить свое влияние на всю крещеную Русь. Должен признать, многое ему удавалось... Почти ежегодные набеги шамаханских племен (через Кощея они получали наркотики, деньги, магическую силу); планирование, а зачастую и личное участие в самых крупных преступлениях века (похищение благородных девиц, отравление рек, налаживание постоянного сбыта золота за рубеж); собственноручное исполнение нескольких грязных убийств, как правило, совершаемых с изощренной жестокостью (обычно жертвами оказывались молодые наследники трона, видные бизнесмены и политики, что вызывало чрезвычайные смуты в государстве). Сюда можно было бы добавить активизирующееся с каждым годом многоженство, едва ли не африканский каннибализм и все большую изобретательность в придумывании новых злодейств. Кощей – это большой гений преступного мира! Если мне когда-нибудь удастся его посадить, я безропотно сдам дела и выйду на пенсию.

Почему посадить? Согласен, это слишком мягкий приговор, но, с другой стороны, его столько раз приговаривали к смертной казни... Абсолютно бесполезное занятие. Недаром у него преступная кличка – Бессмертный... Физически нам его не остановить, он в одиночку вырезал целые армии. Пристыдить морально... это если кому перед смертью делать нечего. По идее, отделение можно закрывать...

Ожидание хуже всего. Я поднялся наверх, снял с ковра царскую саблю, попробовал помахать. В принципе получается, конечно... Опыта нет, не позаботился научиться, хотя свободное время иногда все-таки было. Ладно, возьму – Гороху будет приятно, что я геройски погиб с его подарком в руках. Когда спустился вниз, Баба Яга, вся нарядная, как на картинке, молча сидела на лавочке. Лицо у нее было тихое, благообразное, озаренное каким-то неземным светом.

– Как вы?

– Скоро уже... водица в рюмочке плещется, а как винтом кверху взвьется, так Кощей и у ворот станет.

– Я с вами пойду.

– Нет... – печально покачала головой бабка, ее крючковатый нос предательски покраснел, а в глазах блеснула влага, – не ходи, добром прошу. Ты молод еще, что толку, если вдвоем сгинем... Тебе дело царское до конца доводить надо, милицию на ноги ставить, порядок в Лукошкине наводить. Чтоб не было такого больше никогда... чтоб уголовники всякие сюда запросто шастать не смели, чтоб люди вольно дышать могли!

– Я с вами.

– Никитушка, послушай меня, я ить плохого не посоветую...

– Всё. Разговоры на эту тему приказываю прекратить. Как начальник лукошкинского отделения милиции, я обязан первым встречать любую опасность, грозящую нашему городу. Будете спорить – пойду один, а вас здесь оставляю!

– Да ты в уме ли, участковый?! – мгновенно вскинулась Яга, печаль исчезла неизвестно куда, брови сурово сдвинулись, и под ними заметались молнии. – Это кого же ты оставлять вздумал? Да ты без меня супротив Кощея Бессмертного и единой минуточки не выдержишься!

– Правильно, – подковырнул я, – а вдвоем мы сила, верно?

– Ох и хитер ты, батюшка, – улыбнулась бабка, – и за что я тебя такого люблю?

Вода в зеленой рюмке ровненько поплескивала от края к краю, часы с кукушкой отсчитали двенадцать ночи. Откуда ни возьмись раздался истерический петушиный крик, прославляющий новое утро. Я удивленно

глянул на Ягу:

– Что это?

– Петух...

– Я слышу, что петух... Но разве петухи обычно орут в двенадцать ночи?

– Обычные не орут, – согласилась она, – а наш орет в любое время. Ходит, как по башке пришибленный. И так мозги куриные, а теперь ночь и день путать стал. Только в суп и дорога...

– Вот здорово! – обрадовался было я и приуныл – нет ни малейшей гарантии, что Яге этот суп придется сварить, а мне удастся отведать. Тем паче припомнив, кто, собственно, виноват в безумии петуха...

– Никита Иванович, – из сеней в горницу шагнул заботливый Митька, – вы бы окошечко прикрыли, погода портится, аж жуть... Сам видал, как вот такенная туча страшная полнеба закрыла! Все звездочки погасли, тока луна кое-как поблескивает. И вете-е-ер!

– Пора? – Я вопросительно глянул на Ягу, она на рюмку – вода начинала крутиться, словно кто-то невидимый размешивал ложкой чай.

– Пора. Митенька, нам с участковым по делу важному, неотложному выйти надо. Ты уж, соколик, спать не ложись, присмотри за отделением. Случись, поутру не вернемся, к царю иди, он тебя сиротою не оставит.

– Никита Иванович? Бабуля? Чегой-то вы странные какие речи при мне заводите... Ровно прощаться вздумали?!

– Ничего. – Я похлопал парня по плечу, а потом, не удержавшись, обнял по-братски. – Ты живи долго, Митя. Еремеева держись, службу не бросай, все, чему я тебя учил, – помни. Не волнуйся за нас, все будет хорошо... Бог даст – свидимся. Наверняка есть какой-нибудь рай и для милиционеров...

– Не пойму я вас... – Наш младший сотрудник оторопело хлопал ресницами, медленно опустившись на скамью. – А куда вы? Вот бы и я с вами... Что ж мне здесь-то штаны протирать?!

– Нельзя тебе с нами, Митенька... – ласково ответила Баба Яга, бережно приглаживая ему вихры. – Уж ты тут побудь. Прав сыскной воевода – молод ты... О лихом не думай, вот тебе от терема ключи, кота кормить не забывай. Сердце у тебя доброе, душа светлая, а там, глядишь, при добрых людях и разумом обзаведешься.

– Да я...

– Нет, Митя! Приказываю остаться в отделении, за жизнь дьяка Груздева головой отвечаешь. А мы... мы тоже... долго не задержимся...

– За нами не ходи, худо будет, – заключила бабка, и мы шагнули в сени,

оставив молодца одного-одинешенького и, как пишут в сказках, «свесившего буйну голову ниже широких плеч». Звука разбитого стекла ни я, ни Яга уже не услышали: зеленая рюмка, не выдержав зарождающегося торнадо, покончила самоубийством, бросившись со стола на сосновый пол...

Мы вышли к воротам, несколько удивленные стрельцы сдвинули засов с калитки.

– Куда собрались на ночь глядя? – К нам ковылял сумрачный начальник стрелецкой сотни Фома Еремеев. – Того гляди дождь хлынет! Нешто дело такое уж неотложное?

– Увы, ждать нас не будут, лучше поторопиться... – Мне не хотелось ничего ему объяснять, Фома мужик правильный: поймет, в чем суть проблемы, полезет на выручку. К чему лишние жертвы? – Я там оставил Митьку за главного в отделении, если к утру не вернусь – ты присмотри за ним.

– А вы-то куда?

– Нам надо. Не травми душу вопросами, идем в интересах следствия. Постарайся, чтоб твои ребята до рассвета просидели у нас за забором.

– Темнишь ты, сыскной воевода... – недоверчиво поморщился Еремеев. – Дай-ка я тебе в дорогу десять молодцов кликну!

– Нет. И Митьке сказал, и тебе настрого приказываю – за территорию отделения не выходить! Может быть совершена вторичная попытка отбить у нас ценного свидетеля... Ждать! Утром разрешаю действовать по обстановке. А сейчас – пропусти!

Фома раздраженно повернулся на каблуках и махнул рукой. Он иногда позволяет себе некоторые вольности, но дело знает и приказы исполняет в точности. Едва мы с Ягой вышли за ворота, как ветер утих, тучи сдвинулись, и лунный свет озарил высокую черную фигуру на противоположном конце пустынной улицы...

Это было похоже на классическую сцену из американских вестернов. Кощей шел медленно, скользящими шагами, засунув руки в карманы то ли плаща, то ли балахона, столь длинного, что полы поднимали пыль. Воротник высоко поднят, голландская шляпа с пряжкой и широкими полями придавала ему окончательное сходство с Клинтом Иствудом. Я страшно пожалел, что у меня под рукой нет шестизарядного американского кольта. Не то чтобы он в какой-то мере мог нам помочь, просто соответствовал обстановке как последний штрих. Я широко расставил ноги, на манер бесстрашного шерифа, поборника законности, прикрывая

плечом Бабу Ягу, словно самую прекрасную из всех мексиканок Техаса. С улицы почему-то исчезли все звуки: смолкло стрекотание сверчков, шум ветра, поскрипывание заборов, лепет августовской листвы и перешептывание звезд. Кощей остановился шагах в десяти и начал первым:

– Что, сыскной воевода, вот мы и встретились на узкой тропиночке!

– Да уж не разойтись... – подтвердил я. – Только эта улица с односторонним движением, и уйти придется вам.

– Больно храбр ты, участковый... А может, от страха разум потерял? Или рассердить меня хочешь, чтоб легкой смертью умереть?

– Вопросы здесь задаю я! Что вам понадобилось в моем городе?!

– Что такое? – Кощей сдвинул шляпу на затылок, оттопырив хрящеватые уши, похожие на крылья летучей мышки. – Чей город? Твой?! А я-то думал, ты у нас человек неместный...

– Лукошкино – мой город! – твердо заявил я. – А потому попрошу предъявить документы, гражданин!

Злодей скрипуче расхохотался... Баба Яга за моей спиной долго прочищала горло, пока смогла наконец пропищать:

– Да что ж ты делаешь, простофилюшка?! Он ить из тебя сейчас окрошку натяпает! Целиком сглотнет, да тока погоня и выплюнет! А ты на рожон прешь, ровно дитя малое... Ну-кась, пусти вперед бабушку! Мне терять нечего, я с ним по-свойски потолкую...

– Ух ты... – Кощей резко оборвал смех и втянул плоскими ноздрями воздух. – Это кто ж тут еще обретается? Выходи, не прячься... Яга! Тебя ли вижу, родственница?

– Родственница?! – ахнул я.

– Дальняя! – огрызнулась Яга. – Слышал небось, что семью не выбирают... Я это, Кощеюшка, я! Не думала, не чаяла тебя в наших краях встретить...

– Да ведь и ты, помнится, в мои хоромы без приглашения ходишь... Значит, правду говорили, будто ты из дела вышла, со старым завязала и в печь на лопате только пироги с капустой сажаешь?!

– К старому возврата нет! – решительно кивнула бабка, с чисто уголовной лихостью щелкнув по зубу ногтем и проведя невидимую черту у себя под подбородком. – Мне супротив тебя, ровно кошке супротив медведя, а только Никитушку я в обиду не допущу!

– Скажите, какие мы благородные стали... – на секунду смешался бессмертный уголовник. – А участковый твой знает ли, сколько народу ты по молодости извела? Скольких царевичей-королевичей, Василис да Марьюшек, Ванечек да Лутонюшек загубила?! «Свежего мясца поем, на

белых косточках покатаюся-повалюся...»

– Немедленно прекратить! – вмешался я, заступаясь за Ягу. – Либо высию минуту принесете извинения работнику нашего отделения, либо пятнадцать сутками не отделаетесь!

– Чего, чего, чего еще?! – отступил Кощей, но опомнился быстро. – И в самом деле, зачем пустые разговоры... Готовьтесь к смерти! Оба!

Мы переглянулись, в руках негодяя ниоткуда появился трехметровый меч, изогнутый причудливыми волнами. Нечто похожее я видел среди шамаханского вооружения, хотя и не таких устрашающих размеров. Кощей с удивительной легкостью взмахнул клинком пару раз – сияния черной стали даже не было видно, только неуловимый свист от разрезаемого ночного воздуха.

– За сабельку-то не хватайся, не смейши людей... – предупредила бабка, и я виновато убрал ладонь с рукояти.

Кощей заметил это и гнусно ухмыльнулся:

– Смотрю я на вас и не пойму, как такие черви бесполезные самому мне поперек дороги стать посмели? Знали ведь, на что шли...

Мы молча кивнули. Слишком хорошо знали...

– За честность вашу, за храбрость да за глупость жалую вас честью великою – сами промеж себя решите, кто первым смерть лютую примет... Да не тяните долго!

– Что делать, бабушка?

– А я знаю, касатик?! Одно скажу, на чародейство мое рот не разевай, я при нем, аспиде лысом, ни одного заклинания и произнести-то не смогу...

– Все, время вышло! – громогласно объявил злодей. – Мой меч – ваши головы с плеч! Как казнить будем? Сперва участковый, потом Яга? Или наоборот – Яга, участковый...

– А я? – басовито раздалось за нашими спинами.

– А при чем здесь ты?! – раздраженно буркнул Кощей, даже не осознав, что к кому-то обращается.

– А я что ж, опять без работы остануся? Без начальства любимого да без друзей милых... нет уж! Коли пошел такой расклад, так и я с Никитой Ивановичем да с Бабулею Ягулей кровью своей за порядок в отечестве отстрадаю!

– Митька! – возмущенно ахнули мы, а наш молодец патетично выступил вперед, закрывая широкой грудью и меня и Ягу.

– Ах, вон это кто! – опознал героя гражданин Бессмертный, демонстрируя хорошую память. – Узнаю молодца по ухваткам, хотя и обличье у тебя иное было... Давненько не виделась, петух милицейский!

– Щас как дам в ухо! – грозно насупился Митяй. – И за прошлые оскорбительства добавлю! Будете знать, как обзываться... Мне Никита Иванович весь жаргон ваш уголовный растолковал-поведал... Козел!

Теперь уже настала очередь нашего врага изумленно распахнуть варежку. Мы сдержанно похихикали, но служебная дисциплина – превыше всего. Пришлось погрозить пальцем своевольнику:

– Я же приказывал не покидать отделения!

– Виноват! А тока вы здесь живота не жалеете, болтая с преступным элементом, а меня обидели почему зря... Вам, значит, можно? Бабе Яге, значит, тоже? А я, значит, деревенщина необразованная, мне Родину любить не дозволяется?! Нехорошо поступаете, не по совести это...

– Ты от ответа не увиливай! – поддержала меня Яга. – Как посмел сюда заявиться, коли все отделение без охраны осталось?

– А Еремеев на что?! – даже удивился наш простодушный бугай. – Я ж ему записочку на заборе начертал, не волновался чтоб. Как углядел с крыши, чем вы тут занимаетесь, так начертал сразу и побег. Мне тоже интересно небось...

– Блин! А на крыше-то тебе что понадобилось?!

– За вами бдил, блин!

– Ну и ладно, – прорезался наконец несмазанный голос Кощея Бессмертного, – раз уж вы, милицейские, так друг за дружку по жизни стоите, не буду вас и в смерти разлучать. Всех одним ударом пообезглавливаю!

– Минуточку! А я вот чурбачок со двора тащил... Дозвольте попробовать, Никита Иванович?

– Валяй, – разрешил я.

Митька нырнул куда-то в темноту, вернулся с полутораметровым чурбаком, едва ли не метр в диаметре, и, крикнув, запустил его в Кощея. Тот даже не попытался уклониться... Несколько взмахов волшебного меча, и на землю упали аккуратно нарубленные дровишки. Хоть сейчас складывай в поленницу и запасай на зиму.

– Не вышло, – извинился Митя, обтирая руки об рубаху, – сильно могучий злодей попался... А вот у нас в деревне я бы любого так свалил, кого хошь спросите!

Кощей Бессмертный еще раз исполнил партию демонического хохота и поудобнее перехватил меч. В ту же минуту ворота нашего отделения распахнулись и полтора десятка стрельцов под командованием Фомы Еремеева бросились в психическую атаку. Грозные, длинноствольные пищали нацелились в тощую балахонистую фигуру.

Прежде чем я успел вмешаться, Фома громко выкрикнул:

– Огонь, молодцы!

Грянул залп! Круглые свинцовые пули прошли Кощея насквозь! Он внимательно осмотрел дыры в новом одеянии и заскрипел зубами. Впрочем, падать мертвым не стал, да, судя по всему, и не собирался...

– Еремеев!

– Я!

– Именно! Какого черта еще и ты здесь делаешь?!

– Тебя с друзьями от беды защищаю.

– От какой беды?! Я же всем приказывал – за ворота не выходить, охранять отделение и ценного свидетеля!

– Ну, знаешь, мы тоже не безголовые! – обиженно огрызнулся Фома. – Отделение куда-никуда не сбежит, а у поруба я самолично замки проверил, надежно все. Что же до приказа твоего касемо, так парень ваш другой приказ на заборе наказывал: «Наших бьют! А кто не поидеть, тот – ...» Дальше слово дюже неприличное. Что ж мы, нехристи какие, своих в обиду давать?!

– Какое еще слово?

Фома, стесняясь, прошептал мне на ухо, я покраснел. Особо ругаться на ребят было некогда, да и вряд ли имело смысл. Понимаете, эти люди просто не осознают реальную опасность и не знают, против чего идут. Им это не важно! В другое время я был бы горд такими друзьями...

– Ну, все, участковый, довел ты меня! – Глаза Кощея загорелись зеленым огнем. – Вот теперь-то уж настала смерть безвременная и тебе, и Яге-предательнице, и наглецу твоему стоеросовому, и стрельцам царским – всем! За один мах хоть пятьдесят голов срублю, с тел все мясо состругаю, а от отделения и головешек тлеющих не оставляю... Прощайтесь!

– Батюшка сыскной воевода, а вот у меня еще одна идея образовалась, очень полезная. Дозвольте еще раз попробовать?

– Да ради бога, Митя...

Пока Кощей примеривался да замахивался, наш сотрудник бодро прыгнул вперед и начал вприсядку расхаживать по улице. Он качал головой, бил себя руками по бокам, как крыльями, и, выпятив грудь, громко повторял на разные лады:

– Ку! Ку-ка! Ку-ка-ре! Ку-ка-ре-ку-у-у!!!

Мы все, включая обалдевших стрельцов, недоуменно следили за старательными попытками артистичного Митьки изобразить петуха. Кощей тоже отвлекся, с интересом наблюдая за развитием представления. Всласть накукарекавшись, Митяй сплюнул и огорченно доложил:

– Не действует! А вот у него на дому очень даже фу... нк... цию-о-нир-ровало! Почему так?

– Потому, что там ты был настоящим петухом! – расхохотался злыдень, убивающий кошек. – На твои потуги и смотреть-то не стоило, тоже мне, умник нашелся... Эх, прощевай, милиция лукошкинская! Моя воля – ваша гибель...

Черный меч на мгновение закрыл луну, но в эту секунду на спящий город громом небесным обрушился... настоящий петушиный крик:

– Ку-ка-ре-ку!!!

В первый раз Кощей не поверил. Схватился за то место, где у нормальных людей сердце, упал на одно колено, но не поверил...

– Опять участковый штучки свои милицейские крутит... Не может такого быть, чтоб живой петух по ночам пел!

Все согласно закивали, но на наших воротах неожиданно нарисовалась рослая домашняя птица с распушенным хвостом и лихим гребешком. Лично я узнал этого мерзавца с первого взгляда... Кощей Бессмертный поднялся на ноги, отряхнул балахон, и черный меч вновь взметнулся в воздух. Стрельцы, чисто по привычке, схватились за сабли. Кто перед ними стоит, они давно поняли, победить не надеялись, но тем не менее воинская выучка не позволяла им принять смерть без сопротивления. Митька так тот вообще полез в карман, выгреб горсть семечек и щедро предложил всем. Я лично взял...

– Ну все, конец лукошкинской милиции! Никого не пощажу, камня на камне не оставлю, а город беззащитный кораблями летучими забомблю, себе одни развалины оставлю! Ни человека, ни зверя, ни птицы в живых не будет...

Мы ему не ответили. Чего спорить, раз оппонент еще не понял, что проиграл... А вот наш петух молчать не стал.

– Ку... – угрожающе начал он.

– Эй, эй, эй!.. Вы чего?! Сейчас же ночь! – всполошился Кощей, но пернатый гад районного масштаба не отступал:

– Ку-ка...

– А-а-а... Чтоб вас всех, ментов поганых! – взвыл злодей, сунув меч под мышку и пускаясь наутек.

– Ку-ка-ре-ку!!! – победно неслось вслед. Петух орал изо всех сил, хлопая крыльями и вдохновенно подпрыгивая на воротах. Откуда ни возьмись застрекотали притаившиеся сверчки, где-то залаяла собака, стукнули чьи-то ставни, ночь вновь наполнилась звуками.

– Ура? – скромно предложил Митька.

– Ура-а-а... – тихим хором прошептали мы. Будить никого не хотелось, хотя я уже был немало удивлен тем, что на ружейный залп по Кощею не сбежался проснувшийся народ. Наверняка магия...

– Пойдем в дом, Никитушка. – Баба Яга подцепила меня под локоток и повернулась к остальным: – И вас всех в терем прошу: в честь победы великой да избавления чудесного по стопочке откусать.

– За милицию родную из ваших рук с почтением примем... – чинно поклонились стрельцы.

Мы повернули стопы в сторону отделения, я пропустил всех вперед и задержал Ягу:

– Бабуля, поговорить надо...

– Да не волнуйся, сокол, Кощей Бессмертный теперь уже небось в убежище своем тайном хоронится. До следующей ноченьки и носу высунуть не посмеет. А я-то завтра с утречка поворожу как следует, глядишь, по следам злодея и отыщем.

– Это замечательно... – замялся я, – только... дело совсем в другом.

– Ты про Настасью рыжую, что ли? Так, я думаю, шапка-невидимка у нее была. Наверняка Кощей одарил, больше некому. А в шапке-невидимке много дел наворотить можно. И чертежи покрасть, и яду подсыпать, и драку у поруба учинить. Жаль тока, вы с молодцами шапку ту подобрать не сумели...

– Я не это имел в виду... я извиниться хотел!

– Передо мной?! – удивилась Яга. – Да за что ж, касатик? В том, что сегодняшней ноченькой приключилось, твоей вины нет, и моей тоже. Конечно, ты у нас начальник, а значит, за все про все – поперед всякого первым ответчиком будешь. Да только разве ж мог ты знать, что в расследовании нашем мы самому Кощею живую хвост прижмем? Не вини себя, Никитушка, служба у нас такая...

– Господи, да я же совсем не об этом! Я хотел извиниться перед петухом! Это я, я виноват в том, что он сошел с ума и орет когда ни попадя. Он исправно будил меня каждый день в четыре часа утра... Ну кому это понравится?! Вот я и дал ему... яблоком по башке! Очевидно, произошло некоторое помутнение рассудка вследствие сотрясения его куриных мозгов. А сегодня он нас всех спас... Мне неудобно. Я готов принести официальные извинения...

– Ох, беда мне с тобой, участковый, – улыбнулась Баба Яга. – Птицу домашнюю обидел – плохо, от смерти верной все отделение избавил – хорошо... Видать, и вправду люди говорят, что Бог ни делает – все к лучшему. Пойдем-ка в дом...

– А... его, петуха, как-нибудь вылечить можно?

– Попробую. Он ить теперь у нас на особом счету, как от органов безвинно пострадавший...

Мы посидели недолго, но душевно. Песни петь я не разрешил, выпить – выпили... Где-то около четырех утра я ушел к себе наверх, чтобы поспать хотя бы пару часов. Утром, пораньше, надо отправить докладную царю. Мне была необходима его санкция на арест и взятие под стражу. К тому же Горох требовал, чтоб я непременно допустил его к участию в задержании. Хотя в связи со смертью Ксении Сухаревой царские планы вполне могли и измениться, но предложить или хотя бы поставить в известность я был все-таки обязан. Сон свалил меня прежде, чем мысли о завтрашнем дне сформировались в полноценный план действий. Снилось что-то тревожно-сумбурное: я боролся с какими-то косоглазыми монстрами, отстреливаясь из табельного ТТ, догонял какую-то девушку на мотоцикле, а когда догнал, она превратилась в царя Гороха. В общем, сон бессмысленный и дурацкий. Обычно Яга их щелкает как семечки, но этот даже пересказывать не хотелось. Встал сам, ровненько в шесть утра, как по будильнику. Сделал зарядку, умылся, спустился вниз. Сумрачная Баба Яга молча поставила передо мной хлеб и молоко. Судя по всему, она просто не ложилась, такого, чтоб бабка не приготовила мне завтрака, – не бывало...

– Сегодня я его возьму.

Яга продолжала молчать, сосредоточенно уставясь в окно. Пришлось встать, подойти к старушке сзади, обнять за плечи и клятвенно пообещать:

– Я возьму его, сегодня же. Кощей Бессмертный больше никогда не явится в отделение и не будет размахивать здесь мечом. Дело почти закончено, у меня осталась пара-тройка невыясненных моментов, но в целом все уже встает на свои места. Через час я получу последние доказательства, если они подтверждают мою версию, то операцию по аресту главного преступника можно назначать на шесть часов вечера. Мне понадобятся войска и, возможно, помощь горожан, поэтому время приближено к вечеру. Стрельцы будут посвободнее, и лукошкинцы закончат дневные дела. Повторяю еще раз – я возьму его! Возьму и засажу пожизненно, в самый дальний острог, в зону самого строгого режима. Но для этого мне понадобится ваш совет и участие...

Яга рассеянно кивнула. Я усадил ее за стол, поставил самовар, достал чашки и изложил суть дела:

– Сейчас мы с Еремеевым и Митькой отправимся в кожевенную лавку к Олёне. Я убежден, что во дворе мы отыщем и черный парик, и шапку-невидимку. Потом пригласим всех стрельцов охранной сотни на осмотр

тела, наверняка ее опознают, указав, в каком районе города она предположительно могла скрываться. Дальнейшее – дело техники. Кощей Бессмертный прячется там же, где скрывалась Настасья. Мы оцепим дом, эвакуируем соседей и проведем арест... Вам с медом или с вареньем?

– Безо всего, да покрепче... – тихо промолвила бабка. Выпив большую чашку, она посмотрела на меня долгим, внимательным взглядом: – Спасибо, Никита Иванович. Что-то совсем подкосила меня эта ноченька. Как вспомню Кощея, глазищи его страшные, меч острый, смертушку близкую – так ноги и подкашиваются. От страха великого весь разум растеряла... Уж ты прости меня, дуру старую!

– Да бросьте вы... еще чаю?

– Нет, довольно, себе налей. Слушала я тебя внимательно, все ты верно говоришь, а только, чтоб вышло все, и ты меня послушай... Шапка-невидимка по форме любой быть может – хоть колпаком, хоть треухом, хоть ермолкою. По виду – вещь самая обыкновенная. Проверить ее легко – на голову надень да сзади наперед и поверни. Ежели стрельцы тебя не увидели, значит, она и есть. Снимай так же, с поворотом...

– А если сразу – нельзя?

– Можно, но голова закружится. Митьку с письмом к царю пошли, до лавки с Фомой погуляете. У зазнобушки не задерживайся, время дорого. Да пуцай Еремеев своим приказ даст – всем до единого в отделение прибыть. Уж труп-то я им и сама покажу, а там пуцай ищут. Мне бы только улицу знать, дале я Кощея носом учую, как бы злодей ни прятался. Ну, беги, соколик, через часок ворочайся – уж я тебе хоть завтрак спроворю...

Докладная государю получилась длинной. Я сообщал о поимке рыжеволосой убийцы, о тайном проникновении в город Кощея Бессмертного, о его прямом признании в организации кражи чертежей и о планах наших дальнейших действий. Так как преступление было фактически раскрыто, я просил поставить в известность боярскую думу и обещал взять Гороха на задержание. Митька принял сложенный вчетверо лист бумаги с моим подробным отчетом. До царского терема он добегал быстро, пускали его без очереди, а в таких простеньких заданиях напутать что-либо было невозможно. Еремеев отрядил шестерых стрельцов с приказом собрать в отделение всю охранную сотню. В течение часа, несомненно, соберутся все. На мое предложение прогуляться до кожевенной лавки он согласился с радостью. По дороге я разъяснил ему, что именно мы намереваемся найти. Фома выразил некоторые сомнения:

– Дело-то вечером было, в сумерки. Ежели, как ты говоришь, девки

друг друга за косы тягали, так, значит, Настасья эту шапку свою невидимую во дворе потеряла. А сейчас уже часов восемь будет. Нешто хозяйева за всю ночь да за все утро на двор носу не высунули да шапку брошенную не присмотрели? Ведь Олёна твоя напервой все сродственникам обсказать должна бы...

– Логично, – кивнул я, – но тем не менее нанести визит стоит в любом случае. Если шапку уже подобрали – тем более! Не зная лично владельца лавки, не хочу заранее думать о человеке плохо, но шапка-невидимка – слишком сильное искушение для любого рядового гражданина. А уж какие возможности она предоставляет коммерсанту... Нет, такие общественно-опасные вещи надо строго изымать у населения и держать под замком, в специально оборудованных хранилищах.

– Это правильно, – подтвердил Еремеев, – а ты про сапоги-скороходы слышал? В сочетании с шапкой-невидимкой – штука совершенно нестерпимая! Вот ежели вор, к примеру...

Так за разговорами мы неторопливо вышли на Колокольную площадь, свернули налево к знакомому мне дому. На дверях лавки по-прежнему висел пудовый замок, и ставни были закрыты.

– Товар принимают, – выдал я первое, что пришло мне в голову.

Сотник, пожав плечами, стукнул кулаком в ворота. Потом мы стучали попеременно минут пять, пока из соседнего дома не высунулся дедок – божий одуванчик. Добродушно шамкая беззубым ртом, он внес необходимые пояснения:

– Штучите, штучите! Хожаев нету, а девка дома шидит. Небось и не вштавала ишшо... Штучите!

Пришлось барабанить снова, пока наконец Олёна, через калиточку, осторожно не поинтересовалась: кто там? Я официально представился, пояснив, что пришел с начальником стрелецкой стражи для осмотра места вчерашних трагических событий.

– Так ведь... дяди-то нет.

– Я в курсе, ваш сосед предупредил. Но, честное слово, нам в любом случае надо все проверить. Вы уж извините, служебная необходимость...

– Ладно, – решила она – сейчас открою. Причешусь только, а то неудобно.

Вскоре калитка отворилась, и нас пропустили внутрь.

– Дядюшка с тетушкой да детишки ихние на зорьке в деревню уехали, дела у них там семейные. Меня дома оставили, за хозяйством следить. Ваши засов вчера выбили, я починила. Только... родственникам ничего не рассказывала. Не могу, страшно...

– Понимаю, – сочувственно улыбнулся я, – конечно, это шоковое состояние, но вас ведь никто не обвиняет. Я сам и еще двое свидетелей готовы подтвердить, что это была самооборона. Когда вернутся ваши опекуны?

– Денька через три.

– Отлично, набирайтесь храбрости и постарайтесь им все честно рассказать, а докладную царю Гороху я уже отправил.

– Добрый вы и заботливый... – Глаза Олёны смотрели на меня так нежно, что я ощущал себя едва ли не полубогом.

– Кхм... – многозначительно прорезался за моей спиной еремеевский бас. – Так что, сыскной воевода, двор осматривать будем или нет?

– Да, разумеется, естественно, конечно, сию же минуту! Вы не против?

– Нет, – ответила она. – В дом тоже зайдете?

– В следующий раз, если пригласите. На сегодня, по плану, только двор. Мы ненадолго...

...Двор владельца кожевенной лавки не многим отличался от остальных дворов местных жителей. Большой сарай, видимо для хранения товара, был заперт на три замка. Но в принципе нам там и смотреть-то нечего, не за тем пришли. Чаны для замачивания кож стояли на том же месте, вот их мы осмотрели особо тщательно. Потом еще была целая гора стружек и опилок, маленькая конюшня на одно место, без лошади; старая телега, открытая мастерская, ну, еще что-то там по мелочи. Но даже при самом старательном осмотре ничего похожего на шапку-невидимку мы не обнаружили. По словам Олёны, она также не видела что-либо подобное:

– Когда меня сзади ухватил кто-то да железом острым в бок уперся, я испугалась сначала. Потом споткнулась и упала, а тот, кто меня держал, так через ногу мою и рухнул. Гляжу, Настька! Глаза злые, в руках ножик. Я – бежать, она за мной. У чана догнала, тут и вы подоспели... Никакой шапки на ней не видала. Вот разве... ежели дядюшка, с утра отъезжая, ее нашел да с собой забрал? Он у нас домовитый, все, что на дороге лежит, – все себе тащит.

– Увы, вполне может быть... – вынужденно признали мы. Это мало радовало, но тем не менее давало хоть какую-то робкую надежду все-таки вернуть шапку-невидимку. А здесь ловить больше было нечего.

...В отделение возвращались несолоно хлебавши. Баба Яга заканчивала инструктаж последней группы. Кроме тех молодцов, что были с нами на обыске постоянного двора Селивестра Поганова, тело покойницы опознали еще шестеро стрельцов. Их мнения о месте жительства Настасьи сильно разнились, но все единогласно утверждали, что неоднократно

видели ее в районе базара и Колокольной площади. Отпустив Фому, я принял Митькин доклад. Горох благодарит нас за службу, будет счастлив принять участие в аресте Кощея и, как руководитель всей операции, предлагает свой собственный план задержания преступника. Ему на днях подарили новую дамасскую саблю, против которой ни один злодей не выдюжит, так как она вся целиком заговоренная. В мою задачу, следовательно, входило выманить Кощея на площадь, согнать туда целый стадион народу и дать возможность царю-батюшке прилюдно снести башку отпетому уголовнику в честном поединке. Только так и не иначе он сумеет унять сердечную боль по бедной Ксюшеньке... Иногда Горох меня смешил, иногда раздражал своей душевной простотой. Сегодня именно второе... Подошли двое стрельцов предупредить, что скандальный дьяк матерно требует выпустить его из поруба «по малой нужде», в противном случае угрожая затопить нам весь следственный изолятор. Я махнул рукой, пускай выпускают на фиг! Обоих! Этому вчерашнему «привидению» добавить пинка под зад и гнать со двора. Филимон Груздев уже ни для кого не представлял интереса, Настасья мертва, других исполнителей у Кощея, судя по всему, не было. Стрельцы вежливо позволили дьяку добежать до нашей уборной, а потом невежливо вытолкали за ворота. «Привидением», как я и предполагал, оказался все тот же Павел Псуров. Надо было спорить с Ягой на рубль, она не верила... На этот раз представитель альтернативного следствия был наряжен в два мешка из-под муки, поминутно чихал и уверял всех, что он – предрассветный туман! Дескать, специально обрядился утренним маревом и шел по следу банды разбойников, волокущих охапки царских чертежей. А еремеевские стрельцы, стало быть, оторвали его от важнейшего задания, зверски избили и посадили в тюрьму, на что он будет жаловаться надежде-государю не переставая! Если вы найдете в Лукошкине безнадежно тупого дебила с такой развитой фантазией, что примет обсыпанного мукой пьяницу за клубы серого тумана, – я собственноручно подарю вам звездочку с погона... Охранники разделяли мое мнение, и Псурову по сравнению с дьяком досталось втрое. Уже за территорией отделения они отряхнулись и в обнимку пошли на царский двор плакаться боярской думе на мое самоуправство. Я вернулся в дом, сел за стол, погрузился о несовершенстве мира и даже как-то не сразу понял, что, собственно, меня напрягает. Вроде бы в горнице ничего не изменилось: большая русская печь, полки с посудой, самовар, вязаные дорожки на полу, все, как всегда... Пришлось присматриваться дважды, прежде чем я уловил, чего тут не хватает, – стол был пустой! В том смысле, что меня не ожидал обещанный завтрак, а, как

вы помните, подобные провалы в памяти для Бабы Яги отнюдь не характерны. Я не успел еще толком вникнуть в причины подобного нонсенса, как дверь бабкиной комнаты распахнулась и Яга скользнула в горницу. Вид у нашего эксперта по криминалистике был суровый и неприступный. Без всяких предисловий и объяснений старушка бухнула передо мной на стол две вещи: золотое кольцо с пятилепестковым цветком и лыковый лапоть, примерно тридцать седьмого размера. Я попробовал сделать задумчивое лицо, глубокомысленно кашлянул... особого дара прозрения мне это не добавило. Ну, предположим, это колечко Олёны, только где Яга его взяла? При чем тут лапоть (вроде с левой ноги), тоже не очень ясно. Понятно одно, завтрак мне не подали потому, что я его не заслужил! И видимо, у бабки есть на то очень серьезные причины...

– Ладно, сдаюсь... Что все это значит?

– А значит энтю, соколик ты мой, что все наше расследование опять коту под хвост! Либо я на старости слаба глазами стала и нюх милицейский теряю, либо ты всю работу отделения не в ту степь направляешь. Ей-богу, Никитушка, как села я да как все факты с уликами сопоставила, так и призадумалась невольно: а ты не вредитель ли у нас?!

От подобного «предположения» у меня просто пропал дар речи. Баба Яга с минуту сверлила меня специфическим, прокурорским взглядом, словно щепетильно высвечивая самые заповедные уголки моей темной души.

– Не серчай, участковый. Чистое у тебя сердце, да к горю людскому ответчивое... Вот кое-кто добротой-то твоей и попользовался. Что глядишь как неродной? Я тебе правду говорю...

– Бабуля! – взмолился я, вытирая носовым платком пот со лба. – Хватит загадок, давайте выкладывайте все как есть!

– Как есть? А вот этого-то я и не знаю, не ведаю... – язвительно развела руками Яга. – Давай-ка лучше в такую игру поиграем: я тебе загадки коварные загадывать буду, а ты на них ответ держать. Сумеешь меня победить – твоя взяла! Сей же час ухожу из опергруппы на пенсию, буду вам, молодым, кашу варить да со стола прибирать. В следственные дела и носу не суну! А вопрос мой будет такой: ты драку-то с невидимкою у поруба хорошо ли помнишь?

– Естественно! Как-никак сам принимал деятельное участие...

– Помнишь, значит? Ну, так проверим: когда ты водицей на землю плеснул, в грязи следы малые, девичьи отпечатались. А вот какие?

– Это в смысле обуви? Носок острый, каблук узкий,

предположительно – небольшой сапожок...

– Стало быть, преступница в сапожках была! Так вот тебе, сыскной воевода, первая загадка: когда же Настька разбойная в лапти переобуться успела?!

Я тупо взял лапоть в руки... Боже мой, когда стрельцы перенесли тело в наш сарай, ведь я лично проводил первый осмотр. На трупе был старый сарафан, рубаха, какая-то накидка сверху и... лапти! Действительно, лапти! Неужели этот нож, торчащий из живота, настолько завладел моим вниманием, что я перестал видеть очевидное?

– Никитушка, ты ведь телу уголовницы поперед меня осмотр вел. Как думаешь, где я энто колечко нашла?

– На пальцах обеих рук его не было, – неуверенно заявил я.

– Верно, на груди ейной оно сокрыто было, на веревочке висело. Ты, поди, под одежкой-то у ней не лазил?

– Что ж я, извращенец, что ли?!

– Ты – милиционер! Следствие ведешь, – наставительно поправила бабка, – и на грудях преступницы убиенной не за ради баловства шарить! Вот тебе моя вторая загадочка: почему Настасья колечко краденое, полюбовником даренное, не на пальце носила?

– Понятия не имею... – честно признался я. – Носила она его! Когда мы столкнулись с ней в трактире Поганова, это кольцо и привлекло мое внимание. Оно было у нее на безымянном пальце. По-моему, левой руки...

– Большое оно ей, – объяснила Яга. – На какой палец ни надень, все одно свалится. В ту ночь Настасья кулака небось не разжимала, чтоб колечко не упустить. А зачем надевала-то, коли большое?

– Из уважения к Селивестру Петровичу, это все-таки его подарок...

– Плохо же ты девок разбойных знаешь, участковый... Не мужики ими правят, а они мужиками своими. И абы что в подарочек не примут. Колечко хоть и золотенькое, а ведь сделано проще простенького. Уж будь вещь хорошая, богатая да вот по размеру мала али велика, так в сундук ее спрячут, но носить... Носить нипочем не станут! Ради форсу разбойного и в лохмотьях походить можно, да только колечки, перстенечки, серьги с ожерельями как влитые сидеть должны, удалство подчеркивать!

– Тогда в чем же смысл?

– Да ить ты сам тока что сказал – внимание твое оно привлекало! Кольцо-то ради единого твоего внимания надето и было. Стрельцы на него и не глянули б... Знали враги тайные, куда ты поедешь, на что помотришь да кому поверишь. Извести тебя хотели, Никитушка...

– Но кто?

– Знамо кто, Кощей Бессмертный. А вот чьими ручками...

Я отвернулся носом к стене. Только один человек знал о нашем намерении посетить Кобылинский тракт. Только один человек мог подсунуть мне слезливую историю пропавшего маминого колечка. Отправить меня под бандитские ножи, заманить на несуществующую мельницу, спровоцировать на противоправные действия неосторожных граждан... Сердце перехватило щемящей болью.

– Вы думаете, она... наводчица?

– Поднимай выше, Никита Иванович, – сурово ответила Яга, вытаскивая из кармана платочек и вынимая из него рыжий волос. – Вот те и третья моя загадка: откуда у бедной Ксюши-дурочки к одежке рыжий волос пристал? Ить стрельцы в тот вечер чернявую девицу в сухаревском домике видели...

– Волос был подложен, чтобы пустить нас по ложному следу, лишний раз уверив в причастности рыжеволосой Настасьи.

– Точнехонько! Вот теперь вижу сыскаго воеводу перед собой, а не теленка мокроносого.

– Минуточку, теперь я попробую поступательно изложить всю картину этой сложной цепи преступлений... Итак, все началось с того, что Кощей Бессмертный каким-то образом узнал о ценных чертежах летучего корабля и разработал подробнейший план их похищения. Сам он явиться в город не мог и запустил в дело свою помощницу. Ей без труда удалось втереться в доверие к фаворитке царя гражданке Ксении Сухаревой и вместе с ней проникнуть в личные покои Гороха. Для серьезного специалиста все эти «меры предосторожности» были просто смешны, она легко (возможно, с помощью магии) нашла тайник, сняв ключи с шеи спящего царя, открыла замок, взяла все, что хотела, замкнула ларец, вернула ключ на место. Потом безбоязненно покинула царский терем, так как никто не станет задерживать или обыскивать девицу, выходящую из государевых спален. То, что Горох спохватился насчет чертежей уже утром, – просто чудо! Город был взят «под замок», и преступнице не удалось бежать. Думаю, тогда она и вызвала своего хозяина, прослышав в народе об отъезде отца Кондрата. Далее, они совместно снимают помещение в центре и...

– И... дальше-то что? – затормошила меня Яга, а я всерьез призадумался.

– Бабуля, здесь дубль пусто! Я не нахожу ни одной причины, по которой Кощей Бессмертный был бы вынужден задержаться в Лукошкине.

– Да ведь ты сам говорил, будто из-за таможни на воротах да чтоб отделение наше милицейское под корень извести...

– Все это эмоции, – вяло отмахнулся я, – по большому счету подобные мелочи такого крутого уголовника не удержат. Должно быть что-то еще... Что-то очень важное, чего мы пока не знаем, но без разрешения этой загадки нам дело не раскрыть.

– Уж и не знаю, что тебе присоветовать, касатик...

– Да особо советовать нечего. Но если мы на время опустим эту тему, то дальнейшее развитие событий было таково... Пока Кощей тайно пробирался в столицу, его сообщница сделала все, чтобы убрать меня с дороги. Был разыгран целый спектакль с похищенным кольцом, и банда Поганова наверняка бы расправилась с нами, если бы не роковая случайность – Митька! Заметьте, все началось, как только мы потянули первую ниточку, ведущую к Ксении Сухаревой. Преступница убивает случайного свидетеля – дворника Николая Степановича, отца покойной. Поняв, что затея с постоялым двором на грани провала, она так же легко избавляется и от Селивестра Петровича. Убежден, что без посторонней помощи и Настасья не смогла бы от нас убежать. Дальше – все как по маслу... Мы движемся к цели – противник принимает контрмеры. В дело идут любые средства – клевета, отравления, засады, народные волнения и даже стопроцентная надежда на вспыльчивый характер царя. Ей-богу, Горох мог запросто казнить меня и за смерть любовницы, и при последнем бунте. На каком этапе в игру вступил Кощей, я точно сказать затрудняюсь...

– Чего ж тут мудреного? Логически мыслить надо... – насмешливо подковырнула бабка. – Как на улицах наших маньяк кошачий объявился, так, считай, Кощеюшка с того дня и здесь.

– Спасибо, – даже покраснел я, решение действительно было чересчур простым. – Наша беда в том, что мы вечно плетемся в хвосте у преступников. Нам никак не удастся их опередить...

– Ну уж тут мне тебя и утешить нечем... Кто задним умом крепок, тому в милиции делать нечего! Сам думай давай!

Думать я не мог. Мои мысли все равно были заняты образом смешливой черноглазой Олёны, моей несложившейся любви...

– Никитушка?

– Да?

– Я вот что подумала, – Баба Яга опять напустила на себя торжественно-строгий вид, – ведь ежели враги наши так смерти твоей желали, а у сподвижницы Кошеевой и шапка-невидимка была, и нож мудреный, и яды сильные – что ж она тебе-то ничего не подсыпала?

– Не знаю... В принципе, если судить по тому, как ловко она отравила

троих... могла бы запросто.

– Так, может, мы сгоряча на девушку всех собак вешаем? У нее небось хоть что-то светлое в душе да осталось... – И Яга начала собирать завтрак.

Я только тяжело вздохнул. Наш разговор прервал Митька, ворвавшийся в горницу, как ураган Борнео.

– Батюшка сыскной воевода, беда!

– Я слушаю.

– Дык... че-то спокойны вы? Я ж говорю – беда!

– Митя, поменьше патетики, – попросил я. – И позу смени, в такой только святые отцы проповеди читают. Ножки ровно, пятки вместе, носки врозь, руки по швам! Вот так, теперь докладывай...

– Беда, Никита Иванович! – Он выполнил мои указания, но театрально страждущий тон не сменил. – Накатилось на нас горе великое! И на вас, и на нас, и на весь наш народ разнесчастный... Вот уж беда пришла, всем бедам беда! Сподобил Господь дожить до такого позору... И как я теперь тока людям добрым в глаза-то смотреть буду?! Ой, беда, беда, беда... Забубенная моя лихая головушка! И за какие грехи-провинности такие беды на честную милицию с небес сыплются? Такая беда, уж такая... ровно и не беда обнаковенная, а сущая кара Божья! Вот такая вот беда, Никита Иванович...

– Бабуля, – сдался я – он меня быстро утомляет, – дайте, пожалуйста, лист бумаги и ручку из планшетки – я его просто уволю. За паникерство и саботаж...

– Докладываю по сути дела, – мгновенно исправился Митька, – вызывают вас в царский терем, ответ держать.

– За что ответ?

– А за то, что дьяк Филимон да пьянчужка Пашка Псуров полчасу назад надеже-государю чертежи украденные на подносике, Хохломой писанном, принесли! Теперича Горох вас к себе требует...

Баба Яга аж ватрушку на пол уронила. Понятно, для нее такой расклад равнозначен полному крушению последних надежд. У меня была иная точка зрения... Я не мог сделать вид, будто данное известие такое уж приятное, но и впадать в трагедию не имело особого резона. Да, несомненно, если все сказанное нашим сотрудником – правда, то это действительно серьезный удар по моему престижу. Ну и в моем лице соответственно удар по всей лукошкинской милиции. Таких пинков мы давненько не получали...

– Как это произошло?

– Не ведаю, батюшка сыскной воевода, а тока весь город об этом толкует как о чуде невиданном! Недаром мудрые люди говорят, что дуракам везет...

– Прав он, Никитушка, – поддержала Баба Яга, – какая уж нам теперича разница, как энта жар-птица двум смутьянам в руки немытые запорхнула... Для нас с тобой одна работа осталась – замок на отделение вешать.

– Это почему же? – встревожился Митька.

– Да как иначе-то, башка твоя еловая... Царь ить самолично полномочия следствию боярскому, альтернативному при всех отписал. А раз они всю покражу возвернули, то ихняя власть и ихняя сила! Бояре на Гороха всей толпой так насядут, он и не рад будет, а прикроет всю службу сыскную, милицейскую. Э-эх, что говорить... Сперначала дело это наперекосяк шло, вот так и под конец всем нам боком вышло!

– Ой, мама дорогая-я... Да нешто и вправду все отделение закроют?! А, Никита Иванович?

Я молчал. Яга, резко встав, с нарочитым грохотом начала убирать со стола. Наш парень присел в уголок у печки и, братски обнявшись с бабкиным котом, ударился в тихую-тихую панику. Через пару минут в горницу заглянул Еремеев.

– Пойдем, сыскной воевода, государь зовет.

– Да, помню, Митя докладывал, – очнулся я. – Идем, нам надо кое о чем договориться на вечер.

– О чертежах найденных слышал уже?

– Слышал, а ты не в курсе, как они к ним попали?

– Нет, – Фома почесал в затылке, – а только какая ж теперь разница?

– Разница очень серьезная... Подумайте хорошенько, могли ли Груздев с Псуровым отобрать чертежи у самого Кощея?!

Над моими словами призадумались все, даже Митька. Потом все трое отрицательно покачали головами...

– Вот именно! Я уж не знаю, какую удобоваримую версию они преподнесли царю, но твердо убежден в одном – чертежи Кощей отдал добровольно. Подкинул на дорогу, подложил в карман, подбросил в окошко, как угодно...

– Дак... зачем же? – первой сориентировалась бабка.

– Зачем? Хороший вопрос... Думаю, что это значит только одно – преступникам они больше не нужны!

Вряд ли мои товарищи по службе сразу поняли, что это означает. А в моей памяти мгновенно всплыл утренний визит на двор кожевенной лавки,

высоченный сарай и гора стружек у забора... Кощей не уходил потому, что строил корабль! Скорее всего, отец Кондрат, уезжая, благословил город. Может, прочел какие-то охраняющие молитвы у ворот или что еще... Гадать можно долго, я не силен в специфике церковных премудростей. Однако вот что важно – проникнув в столицу, Кощей Бессмертный уже не мог ее покинуть. Неведомая сила божественного слова замкнула цепь и опоясала городские стены непробиваемой преградой. Но злодей не был бы злодеем, если бы не сообразил рискнуть, попытавшись построить летучий корабль здесь же, на месте, и вот тогда уйти небом. Воспарив над Лукошкином, он легко удерет под облаками в любую сторону, и никто не сумеет его удержать. Если чертежи ему больше не нужны, то именно в преступном мозгу Кощея могла зародиться идея, как избавиться от такой важной улики да еще и бросить тень на «беспомощных» работников ненавистой милиции.

– Никитушка, – до Бабы Яги все всегда доходило в первую очередь. А может, бабка просто умела читать мысли... – Когда ж это будет?

– Сегодняшней ночью, днем он не посмеет, – пояснил я. – Пора нанести превентивный удар. Фома, возьми ребят, пусть ненавязчиво патрулируют все улочки и закоулки, прилегающие к кожевенной лавке. Если увидишь... Олёну... В общем, ничего не говори, ни в какие разговоры не пускайся. Это важная и предельно секретная операция. К Гороху я схожу сам...

– Ну уж нет! – Яга решительно взялась за головной платок, поправила узел и непререкаемо заявила: – На царский двор идем вместе. Я тебя, голубя безвинного, одного на растерзание боярскому самодурству ни в жисть не отдам... и не надейся!

– Ладно, уговорили, – улыбнулся я, но тут подал жалобный бас забытый у печи Митька:

– А я? Мне-то чем заняться велите? Нешто мне доверия меньше, чем вон стрельцу распоследнему... Их на дело берут, а я тут кирпичи спиной греть буду? Обижаете сироту недокормленного-о-о...

– Всё! Без слез! – Я хлопнул ладонью по столу и постарался говорить как можно мягче: – Извини, погорячился... Значит, так, Митя... для тебя у меня самое важное, самое сложное и самое опасное задание.

– Ага... – счастливо разинул рот наш деревенский валенок, Еремеев с бабкой отвернулись, чтобы скрыть улыбку.

Я продолжал:

– Тебе предстоит тайно сбегать в храм Иоанна Воина, выяснить, когда вернется отец Кондрат, найти меня и доложить. Все понял?

– Все, батюшка Никита Иванович! – клятвенно подтвердил он. – В храм сбегать, про отца Кондрата спросить, вам подробно обсказать.

– Молодец, исполняй.

– А только вот... че ж тут опасного-то?

Я шумно вздохнул и объяснил еще раз для особо догадливых:

– Если Кощей или его подручная поймут, что мы ищем отца Кондрата, то сразу смекнут что к чему. Они ударятся в бега, а мы будем вновь разводить руками. К тому же гонцов в этом случае обычно просто уничтожают...

– Так... вот оно как, значит... Это меня, стало быть, и изничтожить могут?!

– Не изничтожить, а уничтожить, Митя... – поправил я. – Во всем остальном ты прав. Это очень горькая правда, но я надеюсь, ты нас не подведешь...

– Не извольте беспокоиться, Никита Иванович, и вы, бабуля, и ты, Фома Силыч... – Митька торжественно поклонился нам до земли. – Не подведу, оправдаю, все, как велено, справлю. Не поминайте лихом, ежели что... Письмецо матушке на деревню, так, мол, и так...

– Митька! – в голос рявкнули мы – болтуна как ветром сдуло.

Еремеев отправил своих стрельцов на задание, а сам проводил нас до царского терема. Народ на улицах посматривал в нашу сторону сочувственно, но помалкивал. Никого особенно не радовало, что украденные чертежи нашли боярские любимчики, но в конце-то концов – дело сделано и главное, что репрессий больше не будет. Нам, как работникам милиции, ничего не угрожает. Ну, пожурит государь... Так не казнит ведь! Примерно с такими мыслями и мы сами входили на государев двор...

Нас ждали. Фома пожал мне руку и двинул к своим на задание, а мы с Ягой были торжественно сопровождены царскими стрельцами на заседание боярской думы. Какое-то время помуржили у дверей, пока оттуда не доложили, что государь требует... Представляю себе, какое сейчас настроение у самого Гороха... На этот раз уж точно ему не будет слишком сложно «изобразить» царственный гнев. Ну, что ж, мы сами виноваты...

– Сыскной воевода Никита Ивашов с Бабою Ягой по приказу государеву прибыли! – громко доложили стражи, распахивая перед нами двери.

Первое впечатление не было многообещающе радужным... Нас здесь никогда не встречали фанфарами, но сегодня весь тронный зал прямо-таки

светился злорадными ухмылками. Счастливое боярство едва удерживалось, чтоб не пуститься в пляс в ожидании последующего унижения работников милицейских органов. Мы шли к царю по красной дорожке, шли с поднятыми головами, сквозь накатывающие волны неприязни и даже не оборачивались на ехидное шипение со всех сторон:

– Вот и тебе, участковый, крендель сахарный не в то горло полез... Будешь наперед знать, на кого зубы скалить!

– Ужо покажет царь-батюшка послушнику милицейскому! Да в железа его, да на дыбу, да под кнут, а там в рассол крутой, да в острог дальний...

– Отольются тебе, сыскной воевода, все слезки праведные боярские! Долгонько ты нас перед государем посрамлял, позором крыл, клеветой-наветами обливал бессовестно...

Я не скажу, что так настроены были все. В рядах вечно ссорящейся думы находилось несколько прогрессивных, неглупых граждан, думающих не только о собственной значимости и мощи. Они сочувственно опускали глаза, но я был им благодарен и за такую поддержку. Горох сидел на троне сурово и важно. По лицу видно, что весь этот фарс не доставляет ему ни малейшего удовольствия и он хочет покончить со всем поскорее. Надеюсь, мой доклад о Кощее царь все-таки успел прочесть...

– Здравствуйте, ваше величество.

– Здравствуй, сыскной воевода.

– Вызывали?

– Да уж, вызывал... – царь говорил ровно и неторопливо. – Что ж такое творится в отделении твоём? У нас покража великая, а милиция и мышей не ловит?! Вон слуги мои верные за тебя твою работу выполнять вынуждены. А ну подать сюда дьяка Фильку думского приказа и Пашку Псурова, бояр Бодровых холопа послушливого!

Стрельцы практически в ту же минуту за шиворот доставили обоих. Тощий дьяк возбужденно вздергивал бородкой и буквально парил над полом в ритме севастопольского вальса. Пьяненький Псуров семенил следом в драном парчовом кафтанишке с чужого плеча и был так перевязан бинтами, что походил на египетскую мумию. Причем добрая половина бинтов оказалась наспех намотана поверх того же кафтана... Бояре перестали шушукаться и, самодовольно выпятив брюшки, повернулись к дьяку. Ну, тот соответственно и начал:

– Здрав буди, царь ты наш, кровопиец-батюшка! И вам поклон, честные бояре, чтоб вы опухли чохом, мироеды проклятушие!

...В зале минут на пять повисла гробовая тишина. Горох, услышав такое ласковое определение в свой адрес, просто обомлел на троне.

Стоящие у дверей стрельцы закусали губы, чтоб не заржать, а боярская дума, не находя слов, усталилась на Филимона Митрофановича как на психически больного...

– Надежа-государь, смилостивись, не охреневай раньше времени! – жалостливо пустился в объяснения бедный дьяк. – Порчу великую навели на меня враги злобные, неведомые... И не хочу, а как гляну на тебя, кобеля блудливого, так слова срамные сами с языка и сыплются! Нет в том моей вины, дурачинушка...

– Точно, точно, – поддерживая напарника, встрял забинтованный Псуров, – он не тока на вашу милость, но и на меня, на друга сердешного, матом лить не брезгает! А уж про бояр твоих верных такое несет... не дай бог послушать!

Горох с лязгом захлопнул рот, царские брови гневно выгнулись над переносицей, а глаза стали наливаться кровью. Мы с бабкой незаметно переглянулись, но вмешиваться не стали, пока...

– Ужо дозволю мне, царь-батюшка, всю правду высказать. Филенька мне пособит, где надо, но говорить тока я буду. И как следствие вели, какие беды-напасти терпели, как милиция энта нам всё палки в колеса пихала и сколько мы от них унижений да побоев безвинно приняли, за твою государеву честь страдаючи...

Горох через силу кивнул. Бояре тоже поддержали своего ставленника согласованным качанием бород. Псуров приосанился и начал:

– Всю работу черную, следственную, тока мы с Филенькой и несли. Милиция подлая и пальцем об палец не ударила! Одно умели – нас безвинных на улице хватать да в поруб холодный прилюдно волочить. А посему позвольте мне сначала-то про все их злодеяния правду высказать, а уж как их в кандалах в пыточную сведут, тут мы и о покраже все поведаем...

– Давай! Так и надо! Говори, Паша, не бойся! Давно пора прищучить смутьянов неуважительных! – дружно отозвалась боярская дума.

– Цыц! – твердо отвечивал царь, и все заткнулись. – Про то, как тебя в милиции держали, мне слушать без интересу. Сам, своими глазами на рожу твою красную насмотрелся... Каковы в отделении перегибы, потом подробно опишешь, а сейчас расскажи, как вы чертежи раздобыть сумели?

Псуров запнулся, подтолкнул дьяка, и тот продолжил:

– А вот вышли мы нонче, сиротинушки разобиженные, из ворот милицейских, Богом проклятых, на свободу с чистой совестью. Всё о твоих, растяпа, чертежах и думали... Куда ж ты их, башка непутевая,

засунул? Ведь все ноги истоптали, ищучи... Вот Пашенька и говорит: а не пошел бы царь наш батюшка в...

– Нет! – Холоп Бодровых быстро запечатал рот правдолюбивому гражданину Груздеву. – Не так все было... Не извольте гневаться, надежа-государь, сию минуточку по порядку и обскажу. Как вышли, значит, мы, так и видим – из-за терема милицейского змий трехголовый ползет!

Бояре ахнули от ужаса... Горох страдальчески прикрыл глаза и сдвинул корону на нос.

– А на спине у него сам участковый сидит, злодей оборотистый, Никита Ивашов! Улыбается-я... Да тут нас увидел, мрачнее тучи стал и змия своего наутек разворачивает. Мы глянь-поглянь, а под мышкой-то у сысканого воеводы чертежики твои царские в рулончике обретаются! Тут и поняли мы, кто был вор неведомый... Кто в доверие к тебе без мыла втерся, кражу бесстыжую совершил да к врагам тайным за границу убечь собрался... Знамо дело, не стерпели мы, православные!

– Не стерпели! – воодушевленно взыв, подпрыгнул дьяк. – И впредь терпеть не будем! А Никитку злостного – в батога! Утопить его, живьем сжечь, колесовать, обезглавить, в молоке сварить, конями разорвать, медведями заломать... Слышь ты, бадья в короне?!

– А уж тут мы за отечество и порадели! – перехватил инициативу активист Паша, ароматно дыша на всех алкогольными парами. – Филенька храбро вперед кинулся, аки сокол в чертежи царские вцепился да и отобрал! Но милиция своих на выручку позвала – бабку вот энту, колдовскую, да сотрудника своего, убийцу бессердечного. Вот тут-то и понял я, что велика Россия, а отступать некуда... Закатал я рукавчики, перекрестился и пошел в кулачки! Один, супротив всех... Ибо не в силе Бог, а в правде! Ох и увечили они меня, ох и били, ох и мучили... Ни единой косточки целой не осталось, все тело ранами кровавыми покрыто, все зубья шатаются, вся спинушка болит... Но успел-таки дружок мой верный, дьяк Филенька, чертежи уворованные пред очи твои царские возвернуть!

Зала взорвалась бурными, продолжительными аплодисментами. Даже мы с Ягой, поддавшись общему порыву, слегка похлопали в ладошки... Не реагировал только царь Горох. Бедолага так и сидел, прикрыв глаза, в сдвинутой короне, явно дурея от всего происходящего. Что ж, ему можно было только посочувствовать... Мы, в конце концов, разойдемся по домам, а ему с этими дураками еще жить да жить. Когда шумные восхищения деяниями двух прохиндеев немного стихли, государь, не поднимая глаз, тихо спросил у меня:

- Говорить будешь?
- Нет.

Это было еще одно заявление с эффектом разорвавшейся бомбы. Горох за сегодня уже наверняка утомился удивляться, но тем не менее честно вытаращился в мою сторону. Баба Яга охнула и успешно провисла на моей руке, не касаясь лаптями пола. Зато на многих влиятельных бояр это «нет» произвело самое благоприятное впечатление. Не хочу огульно говорить про всех, но нашлись скудоумы типа Бодрова, счастливо заголосившие:

– Вот и сказать-то ему нечего! Знает кот, чье мяско съел! Он же признался, признался же, государь... Не смеет отпираться перед гневом твоим праведным! Чего тянем, бояре?! Не след царю-батюшке такими мелочами головушку перегружать – сами возьмем охальника за бока! Бей милицию!!!

Не волнуйтесь, по большому счету никто не рискнул даже привстать. Пошумели, поорали, помахали посохами, потрясли бородами и устали на государя. Естественно: как тут ни сотрясай воздух, а решать все равно Гороху...

– Никита Иванович, не время сейчас шутки шутить да в обиды ударяться. Доклад я твой прочел внимательно, теперича еще раз обскажи все собранию боярскому. Окромя того, знать хочу, как чертежи мои к этим шутам гороховым угодили... А ну, цыц! – царь топнул ногой на зарождающийся ропот думского возмущения. – Доселе я вас всех слушал, а теперь одного сыскного воеводу слушать изволю! Кто его перебьет, пусть мне под руку не попадается! Говори, участковый...

– Итак, граждане бояре, – торжественно начал я, – постараюсь быть предельно краток. Кража чертежей летучего корабля (или, как его называли на прошлом заседании, «козлика») была спланирована и организована Кощеем Бессмертным, а проведена его тайной сообщницей. Предположительно это красивая черноволосая девушка по имени Олёна, выдающая себя за племянницу владельца кожевенной лавки в районе Колокольной площади. Путем исследования улик и сопоставления фактов мы сумели предельно точно воспроизвести картину преступления. Когда злоумышленники поняли, что мы у них на хвосте, они начали физическое уничтожение всех лиц, способных их опознать. Говоря «их», я имею в виду исключительно девушку, но убежден, что все планы убийств утверждались именно Кощеем, прибывшим в Лукошкино лично. Так погибли граждане Поганов С.П., Сухарев Н.С. и его дочь Сухарева К.Н. Покушение на гражданина Груздева Ф.М. удалось предотвратить путем записания его в

камере предварительного заключения. К вышеперечисленным жертвам впоследствии добавилась и одна из прямых участниц бандитской группировки, некая Настасья... Фамилию, к сожалению, выяснить не удалось. На данный момент следствию доподлинно известно, где скрываются оба преступника. Сегодня вечером планируется их задержание и передача под суд. Некоторые детали предстоящего ареста в интересах следствия предпочитаю пока не раскрывать.

– Что скажете, бояре? – после минутного размышления спросил Горох.

Первым поднялся степенный и чванливый Бодров, автор-изобретатель «альтернативного следствия»:

– Царь наш батюшка, не верю я ни единому слову милицейскому! Во-первых, никакого Кощея нет и быть не может, ибо это сказки бабьи. Во-вторых, холоп мой с дьяком дело свое сделали – покражу твою возвернули, а значит, им и награда. Так что пущай сыскной воевода здесь нам головы не морочит, а прямо признается, что проиграл и ни на что не годен!

– Вернуть добро уворованное – это только половина дела, – резонно возразил государь. – Пока Пашка с Филькой воров мне не представили, а наплели семь верст до небес, и всё лесом! Ну да у нас тут старушка знающая есть, она насквозь любую неправду видит. А попрошу-ка я им экспертизу сделать...

– Как можно?! Мыслимое ли дело, живым людям – экспертизу?! Да мы им на слово верим! А Яга – она ж насквозь милицейская... Нельзя бабке безродной боярских доверенных лиц судить!!!

Царь поднял руку, и все заткнулись.

– Прости их за слова скорые, неразумные, бабушка Яга. Начинай.

– Как прикажешь, батюшка... – решительно взялась за дело бабка. – Но наперед правду скажу: я это дьяка заколдовала. Сквернословил без меры, вот наказание и схлопотал: пока следствие закончено не будет, говорить ему только словами бранными! Так что нечего вам, честные бояре, на нас напраслину возводить – раз ругается грубиян, значит, не закончено дело. Возвратить чертежи мало, надо виновников истинных найти и наказать примерно. А как чертежики царские к дьяку с дружкой в руки попали, они и сами расскажут... Ну-ка, Пашенька, посмотри на меня!

Трусоватый Псуров развернулся было к дверям, наострив лыжи, но стража только положила руки на сабли, и он сдался.

– Как с березы белой желтый лист сыплется, как из тучи сизой частый дождь капает, так бы и с языка лживого вся неправда-кривда-матушка шелухой по земле развевалась! Во чужих краях семь холмов стоит, на семи холмах ветры маются, семь хмельных ветров, неподкупленных...

Завлекут-занесут в небо чистое, засмеют-зашвырнут в море синее... Ты же, молодец, все как есть скажи, не кичись ни званием, ни силою. Только помни-знай, что при первой лжи налетят ветра, не помилуют!

Бледный выразитель боярских интересов оказался зажат меж двух огней. Сказать правду значило осрамить Бодрова, солгать – возможно, расстаться с жизнью. Хотя почему «возможно»? Наверняка! Сколько знаю Бабу Ягу – слова у нее никогда не расходятся с делом. По-моему, это правильно понимали все присутствующие, и никто не спешил успокоить Псурова словами: «Не бойся, мы с тобой!» Дураков нет...

– Смилуйся, надежа-государь! Грешен я, червь смердячий... Обмануть хотел твою светлость – на участкового навет бросить, а себе милостей царских огрести! Бес попутал, хозяева заставили-и! Не вели казнить, государь...

– Говори, – сдержанно выдохнул Горох. Буйные бояре повесили носы.

– Девка там была, – зачастил Пашка Псуров, брызгая слюной от усердия, – чернявая да шустрая. Как нас с Филенькой из отделения-то выпустили, мы к нему домой и направились, по маленькой принять для здоровья и за ради утешения. А на площади Колокольной слышим – зовут сзади ктой-то. Обернулись – девка молодая, черноглазая да смазливая. Вы, говорит, слуги царские? А я, говорит, с базара шла да под мосточком бумаги непонятные углядела. Возьмите, говорит, мне без надобности... Ну, мы-то как рассмотрели, чего она нам под нос сует, – так едва от радости не удушились! Чертежики государевы! В целости да сохранности, вплоть до единого листика! Мы потом уж хотели девице той, худородной, пряников понаобещать, сластей всяких – ан ее и след простыл... А про змия трехголового это уж по дороге придумать измыслили, чтоб с наилучшей стороны геройство свое представить. Вот как дело-то было... Не вели казнить, государь!!!

Горох вопросительно глянул на Ягу, та согласно кивнула. На этот раз мошенник говорил чистую правду. Дума молчала, только недалекий Бодров из чисто ослиного упрямства бурчал что-то о чертежах, которые найдены, а уж как – не главное, главное, что не милиция их нашла, и т.п. Остальные его не поддерживали, крыть было нечем.

– Все свободны ныне. Суд завтра чинить буду, когда сыскной воевода мне воров да убийц перед троном поставит. До той поры – вон! Я с участковым один на один говорить буду.

Возможно, Горох несколько перебирал в грубости, не стоило так обходиться с людьми... Он, конечно, царь, но ведь и человек тоже. Хотя именно сейчас, именно здесь его самоуправство было проявлением самых

человеческих чувств. Довели... Видимо, бояре это тоже понимали и, вставая, кланялись, уходя молча, без обид. Баба Яга вышла вслед за всеми, но я знал, что она будет меня ждать. Горох подошел к длинной скамье, тяжело сел и указал на место рядом:

– Присаживайся, Никита Иванович. Лихо ты умыл бояр моих, шибко умных... За то спасибо тебе скажу великое. А теперь давай делись тем, что при всех сокрыл... Ксюша моя и вправду в краже замешанная?

– Нет, – твердо ответил я, – ее обманули, воспользовавшись излишней доверчивостью. Преступница набилась к ней в подружки, дворник об этом знал, потому и поплатился первым. Сама Ксения Сухарева была кристально честным человеком и по наивности считала остальных такими же. Она искренне пыталась помочь следствию, но ей и в голову не могло прийти заподозрить свою единственную, тайную подругу...

– Добро... – Царь помолчал, потом вздохнул и вновь повернулся ко мне: – Как злодея брать думаешь? Ведь ежели там взаправду Кощей Бессмертный сидит, то нам супротив него великую силу поднимать надобно.

– А как же ваша новая сабля и честный поединок?

– Одумался...

– Слава тебе Господи! Теперь насчет Кощея... Баба Яга говорит, что днем он гораздо слабее. К тому же находится в православном городе, и если бы не отъезд отца Кондрата, то вообще не рискнул бы сюда сунуться. План таков: мне понадобятся опытные охотники, умеющие пользоваться веревкой и крючьями.

– Это еще зачем?

– Не хотелось пугать вас раньше времени, но... Как вы полагаете, почему они отдали чертежи Псурову и дьяку?

– Не может быть... – почти сразу же догадался Горох.

– К сожалению, может... А это значит, что в нашу задачу входит еще и вероятное задержание летучего корабля!

Возвращаться в отделение уже не имело смысла, через три часа должна была состояться «операция по обезвреживанию». Царь отправился собирать добровольцев, в плане подбора кадров мы ему полностью доверяли. Нам с Ягой накрыли обед в маленькой горнице, при государевой кухне тоже готовили не хуже, чем в ресторане, но с бабкиными пельменями не сравнишь. От хмельного мы категорически отказались, затребовав самовар. Я давно убедился, что самые лучшие планы рождаются в голове после пары чашек ароматного облепихового чая.

– Не печалься, Никитушка...

– С чего это вы взяли?

– Да уж вижу... Сокол ты мой, да у тебя ж на лице все написано! Я ить предупреждала: Олёнушки – они разные бывают...

– Да, да... все верно, – виновато улыбнувшись, согласился я. – Просто обидно... Я ведь не мальчик уже, кое-какой опыт в этом деле имею, а лопухнулся как младенец...

– Ну, милай, на то Всевышний женщину и создал, чтоб мужику в раю не скучно было. Эх, знал бы ты, сколько я по молодости голов задурила... Вот веришь – мужички вокруг так плашмя и падали, хоть собирай да в поленницу складывай. Бывало, и глаз подымать не стану, тока ресницей взморгну – ан, первый парень на деревне уже за мной на четвереньках бежит, язык изо рта свесив! Разве только что не лает, повизгивает тока...

– Хм, ну если сравнивать, то на этом фоне я, конечно, держался молодцом.

– Вот то-то... Давай-ка обскажи лучше план, по какому Кощей взять думаешь.

– Какие у нас могут быть планы, если совершенно неизвестно, что он способен нам противопоставить? – в свою очередь спросил я. Бабка тоже невразумительно пошевелила плечами. – Будем исходить из доподлинно известного и попытаемся с максимальным эффектом использовать наши возможности. Итак, кожевенная лавка находится в центре города, в густонаселенном районе, что сразу же исключает любые крупномасштабные действия. Никакой кавалерии, никаких пушек, никакой стрельбы и шумного сабельного штурма. Мы просто не успеем тихо эвакуировать людей, а значит, могут пострадать невинные граждане. Я предлагаю разместить царских специалистов, одетых под рядовых лукошкинцев, на всех близлежащих крышах. Из всего вооружения парням потребуются лишь крючья и крепкие веревки. Внутрь пойдем мы с Еремеевым, нас там знают, так что, возможно, вечерний визит не вызовет особых подозрений. Мне надо любой ценой захватить Олёну и вывести ее за ворота. Фоме соответственно выяснить, где приблизительно может прятаться Кощей, после чего впустить во двор десяток стрельцов и самых голосистых баб. Первые подожгут опилки и стружки, а сами встанут рядом, держа в руках по ведру с водой. Бабы начнут орать: «Пожар!» В результате Кощей Бессмертный непременно вылезет и будет пытаться бежать.

– Ой ли? – недоверчиво сморщила нос бабка. – С чего ему бежать-то? Выйдет, порубит мечом заколдованным всех твоих скоморохов да в обратку и спрячется. Он же бессмертный, ему, поди, и огонь не страшен.

– Нет, нет, непременно должно сработать – я читал нечто подобное из Шерлока Холмса. Кощей побежит спасать летучий корабль, спеша вывести его из зоны пожара. На стрельцов и женщин отвлекаться не станет, нет времени. А как только корабль взлетит, тут наши охотнички зацепят его крючьями и намертво пришвартуют к заборам.

– А потом?

– Что потом? Ну-у... мы его арестуем.

– Угу, тока перед арестом злодей тебе столько молодцов посечет, хоть пол-Лукошкина в траур одевай! И это еще Кощей не в полной силе будет...

– Тогда я не знаю... – Действительно, ничего подходящего на ум не приходило.

– Эх ты, голова бедовая, милицейская... Ладно уж, присоветую тебе, как с силой Кошеевой справиться. Чую, отольется мне энто в старости, ну да поживем – увидим...

– В какой старости, бабуля?

– А ты не язви! – разулыбалась Яга. – Ежели б Кощеюшка не так слаб был, я бы первая в лес подалась.

– Партизанить?

– Никитка, не язви!

– Больше не буду, честное слово. Давайте ваши предложения.

– Предложу я тебе дело дельное. На одних веревках ты корабль летучий нипочем не удержишь. Да и Кощей-то небось не дурак, что ему стоит канаты твои мечом пообрубить? Надо нам корабль энтог таким грузом загрузить, чтоб он и взлететь не мог.

– Мешками с песком? В принципе можно попробовать... Предложим стрельцам бросить по мешочку, так постепенно закидаем до бортов.

– Ты опять издеваешься, что ли?! – даже обиделась Яга. – Думай, чего несешь-то! Как тебе стрельцы из-за заборов будут на корабль мешки тяжеленные навскидку метать?! У нас на всю операцию человек десять – двадцать отряжено, коли все попадут – рази ж двадцать мешков корабль посадят? А ежели промахнется кто... Дак Кощей потом тем же мешком тебе с небес по маковке и навесит, с превеликим удовольствием...

– А если порох?

– Весь город спалим, как сверху шарахнет! Я уж твоей затеи с опилками да стружками горящими опасаюсь, а ты мне порох в ноздрю суешь... Дома-то вокруг сплошь деревянные!

– Понимаю, но ведь не грибами маринованными мы в него кидаться будем? – взмолился я.

Бабка наконец сжалилась и снизошла до объяснений:

– Соль...

– Что «соль»?

– Я те говорю, солью корабль летучий загрузить надобно. Соль – вещь древняя, чародейная, все, что ни есть в земле, на соли держится. Без соли и щи не щи, соль звери лижут, солью Господь кровь человеческую напитал... От того сила в ней великая! Кощей соли чистой, ровно солнца ясного, боится. Жжет она его аж до костей. На соляной склад идти надо, там ее немолотой полно. Набрать кусков поболее да и вдарить дружно – сядет кораблик! И Кощей в нем смирным будет, как овечка стыдливая...

– Несколько притянута за уши, на мой взгляд, но... что мы теряем? Давайте попробуем соль.

– И стрельцам еремеевским накажи, тем, что в подмоге стоять будут, – пущай пищали свои тоже солью зарядят...

– Ага, и целят ниже поясницы!

– Да прекратишь ли ты язвить, участковый?! – деланно возмутилась Баба Яга, а потом расхохоталась вместе со мной. Страшно не было ни капельки! После столкновения с гражданином Бессмертным у ворот нашего отделения меня уже мало что могло напугать...

Вскоре появился сияющий царь, опасность предстоящего задержания радовала его возможностью совершить святую месть во имя усопшей рабы Божьей Ксении. Несмотря на христианское воспитание, наш государь ни в какой мере не сдерживал себя заповедью «Не убий!», искренне считая, что к царям на небесах счет особый и его проступки будут разбираться по иной, специальной шкале. Самое поразительное для меня заключалось в том, что все (даже церковники!) эту трактовку Святого Писания воспринимали безоговорочно. Нет, таким уж закоренелым сатрапом вроде Ивана Грозного наш Горох не был, но публичные казни в его правление были, чего греха таить, на большую площадь перед царским теремом временами выкатывали дубовую плаху, ставили помост и... Зачем я вообще все это говорю? Если честно, то судьба преступницы Олёны не выходила у меня из головы. Ее вина казалась очевидной, и даже самый мягкосердечный прокурор не нашел бы основания для послабления приговора. На счету этой девушки четыре трупа! Трое отравлены цианидом, одна заколота кинжалом. Побои, полученные мной и моими сотрудниками, тут уже не котируются. На «вышку» потянула бы и одна кража сверхсекретных чертежей, а смерть подружки царя... Горох собственноручно задушит меня, если я только заикнусь о «пожизненном заключении». И ведь самое смешное, что я практически готов это сделать...

Еремеев ждал меня на Колокольной площади, скучающий Митька топтался рядом. В храме он был, все, что мог, выяснил, кому-то, естественно, поугрожал тюремным заключением, но важную информацию выбил – отец Кондрат возвращается. По идее, вообще мог прибыть сегодняшним утром, но, видимо, что-то задержало в дороге. Жаль, его помощь могла бы оказаться неоценимой... В прошлом деле с Черной Мессой этот отважный поп, собрав целый хор местных батюшек, умолил святого Иоанна Воина вступить за Лукошкино, и тот поразил своим копьем самого Вельзевула. Сейчас небольшое, компактное чудо тоже было бы очень кстати...

– Пора, сыскной воевода.

– Пора, Фома... – Я взглянул на наручные часы. – Давай уточним детали. Где Баба Яга?

– На соляном складе, по ее приказу три подводы солью битой доверху грузят. Будет здесь в аккурат к нашему выходу. Просила напомнить про подружку твою... Дескать, девка неглупая, так что долгих разговоров с ней не веди – раскусит враз!

– За это можете быть спокойны. Где у нас царь?

– Да вон на той крыше сидит, видишь – из-за печной трубы нога в сафьяновом сапоге выглядывает? Он себе самую длинную веревку взял, хочет первым на летучий корабль крюк забросить. Охотнички его, из ловчего отряда, по двое разместились, в шести местах прячутся.

– Правильно, при одновременной атаке мы его возьмем. Главное, чтобы канаты удержали корабль на то время, пока его будут закидывать кусками соли. А где твои?

– Десяток вон в том переулочке, с ведрами наперевес ждет. Еще дюжина с пищалями заряженными на соседней улице скрывается.

– Заряжали солью?

– Только солью, крупной, дробленой. Не сомневайся, участковый, старались, как могли...

– Из лавки точно никто не выходил?

– Ни души.

– Тогда... с Богом! – Я решительно шагнул к воротам, но Еремеев удержал меня за рукав:

– Погодь, Никита Иванович, спросить хочу... Девушка твоя, Олёна, значит... Точно ли к этому делу причастная? С ней-то как быть?

– Как со всеми... – твердо решил я. – Желательно взять живой, но, как ты понимаешь, ей терять нечего, и ножом она пользоваться умеет.

Фома кивнул, он редко задает много вопросов. По установленному сигналу все наши собрались, приготовившись к активным действиям.

А ничего не подозревающий народ сновал по улицам, толпился на площади. Бежали коробейники, торгуя вразнос всякой мелочевкой, степенно прохаживались торговцы сдобой, обвешанные целыми гирляндами бубликов, кренделей и баранок. Носились неугомонные мальчишки, грудастая цыганка что-то втолковывала молодежи с ребенком на руках. Жизнь шла своим чередом. Если бы хоть на секунду можно было предположить, что какая-то мелочь сорвется, продуманный план рухнет и ополоумевший Кощей, размахивая мечом, вырвется за ворота... От таких мыслей становилось холодно спине, и я ускорил шаг. Долго стучать в ставни на этот раз не пришлось, приветливый голос Олёны ответил мне почти сразу:

– Никита Иванович? Бегу, бегу, уже открываю.

– Здравия желаю. Простите, что вновь вынуждены побеспокоить, но необходимо подписать кое-какие бумаги. Это относительно несчастного случая с Настасьей...

Калитка у ворот скрипуче отворилась, пропуская нас внутрь. На первый взгляд никаких изменений во дворе кожевенной лавки не было, разве что куча опилок стала вроде бы вдвое больше. Плохо, десяти ведер с водой может не хватить, а устраивать серьезный пожар никак не входило в наши намерения.

– Олёна, вы не против, если я пройду в горницу? Все-таки возиться с бумагами удобнее на столе, чем на колене.

– А... я... это... – запнулась она, и мне пришлось, приобняв ее за плечи, почти силой развернуть к дому. – Сотник Еремеев, ждите меня во дворе! Мы с Олёнушкой долго не задержимся.

Фома незаметно подмигнул, принимая нарочито равнодушный вид. Мы шагнули на крыльцо и вошли в зажиточный просторный дом. Кожевенная торговля наверняка давала возможность хозяину жить в сытости и достатке. Мебель была добротной, сундуки большими, печь в изразцах, а посуда на столе расписная. Вот только бардак повсюду такой, словно уборку здесь делали в позапрошлом году. Прежде чем опуститься на лавку, мне пришлось шугануть с нее наглых раскормленных тараканов.

– Я же... предупредить хотела, у нас тут...

– Что вы, не стоит! Извиняться должен я, обычно мы предупреждаем граждан о визите участкового заблаговременно или вызываем к нам в отделение. Да вы присядьте, Олёна...

– Я постою. Что ж за дело у вас ко мне, Никита Иванович? – Девушка

прижимала спиной дверь, и в черных, бархатных глазах уже не было теплоты. Видимо, Яга права, артист из меня никудышный...

– Олёна, я хочу услышать правду.

– Какую правду? Про... Настьку мельникову?

– И про нее тоже, – решился я, отступать было некуда, она знала, зачем я пришел. Но, боже мой, как же мне хотелось, чтобы все это оказалось неправдой... – Следствие располагает неопровержимыми уликами вашего участия в целом ряде преступлений, совершенных на территории города Лукошкино.

– Продолжайте, продолжайте, мне интересно...

– Мы знаем, что вы украли царские чертежи с планами строительства летучего корабля. Знаем, кто заказал это преступление, и знаем, как были ликвидированы все свидетели, видевшие вас в лицо. По счастливому стечению обстоятельств уцелел только дьяк Филимон Груздев. Убрать его вовремя вы не успели и были вынуждены инсценировать нам «драку» с разбойницей Настасьей. На деле она просто открыла вам калитку на условный стук и пыталась помочь скрыться. За это вы хладнокровно закололи ее и вместе упали в чан для замачивания кож. Предыдущие смерти проводились с применением цианистого калия. Скажите, вам что, так нравится убивать?

– Убивать – сладко... – тихо ответила Олёна, и от этого ласкового голоса меня невольно бросило в дрожь. – Настырный ты человек, сыскной воевода, коли след берешь – так не теряешь. Сам таким уродился или служба заставила?

– Давайте отложим вопросы, не имеющие отношения к делу, – вежливо попросил я. – Вам придется пройти со мной в отделение, вот ордер на обыск и арест. В доме останется Еремеев, а поисками вашего нанимателя мы займемся завтра.

– Ох ты, страсти какие... И не стыдно будет вам, здоровым мужикам, девицу беззащитную через весь город волочь?

– Собирайтесь.

Я сознательно не назвал имени Кощея Бессмертного, соврав, что «искать его будем завтра»... Мне было нужно тихо, без криков и истерик, убратся со двора. Надеюсь, Фома нашел возможное убежище Кощея, потому что после нашего появления на улице во двор бросятся бабы и стрельцы с ведрами в обеих руках. Эх, не помню, кто из великих полководцев жаловался на мелкие, несущественные детали, легко ломающие самые продуманные планы всех великих сражений... Это очень утешает, когда у тебя самого все вокруг идет наперекосяк. Ну, во-первых,

ожидающий во дворе Еремеев явно ничего не нашел. Выражение лица растерянно-виноватое, лежбище Кощея не обнаружено, и на операцию с фальсифицированным пожаром можно времени не тратить.

– Где корабль?

– В сарае стоит, я в щелку углядел. Темновато там, но угадать можно. Хорошие мастера делали, не хуже наших, лукошкинских.

– Ладно, посмотрим. Выводи гражданочку за ворота, а мне кликни Митьку, если пришел. Пока держимся прежнего плана, мы с ним поищем потщательнее...

– Что ж искать-то? – неожиданно подала голос Олёна. – Все, что надобно, здесь, во дворе. А если задержаться хотите, так я помогу. Надолго задержитесь...

Словно по мановению волшебной палочки куча стружек и опилок зашевелилась, выпуская на свет Божий двух квадратных молодцов с одинаковыми угрюмыми лицами.

– Ну-ка, Юрка Боров да Борька Свин, покажите гостям незванным мастерство свое плотницкое!

В громадных лапах близнецов сверкнули широкие топоры...

Положение несколько осложнилось. Я говорю «несколько», а насколько конкретно, я понял, лишь когда вышеозначенная Олёна выкинула еще один номер. Когда мы выходили из дома, мне даже не пришло в голову связать ей руки. Девушка проиграла, но тем не менее вела себя так достойно, что вызывала невольное уважение, и лезть с веревкой было как-то... неудобно. Ну, это выглядело бы излишней предосторожностью, перестраховкой и даже трусостью с моей стороны. Мне так казалось... Одна из основных заповедей милиционера – никогда не смешивать личное и служебное. Я позволил чувствам взять верх над разумом, и вот...

– Не дергайся, участковый! Только рот раскрой, и ты на небесах... – Олёна страстно прижалась ко мне. Это было неожиданно и приятно, если бы не узкий нож, скользнувший из ее рукава к моему горлу.

Еремеев сплюнул и выхватил саблю.

– Брось оружие, стрелец! – потребовала преступница. – Распорю горло милицееское, ни один портной не зашьет...

– Валяй, – ровненько предложил Фома, у меня едва фуражка над маковкой не воспарила. – Ты его убьешь – я тебе башку снесу, а начальство меня за службу верную освободившимся постом пожалует...

– Не доживешь ты до повышения, – помедлив, заявила Олёна. – Борька с Юркой в тот же миг тебя топориками настругают! Пусть сыскной воевода умрет, пусть я сгину, но и тебе не жить!

– Ух ты! – возмущенно раздалось откуда-то сверху, и, сползая пузом по воротам на двор кожевенной лавки, появился новый персонаж. – Это во что ж вы тут играете, Никита Иванович? Вроде хоровод какой чудной... Девица за вас, Фома за девицу, кабаны энти... инде... энде... эден...тичные за Фому. Стало быть, мне прямая очередь за кабанами... А ну, подвиньтесь взад, свиные рыла! Щас пяточки начищать буду...

Все замерли, неуверенно переглядываясь. Отчаянная решительность на лице Олёны сменялась робкой растерянностью. Чувствовалось, что девчонка пошла ва-банк, но умирать не хотела совершенно. Митька, засучив рукава, пристроился поближе к упомянутым Свину и Борову, а я автоматически отметил про себя, что Поганов не соврал и такие типы в банде действительно были. Но неужели именно они и построили для Кощея летучий корабль? Внешность у молодцов скорее уголовная, чем интеллигентная, хотя мало ли в среде уголовников истинных художников, творцов своего дела...

Как мне показалось, мы простояли минут десять. Активность никто не проявлял, ожидание затягивалось. В ту роковую минуту, когда я окончательно решил рискнуть и попытаться перехватить нож, калитка распахнулась и во двор цепочкой влетели десять еремеевских стрельцов с полными ведрами воды в напряженных руках. Следом посыпались бабы... Видя, что ничего не горит, а мы молчим, стрельцы в недоумении выстроились полукругом, ожидая начальственных указаний. Логического разрешения сложившейся ситуации просто не существовало. А тут еще в напряженном воздухе неожиданно громко прожужжала перелетная муха, не придумав ничего умнее, как усесться на мой нос. Я дернулся, зажмурил глаза и...

– А-а-а-пч-ч-хи-и-и!!!

Нож Олёны неуверенно кольнул меня в шею. Но для обрадовавшихся стрельцов командирский чих послужил прямым приказом! А приказы, как известно, не обсуждают... Молодцы дружно окатили всех нас двадцатью ведрами ледяной колодезной воды!

– Пожа-а-а-ар!!! – вдохновенно подхватили бабы.

Я, отфыркиваясь, перехватил руку завизжавшей девушки и хлестким ударом вышиб нож.

– За мной, молодцы! – паровой сиреной взвыл мокрый, как курица, Еремеев. Стрельцы, размахивая пустыми ведрами, кинулись в атаку. Бабы соответственно усилили вой. Через пять минут из кучи малы, по уши в грязи, вылез я и выдернул за ногу Митьку. Олёна, гибкой змеей выскользнув из стрелецких рук, кинулась к сараю. Мы бросились следом,

но уже у самых дверей она вдруг пропала. Просто исчезла, как будто ее стерли с листа бумаги.

– Шапка-невидимка?! – переглянулись мы с напарником, но рассуждать было некогда – неведомая сила словно взорвала изнутри крышу сарая, и в образовавшемся проеме показались высокие борта древнерусской ладьи с крыльями. Может, я путаю тип судна, мне он показался более похожим на укороченный драккар викингов, без мачты и парусов, зато с крылышками. Новенький, оранжево-золотистый, свежеструганый, без узоров и канители, но таких красивых пропорций... Летучий корабль казался очень небольшим, на пять-шесть человек, но он полностью оправдывал свое название, величественно поднимаясь в воздух. От такого торжественного зрелища у меня даже перехватило дыхание... Сосновые крылья махали так, что пыль поднималась столбом. На корме показалась высоченная тощая фигура в голландском купеческом костюме. Злорадную улыбочку Кощея я бы узнал из тысячи...

– Прощай, сыскной воевода! Ничего у тебя не вышло, и рад бы укусить, да зубки слабеньки... Руками придерживай, не ровен час – выпадут!

Летучий корабль находился уже метрах в трех над моей головой, когда торжествующий смех Кощея Бессмертного оборвался – беззвучно взлетели ввысь длинные черные веревки, и стальные крюки намертво вцепились в деревянные борта корабля. Попали почти все! Летучий корабль вздрогнул и замер, крылья недоуменно дернулись. Намертво пришвартованный к лукошкинским заборам, он возмущенно задрал нос, но деваться было некуда. Наш главный преступник что-то забормотал, и от его заклинаний в перелетное судно словно вселились новые силы. Канаты лопались, трещали доски, двое или трое охотников повисли под днищем, стараясь своим весом не дать врагу улететь. В одном из таких отчаянных героев я в шоке узнал Гороха! И похоже, не я один...

– Гляньте-ка, православные! Ить это ж царь... – Горожане, задрав головы, уставились на невиданное диво, пытающееся взмыть под облака.

– Митька, где Яга?!

– Должна сию минуту быть, Никита Иванович!

Только бы она успела... Уйдет, уйдет же, подлец! Порвались еще две веревки, у чьей-то крыши сломался конек, летучий корабль здорово кренило на один борт, но он медленно отвоевывал у нас сантиметр за сантиметром.

– Митька, поймай царя! – Я плюнул на все и, нахлобучив мокрую фуражку на уши, полез на ворота. В это время Кощей на корме прекратил

возню с заклинаниями и взялся за меч. Взмах – и один из храбрецов рухнул вниз с обрезанным канатом в руках.

– Огонь!!! – не своим голосом завопил я. Стрельцы, прятавшиеся на крышах, дали по преступнику дружный залп! Вой, который испустил Кощей Бессмертный, нельзя было сравнить ни с чем... Ей-богу, такому воплю сам Тарзан бы обзавидовался! Крупнокалиберная соль в стволах стрелецких пищалей сделала свое дело. Злодей начал бегать от носа к корме со страшной скоростью, почесываясь, как сумасшедший. К сожалению, на подъемную силу летучего фрегата это не повлияло... Даже наоборот – все, кроме царя, выпустили веревки и, рискуя свернуть шеи, прыгнули вниз. Митька со своим подвигом влез, как всегда, не вовремя... Отчаянно изогнувшись, он совершил абсолютно невозможный прыжок с крыши соседского дома, поймав ноги государя мертвой хваткой. Горох разматерил всю улицу, но такого «довеска» не выдержал, вынужденно разжимая руки. Они оба рухнули в чей-то двор, а летучий корабль, обрадовавшись полученной свободе, резво взмыл ввысь.

– Эхма... ушел-таки... – тихо раздалось в толпе.

– Да, не удержали... Видать, мало каши стрельцам царским дают.

– Молчал бы уж! Рази такую махину диковинную десятком молодцов удержишь? Всем миром браться надо было... Что ж ты не попросил, участковый? Мы бы подсобили... – На этот раз в народе зазвучали голоса, полные незаслуженной обиды. Я глянул вниз, с ворот, на честные лица простых лукошкинцев, и мне действительно стало как-то... стыдно. Они правы, Кощею не удалось бы уйти, если б я обратился за помощью к людям. На Колокольную площадь на полном скаку ворвались три телеги, доверху груженные прозрачными кусками соли. Спрыгнув с передней, ко мне быстрыми шагами засеменила Яга. Бабкина хромота почти не замечалась – хороший признак...

– Собирай народ, Никитушка, проси подсобить.

– В чем? – Я опустил глаза. – Все кончено, он ушел... Мы не сумели...

– Да ты вверх-то глянь, умник! Нашел время слезы лить... Поднимай народ, Кощей возвращается!

Казалось, кто-то прокручивает назад ленту киноплёнки. Летучий корабль, собственной персоной, сделав эффектный круг в поднебесье, приветливо помахивая крылышками, пошел вниз. Как, зачем, почему? Не было времени даже задуматься... Лично я сдуру решил, что это Кощей возвращается мстить нашим снайперам за соленое угощение. Кстати, надеюсь, они догадались перезарядить пищали? Но, как бы то ни было,

корабль плавно и неуклонно снижался на двор кожевенной лавки к развалинам того же сарая, откуда и взлетал.

– Граждане лукошкинцы! Вот он, ваш час! От всей души прошу всех желающих оказать нам посильную помощь в задержании особо опасного преступника!

– Мы желаем! Все пойдем! От радость-то... Говори, что делать надобно, сыскной воевода!

Я постучал себя кулаком в грудь, китель хоть выжимай, глянул наверх и продолжил:

– Сейчас эта летающая лодка опустится пониже, и мы должны постараться до краев загрузить ее солью. Вон три телеги, кидайте как получится, пока под тяжестью груза они не совершат вынужденную посадку. Стрельцы поддержат вас прицельным огнем. Но на корабль никому не лезть! Преступника будем брать измором...

Кощей на корме бесновался, как мог. По-моему, он уже исчерпал весь запас и ругательств и заклинаний. Народ ретиво расхватал солидные куски колотой соли размером с кирпич и бросился в атаку. Первым залпом вверх взвилось не менее полутораста килограммов соли! Гражданина Бессмертного просто завалило... Пока он выбирался наружу, воодушевленные мужички понарасхватили почти всю первую телегу. В Кощеевых руках замелькали зеленоватые молнии, видимо, он все-таки рассчитывал хоть кого-нибудь покарать. Но еремеевцы дали жару из всех стволов! Я никогда не слышал, чтобы человек так вопил... С другой стороны, Кощей Бессмертный все же и не совсем человек. А летучий корабль, слегка коснувшись земли, вновь взмыл в небо. Мы, как дураки, остались внизу...

– Не печалься, Никитушка, помощничков-то не распускай, – поспешила утешить Баба Яга. – Чую я, злодей наш опять сюда же вернется... Чей-то у него в управлении заклинило. Не туда пошло, что ли...

– Туда... – ошарашенно выдавил я – прозрение было слишком неожиданным. – Именно туда, бабуля! Где были мои мозги?! Царь же показывал мне действующую модель – маленький кораблик, летающий по комнате. Круг под потолком – и на то же место! Понимаете?

– Нет, но чую – вернется!

– Естественно, вернется! Ведь он сделан по тем же чертежам, что и уменьшенный образец. Значит, будет так же садиться и взлетать, садиться и взлетать, только с большей амплитудой разбега... Граждане, благодарю за помощь и моральную поддержку! Через пару минут он еще раз приземлится, так что не откажите посодествовать в разгрузке и второй

телеги!

– О чем речь?! Пособим милиции! Как скажешь, участковый! Дяденька, а можно и я кину?

...Мужчины и женщины, старики и дети наперегонки ломанулись разгружать вторую телегу. Забава становилась всенародной! Когда летучий корабль, сделав положенный разворот, лег на прежний курс – мы ждали его во всеоружии...

– Без приказа – не кидать! – прикрикнул я на самых ретивых.

Привлеченные грохотом и пальбой горожане прибывали со всех сторон, и Колокольная площадь была запружена почти до отказа. Забор у кожанной лавки попросту рухнул, не выдержав напора толпы. Народ уточнял, где плохие, и требовал свой кусок соли, мстительно покачивая его в мозолистых руках. Кощей Бессмертный сверху уже не ругался, а только выл. В бесплодных попытках подчинить корабль своей воле он попытался грызть борта, лупить мечом по корме, топтать палубу ногами, но толку было – ни на грош! Поняв, что положение безвыходное, злодей начал лихорадочно швыряться в нас булыжниками соли. Ему это давалось ценой нечеловеческой боли, но и в толпе кому-то раскровянило башку.

– Внимание! Приготовиться! Дружно, залпом, огонь!!!

В воздух взвился целый вихрь смертоносной соли. Пока летучий корабль опускался, пока взлетал вновь, лукошкинцы добротнo загрузили его почти вровень с бортами. Кощей Бессмертного завалило по самую шляпу, из соляной горы торчала лишь обуглившаяся рука, сжимающая черный меч.

– А ить получается, Никитушка! Глянь, как тяжело вверх ползет... Ровно в туесок девичий вместо ягод подков насовали.

– Точно, – согласился я, – когда он вновь пойдет на посадку, мы загрузим его окончательно. Арест Кощей будет произведен, несмотря ни на что! Так-то, бабуля...

– Охти ж мне... – неожиданно вспомнила Яга, – а царь-то у нас где?!

– Царь? Какой царь? Ах, царь... да вон в тот двор упал, вместе с Митькой.

– Не смешно, участковый, – насупилась бабка. – У Мити головушка дубовая, ежели об землю треснется – яма глубокая будет... А народу царь нужен! И не на голову ушибленный... Пошли-ка стрельцов за государем!

Мне было не до того, но затруднительное положение разрешилось само собой. Из ворот того дома, в чей двор рухнули наши герои, показался весь облепленный соломой мокрый Митька. На шее у него болтался хомут, а в руках извивался большой, замотанный в рогожу сверток. Народ

расступился перед ним в почтительном молчании, как перед инвалидом многих войн...

– Митя, где царь?

– Царь? Какой царь? Ах, царь...

– Митька-а-а!!! – возопили мы с Ягой в один голос.

Наш младший сотрудник, наморщив лоб, делал вид, будто старается что-то вспомнить...

– Ох и крепко маковкой стукнулся... – наконец доложил он. – Ногами крышу пробил, а там головой вниз, да по бревну, да в поилку, да об пол, соломкой присыпанный... Вот тока соломка подстеленная и спасла. Спасибо добрым людям, что внизу конюшню поставили. Вот ежели бы кузня была... Да об наковальню лбом, больно же небось?!

– Митя, где Горох?! Говори быстрее, несчастный, корабль уже опускается!

– Горох? – Похоже, он вновь отключился. – Не было там гороху. Овес был, ячмень в мешке вроде, а горохом кто ж лошадей кормит? Всё сеном больше...

– Бабуль, покомандуйте гражданами, пока я его задушу! – вежливо попросил я, но Митькина мысль, блуждая по логическим цепочкам умозаключений, все-таки нашла правильное решение:

– А-а... так вы о государе нашем беспокоитесь?! Не извольте волноваться, Никита Иванович, уберег я царя-батюшку... Шеи своей не пожалел, куда помазанник Божий мне всем задом с размаху и хряпнулся!

– Граждане, приготовиться! Всю соль разобрали? Вот и отлично, третьей телеги должно хватить за глаза... Итак, кидаем строго по моей команде! Митя, прости, что перебил, продолжай, пожалуйста.

– Покалечился надежа-государь... – печально объявил Митяй, по-прежнему не выпуская из рук сверток. – Я-то, как на четвереньки вскочил, вижу, мается он в стороночке и стонет так тихохонько... Вроде маму мою зовет, а зачем? Ну, я его поймал, бедного, чую, царь-то наш как есть весь переломанный! Сложил я его поаккуратистей, уж как сумел... не лекарь, не знахарь, академиев в Сорбонне не заканчивал! В рогожку увязал, думаю, бабушка Яга покумекает да и соберет государя-батюшку еще лучше прежнего. Вот он, для вас берег...

Яга, до сего момента стоявшая столбом, икнула и кинулась разматывать сверток. Я сбил фуражку на затылок, взмахнул рукой, и народ дал по Кощею очередной залп! Летучий корабль, из последних сил махая крыльями, тяжело грохнулся оземь, сделал несколько грузных попыток оторваться, но не смог... Гора хрустально-серовой соли высилась в нем

так, что борта трещали. Радостные лукошкинцы, словно малые дети, прыгали вокруг, упоенные победой над самым непобедимым злодеем их эпохи! Господи, неужели мы действительно это сделали? Баба Яга подвела ко мне освобожденного Гороха. Царь прихрамывал, тяжело опираясь на плечо бабки, но вид имел грозный и деловой.

– Еремеев! Ко мне! – Я спрыгнул с дрожащих ворот, где, собственно, и руководил всем сражением, хлопнул по плечу подоспевшего Фому и обернулся к государю: – Ну что, пойдемте производить арест?

Кощея извлекли не сразу. Сначала царь собственноручно отключил какой-то неизвестный мне шпенек, и крылья летучего корабля замерли в неподвижности. То, что стрельцы извлекли из-под тяжелых пластов соли, не имело ни малейшего сходства с тем Кошеем, которого я знал. Просто какой-то обугленный скелет в драных лохмотьях, не подающий ни малейшего признака жизни. По совету многоопытной Бабы Яги его с ног до головы заковали цепями и в осиновом гробу отправили в царские темницы. До справедливого решения суда тело должно было находиться там. Хотя, как я понимаю, гражданин Бессмертный вполне мог и симулировать... Но вроде бы завтра отец Кондрат точно должен прибыть в Лукошкино, а при нем Кощей не посмеет даже пикнуть. Мы втроем не спеша направились в родное отделение, Горох увязался было следом, но его вовремя перехватили бдительные бояре. В захвате летучего корабля они демонстративно не участвовали, а вот по окончании всего шума соизволили прибыть, дабы напомнить государю о невозможности ронять царское величие пешей прогулкой с простолюдинами. Фома и его охранная сотня остались на месте преступления, там требовалось навести серьезный порядок и организовать ночную охрану «стратегического объекта». Летучий корабль, несколько потрепанный и поцарапанный, все еще был готов к эксплуатации. Улететь на нем, конечно, невозможно, но желающих просто покататься оказалось не так уж мало. Вроде бы взрослых мужиков приходилось отгонять как вредных мальчишек...

Баба Яга отправилась в терем, накрывать на стол, а нас прогнала в баню. Это правильно, в их времена все серьезные дела начинаются и заканчиваются баней. Не самая плохая традиция, скажу вам, а учитывая наше промокшее состояние... Митька опять заботливо взялся за веник, но лично у меня вторично обречь себя на порку не было ни малейшего желания. Парились недолго, я хотел о многом поговорить с Ягой. К нашему возвращению из бани бабка расстаралась, как могла. Особых разносолов, конечно, не было, но для голодного милиционера и подогретые щи с остатками курника казались настоящим пиром. Настойку Яга достала

новую, лимонно-медовую, желтовато-янтарного цвета. Выпили молча, ели – тоже, разговорились позднее...

– А вот скажите, Никита Иванович, что ж царь теперь с Кощеем делать будет, коли он бессмертный?

– Ну не казнить, это точно... – важно подтвердил я. – Скорее всего, по зрелом размышлении, отправит куда-нибудь на окраину, в самый дальний острог. Там посадят в одиночную камеру, закуют в кандалы понадежнее, и... достаточно долгое время он не будет нас беспокоить.

– Чей-то недопонял я...

– А че ж тут непонятного, – пояснила Баба Яга, – рази ж какая тюрьма Кощея удержит? Ежели не сам цепи порвет, так найдет дурака-царевича, тот его пожалеет, водицы испить даст, а уж там и... Нет, милоч, отродясь такого не бывало, чтоб сам Кощей Бессмертный из застенков каменных да кандалов железных сбежать не смог!

– Ну и шут с ним! – храбро заключил Митька. – Пущай себе бежит, а мы опять поймаем – и в кутузку!

– Это правильно. Работа у нас такая, интересная: они бегут, мы ловим. Ты бы вот лучше рассказал, почему Борова и Свина проворонил? Говорил, нет их. А они вон какие шкафы, в неподходящее время выискались...

– Да спрашивал же я, спрашивал! – виновато поник парень. – Соседи смеялись только... Дескать, у них что ни боров – то Борька. Имя-то самое свинячье. А боровов Юрок и нет ни одного, хотя свинья с поросятами почитай что у каждого во дворе имеется... Но ить взяли же их?

– Взяли, но это не твоя заслуга. Задержание двух уголовников, плотников экстракласса, произвели еремеевские ребята. Кстати, Фома вскользь упомянул, что оба вопят о своей невиновности. Они якобы творческие люди, члены какого-то союза, были приглашены на секретную миссию и, на кого работают, абсолютно не подозревали...

– Врут! – твердо припечатала Яга, хлопнув ладонью по скатерти. Стол дрогнул, бабка смутилась и разлила всем по второй.

– Врут, естественно. Только смертная казнь им за это все равно не светит. Убийств на них нет, особо тяжких преступлений тоже, пусть потрудятся годок-другой в исправительной колонии строгого режима. Может, сумеют организовать на каторге кружок по выпиливанию лобзиком...

– Никита Иванович, а вот я насчет девицы преступной, Олёна которая... – вновь загорелся Митька, за что Яга быстро отвесила ему воспитательный подзатыльник.

Я немного помолчал, но в принципе парень был прав...

– Видимо, ей удалось бежать. Я отвлекся на летучий корабль, от стрельцов информации насчет ее поимки не поступало. Сам ведь видел, как она буквально растворилась в воздухе...

– Шапка-невидимка! – напомнила бабуля.

Мне оставалось только признать свое поражение:

– Попробуем завтра допросить Кощея, он должен дать исчерпывающую картину тех печальных событий. Но если ничего не изменится, то... Олёна по-прежнему остается главной подозреваемой во всех четырех убийствах. Она знала, что мы будем в трактире Поганова, она передала свое кольцо сообщнице Настасье и вполне могла заявиться на встречу утром. Видя, что все пошло не по установленному сценарию, она отравила Селивестра Петровича. Бегство Настасьи тоже могло быть делом ее рук... Ей так же ничего не стоило отравить дворника, который мог дать нам информацию о единственной подружке своей дочери. Она легко подсыпала яд и самой Ксении Сухаревой, хладнокровно убив ее за чаем и подготовив для нас фальшивую улику. Наверняка именно она дралась с нами у поруба, а потом заколола бывшую поделницу...

– И мы такую злодейку преступную на свободе оставили?! – пораженно вытаращился наш младший сотрудник.

Я только развел руками:

– Будем искать. Пока она в шапке-невидимке, ей ничего не стоит уйти. Тем более что таможня теперь откроет все ворота. Но мне почему-то кажется, что мы с ней еще встретимся...

– Да уж не кажется! – изменившимся голосом вскрикнула Яга. – Чую запах чужой, девичий прямо за дверями нашими... Митенька, возьми-ка за хват, вот тока драки мне в доме напоследок не хватало!

...Дверь в горницу осторожно приоткрылась и в образовавшемся проеме показалась настороженная морда бабкиного кота. Мы облегченно выдохнули... Кот Василий бочком втиснулся в помещение и, поклонившись мне, сунул что-то в сморщенные руки Бабы Яги.

– Батюшки светы! Да тут записка тебе, Никитушка! То-то я чую – запах девичий...

– Что там? – изо всех сил стараясь казаться равнодушным, бросил я.

– Да так... – подмигнула бабка, – ничего особенного. Выдь-ка за ворота, там тебя одна знакомая для разговору дожидается.

Я, схватив в охапку фуражку и китель, прыгнул к дверям. Митьку, попытавшегося шмыгнуть следом, перехватила бдительная Яга.

– Дык... как же так, бабуля?! А вдруг это убивица многоопытная, Олёна-уголовница?

– Она и есть.

– Она?! И вы меня тут задерживаете?! Да ведь Никита Иванович один там и без оружия оборону держит. А пособить-то против злодейки и некому... пустите-е-е!

– Сиди, неслух! – Баба Яга силой усадила огромного Митьку на лавку и заткнула ему рот пряником. – А то я дура совсем, не знаю, когда участкового нашего одного отпустить можно? Не лезь в энто дело, сами разберутся! Не тронет она его, да и он ее в тюрьму за косу не потащит. Но о том – молчок! Не то опять петухом оберну, тока кому кукарекни...

Митька надулся и обиженно зачавкал медовым пряником.

...Олёна стояла у забора, немного в стороне от наших ворот. Я сразу увидел ее, но подошел с трудом, ноги резко стали ватными, а в руках появилась непонятная слабость. Мы довольно долго молчали, не зная, с чего начать. Потом она мягко взяла меня под руку, и мы неторопливо направились вдоль по улице. Такая тихая, ночная прогулка милиционера и преступницы...

– Зачем вы пришли?

– Хотела все рассказать. Я понимаю, как глупо это выглядит... Там, в лавке, вы обвинили меня в смерти Ксении. Так вот, я ее не убивала.

– Вас видели стрельцы, – словно бы оправдываясь, сказал я.

Она покачала головой:

– Ксюша была необыкновенным человеком. Поверьте, на мне много грехов, но... Я втерлась к ней в доверие, убедила взять меня с собой к царю и выкрала чертежи. Все придумал Кощей, он как-то увидел их в своем волшебном зеркале. Потом... Наверное, что было дальше, вы знаете не хуже меня?

– Рассказывайте.

– Город «закрыли», я не успела сбежать. Пришлось звать сюда Кощея, он приехал. Тайное убежище во дворе кожевенной лавки было приготовлено заранее. Кощей не хотел возвращаться просто так, он рвался отомстить вам за какие-то прошлые обиды...

– За что вы убили дворника?

– Я не убивала его, – устало, но твердо заявила Олёна, крепче сжимая мою руку. – Я была у них в доме, когда он вернулся из отделения. Николай Степанович был очень умным человеком. Он сразу же понял, кто мог быть причастен к краже, но донести на меня... Этого он не смог бы никогда! Тем более что его дочь Ксения была бы признана сообщницей, а у нее мало заступников при дворе. Утром я узнала, что он...

– Принял яд, – медленно протянул я. – Ушел из жизни подобно почитаемому им Сократу. Почему он не поверил мне?! Господи Боже, хоть когда-нибудь вразуми интеллигентов!

– Кощею это понравилось. Когда я... заманила вас кольцом, мы передали его Настасье с разбойничьего двора Поганова. На рассвете я должна была проверить, как все прошло, и на всякий случай захватить с собой такого же яду. Вам не судьба была умереть... Увидев у ворот стрельцов, я надела шапку-невидимку и прошла внутрь. Эта кружка с ядом предназначалась вам... Тот здоровенный парень, Митя, едва ли не вырвал ее у меня. Смерть Поганова была случайной, он давно служил Кощей и был ценным холопом...

– Но кто же тогда убил Ксению?

– Кощей. Когда я ушла, она была жива. Наверное, он почувствовал, что Ксюша стала для меня чем-то большим... Он отравил ее, а потом смеялся мне в лицо. Сказал, что оставил для вас рыжий волос и что Настасью пора сдавать. Дьяка тоже надо было убирать, но весь спектакль затевался с одной только целью...

– Повесить все преступления исключительно на нее? Дальнейшее почти понятно, если вам тяжело говорить, то не надо...

– Чего уж там... – Она грустно улыбнулась, и в ее черных глазах на миг блеснула такая безысходная тоска, что у меня едва не остановилось сердце! – На совести Настасьи много загубленных душ. Она вертела Погановым, как хотела, и ей нравилось убивать... Я очень легко всадила в нее нож. Кощей не поверил, что мне не удалось добраться до дьяка, и ночью пошел на вас сам. Как вы спаслись – ума не приложу... От него еще не уходила ни одна жертва!

– Нам повезло, – лаконично объяснил я, – попался сумасшедший петух. На некоторых преступников кукареканье действует отрезвляюще... Олёна, я все понимаю, но тем не менее кража и убийство все равно имели место. По долгу службы я был бы обязан вас арестовать. Конечно, то, что вы пришли сами, можно попробовать оформить как явку с повинной, и тогда...

– Нет, участковый! Разве я бы просто так пошла? Умирать не хочу, а иного мне царь не отпустит...

– Ну почему же? Горох не настолько жесток, как трактуют учебники по истории. А к молодым, оступившимся девушкам тем более лоялен. Я думаю, что мы могли бы...

– Ничего мы с тобой не могли бы, Никита Иванович. – Олёна выпустила мою руку и чуть не плача остановилась. – Да посмотри же ты на

меня, дитя недогадливое! Я же не человек... я...

Она стянула с головы красную ленту и, раздвинув густые волосы, показала мне маленькие рожки. Можно подумать, меня это убило на месте... Да я даже не удивился!

– Ну и что? Я видел такие у шамаханов. Вы из их орды? И хвостик маленький есть...

– Есть! И не маленький! – сердито притопнула Олёна, видимо, страшно довольная тем, что я не упал в обморок. – Не шамаханка я, а бесовка! С малолетства у родителей украденная и Кощею в холопки проданная. И быть мне в обличье бесовском, покуда...

– Не появится добрый молодец и не поцелует? – Я решительно сделал шаг вперед, обнимая ее за плечи.

– Быстрый какой... да если бы! – Она тихо вздохнула и прильнула ко мне на грудь. – Покуда срок мой не выйдет, а границ его я и сама не ведаю.

– Можно у Яги спросить, вдруг она знает?

– Вот и спроси... А меня не держи пока. Поверь, сыскной воевода, я и сама к тебе прибегу, как только сумею. – Теплые девичьи губы на мгновение коснулись моей щеки. – Ты только дождись меня... А на прощанье подарочек возьми, Бабе Яге покажи, в твоём деле милицейском, очень полезная вещь будет.

– Олёна-а-а!

Она выскользнула, что-то сунув мне в руки, и скрылась в темном проулке. Мне безумно хотелось ее догнать и... Нет! Не арестовать, а сказать ей... Как все запутано! Что я буду завтра докладывать Гороху? Как теперь прикажете закрывать следствие? Придется пойти на явный подлог и подтасовку фактов... Бабка меня поймет, Митьке и знать незачем, а с царем мы как-нибудь договоримся. В конце концов, чертежи у него, летучий корабль тоже, а истинный виновник смерти Ксении Сухаревой найден, задержан и ждет скорого суда.

...Уже в отделении я отдал Яге маленькую круглую шапчонку образца узбекской тюбетейки.

– Шапка-невидимка! – обомлела наш эксперт. – Да как же ты, голубь, такую редкость раздобыть умудрился? Али краля твоя сама отдала сподобилась...

– Она не краля.

– Ага, помню – потерпевшая!

– Ладно, смейтесь надо мной, издевайтесь, как хотите, мне уже все равно... – Я бухнулся на скамью, положил руки на стол, поудобнее улегся сверху и задремал. Дрема плавно и незаметно перешла в тихий, глубокий

сон...

– Никитушка, ты бы слазил в погреб за сметанкою. Митька к девкам царским объясняться побег, а у меня чтой-то поясница с утра так и ломит... – жалостливо попросила бабка.

Я сидел за столом, и сладкий запах свеженапеченных блинов призывно щекотал ноздри. Яга права, какие русские блины без сметаны?

– О чем разговор, бабуль? Уже иду!

Я быстренько откинул в сторону половичок, поднял тяжелую крышку погреба и спустился по ступенечкам вниз. Сметана стояла в коричневой кринке, на полке слева, ее я нашел сразу. А повернувшись, увидел ухмыляющуюся морду кота Василия, передними лапами опускающего крышку...

– Ах ты, гад! – с чувством выругался я и полез по лесенке в полной темноте. Не рассчитав скорости, гулко ударился головой. Крышка подвала легко подалась, и сквозь хлынувший водопад свет мне навстречу протянулась мужская рука... с командирскими часами на запястье.

– Вылезай, Ивашов! Пошли быстрее, а то без тебя все ученья кончатся.

Я ошарашенно поднялся вверх и ахнул. Неизвестно какой замызганный домик, два улыбающихся сержанта, мои товарищи по прошлой службе в Москве... Где же я?! В разбитом оконце виднелась шоссейная дорога с пробегающими автобусами, на горизонте белели айсберги многоэтажек, моросил мелкий подмосковный дождь...

– Да ты что, Ивашов, не в себе?!

– Не в себе... А где же Яга, где Митька, где мое Лукошкино? Как я сюда попал? За что?! Я не хочу! Я... я... ма-ма-а-а!

– Никита! Никитушка! Да что же с тобой, сокол ты наш ясный?! – Баба Яга встревоженно трясла меня за воротник. Я открыл глаза, вцепился в нее обеими руками, обнял, прижал к себе изо всех сил и срывающимся голосом прошептал:

– Сон... просто страшный сон... Приснится же такое!

– Да что же тебе, касатик, приснилось? – искренне поинтересовалась бабка, не избалованная такими знаками сыновней привязанности с моей стороны.

– Ку-ка-ре-ку-у-у-у!!! – с яростным, душевным надрывом проорал петух во дворе, начисто перекрывая мой ответ. Мы подозрительно переглянулись... Неподходящее для кукареканья время – час ночи!

– Неужели опять Кощей?

– Навряд ли, он ить в цепях, в темнице, царского суда дожидается...

– Тогда с чего петух орет?

– Не ведаю... Я ж излечила его, бедного, он теперича тока вовремя голосить должен.

– А... не извольте беспокоиться, – с удовлетворенным прихрапыванием донеслось из сеней. – Я это в честь победы великой, над Кощеем, значитца, решил это... петушка нашего геройского побаловать. Угостить от души! Насыпал ячменю отборного в мисочку да зеленым вином залил, не поскупился... Пущай птица порадуетса, шутка ли – самого Кощея одолели! Так вы уж... а-а-хр-р! на петушка-то не серчайте, это он с похмелья поет!

– Бабуля, – страдальчески взвыл я, – пустите меня, я его все равно уволю!

– Ну не надо! Не сердись на мальчоночку, – пустилась уговаривать Яга. – Мы-то вот сядем-ка лучше да чайку попьем. А хоть время и позднее, ты мне про сон свой страшный все порасскажешь. Я ить в снах ох как разбираюсь...

– Ладно... сейчас чай, а Митьку уволю завтра, – угрюмо решил я.

Хотя на завтра, если честно, оказалось столько дел... И послезавтра тоже, а там дальше – больше! Беготня, суета, утрясение всех бумаг, отчетов и докладов. В сущности, ничего особенно интересного, рядовая рутина. Следствие мы закрыли. Гражданин Кощей Бессмертный получил пожизненное заключение в самом дальнем сибирском остроге. Летучий корабль подкрасили и теперь используют для катания публики на ярмарках и по воскресеньям. Мастера трудятся над созданием новой, более усовершенствованной модели, но Горох уже охладел к этой идее. Дьяка вновь взяли на работу в думский приказ, дней пять он говорил со всеми необычайно вежливо, но вроде вчера опять сорвался... Псурова боярин Бодров еще более приблизил к себе как безвинно пострадавшего великомученика от милицейского произвола. В награду за удачно проведенную операцию государь выдал нам премию. Большая часть денег ушла на откуп Митьки от женитьбы. Я беседовал с Ягой насчет Олёны, но это слишком уж личное... В остальном все было хорошо. Тихо, скромно, просто, но со вкусом. Вы не поверите, мы жили без проблем вплоть до самой зимы! А с первым снегом нам выпало такое-е-е дело... Но это, сами понимаете, уже совсем отдельная история...

Веселые детективы фантаста Андрея Белянина

*Рассей пустую думу. Бомарше
Говаривал мне: «Слушай, брат Сальери,
Как мысли черные к тебе придут,
Откупори шампанского бутылку
Иль перечти „Женитьбу Фигаро“».*

А.С. Пушкин

Пушкинский Бомарше, цитируемый Сальери в разговоре с Моцартом, конечно же был прав. Прав как истинный сын своего века, века «отрицанья и сомненья». Веселость, легкость литературного произведения считалась в XVIII веке одним из главных его достоинств. «Поучая, забавлять» – такую задачу ставили перед писателем теоретики классицизма.

Пишите языком доходчивым и внятным,
Умея сочетать полезное с приятным, –

призывал собратьев по перу Никола Буало. «Имеет право на существование любой литературный жанр, кроме скучного», – утверждал Мольер. Так было...

Со временем литература разучилась просто улыбаться. В особенности это относится к российской словесности. Даже в благословенном остроумном XVIII столетии наши ведущие поэты, драматурги и прозаики не улыбались, а насмехались, критиковали, жгли огнем «пламенной сатиры». Уже в следующем, XIX веке «серьезность» стала одним из основных требований, предъявлявшихся критикой и обществом к литературе. И редкие смельчаки, пытавшиеся писать смешно, вынуждены были маскироваться. У Гоголя – не просто смех, а «смех сквозь слезы». Примерно то же (конечно, со многими оговорками) мы видим и у Салтыкова-Щедрина.

XX век – век революций и двух мировых войн – тоже не очень-то давал расслабляться. Аверченко, Ильф и Петров, Булгаков, Войнович,

Стругацкие (имеются в виду «Понедельник...» и «Сказка о Тройке»), многие другие, коих уже и не упомнишь. Разве они улыбались? Так ли смешны Максудов, Чонкин и даже сам неподражаемый Остап Бендер? Все та же «муза пламенной сатиры» вдохновляла авторов на создание их бессмертных творений. А как хотелось порой именно расслабиться, отвлечься за бутылкой «Советского шампанского» и книгой нашего собственного Весельчака от грустных раздумий о судьбах Отечества, о хлебе насущном, очередях и дефиците...

Но вернемся к мысли Мольера о скучных и веселых жанрах. Детектив уже по определению – нескучный жанр. Однако можно ли считать веселой книгу, где описываются кражи, убийства, розыск и задержание преступника? Бывает и такое. Например, польская романистка Иоанна Хмелевская создала едва ли не классические образцы так называемого «иронического детектива». Или Картер Браун с его сериалом о детективе в юбке Мевис Зейдлиц – «зеленоглазой блондинистой дурище». Да чего далеко ходить. Взяв в руки любой из детективов современной российской писательницы Татьяны Поляковой, вы будете хохотать уже на второй или третьей странице. Кстати, не заставляет ли задуматься тот факт, что почти все иронические детективы повествуют именно о женщинах-сыщиках (вот вспомнилась и шеф детективного агентства Берта Кул из романов Гарднера). Это симптоматично – все же детектив серьезный жанр. Следствие, как правило, в нем ведет мужчина. Сыщик-женщина (за исключением разве что мисс Марпл) уже с самого начала воспринимается как насмешка над благородной и достаточно тяжелой профессией. Не случайно до недавнего времени в школах милиции девушки-курсанты были редкостью.

А если задачу усложнить еще больше? Попробуем отыскать не просто веселый детектив, а веселый фантастический детектив. Ну, в зарубежной литературе это, естественно, Роберт Асприн. В российской же аналогов почти нет. Есть веселая фантастика, но не детективная. Есть и фантастические детективы. Однако они слабо подпадают под определение «веселый». Здесь мы вновь возвращаемся к той же проблеме, о которой говорилось выше: смешна ли книга, описывающая убийства и насилие.

Думается, после нашего длинного вступления у читателя уже не должно возникнуть сомнений, что книга, которую он держит в руках, в некотором роде явление редкостное для современной российской фантастики. Редкостное уже хотя бы потому, что главным героем веселых фантастических детективов астраханца Андрея Беянина (его «Летучий корабль» – третья часть цикла, начатого романами «Тайный сыск царя

Гороха» и «Заговор Черной Мессы») является не крутой сыщик-супермен, балансирующий на грани закона и беззакония, не хитроумная зеленоглазая блондинка, владеющая приемами карате и восточной магией, а обычный парень, участковый милиционер. Этакий гибрид дяди Степы и Анискина.

Говоря о творчестве Андрея Беянина, известный критик В. Гопман справедливо отмечал, что книги писателя – «своеобразный пастиш» (этим термином принято называть художественное произведение, представляющее собой монтаж из различных произведений одного или нескольких авторов). Данное определение отчасти верно и в отношении цикла о «тайном сыске царя Гороха». Особенно применительно к первой книге. При знакомстве с нею сначала вспомнилась старая шутка о том, как ученые, заложив в компьютер специальную программу, получили универсальный русский анекдот. Показалось, что А. Белянин попытался под одной обложкой объединить все модные нынче литературные жанры: детектив, боевик, «славянское» фэнтези, мистику и шуточный (балаганный) роман. Мы предположили даже, что автор хотел написать пародийный роман, обыгрывающий штампы названных выше жанров. Однако при подготовке данного послесловия пришлось перечитать «Тайный сыск...», чтобы сопоставить его с «Летучим кораблем». И все три романа выстроились в особый ряд, где каждый новый компонент сложнее предыдущего.

Литературные реминисценции вообще являются одним из самых распространенных приемов в современной российской фантастике. Некоторые писатели используют в своих текстах скрытые, но всеми узнаваемые цитаты из произведений друзей и «неприятелей» по цеху. Это своеобразная игра. Элемент то ли богемной тусовки, то ли литературной борьбы. Примеры находим в романах Л. Вершинина, А. Валентинова, С. Лукьяненко и Ю. Буркина и др. Иные же авторы уснащают книги реминисценциями для того, чтобы поставить свои сочинения в общелитературный контекст. Такая традиция идет еще от «Слова о полку Игореве», в зачине которого поэт упоминает своего предшественника и наставника Бояна. В подобном ключе работает Г.Л. Олди. Творчество Андрея Беянина ближе именно ко второму роду сочинений. Расставив в начале «Тайного сыска» литературные маячки-ориентиры, показывающие, на что именно может рассчитывать читатель, взявший в руки его книгу, писатель в дальнейшем уже не возвращается к этому. И если в ранних его вещах (трилогии о Мече Без Имени, «Джеке Сумасшедшем короле») реминисценции служили чем-то вроде тягача для толкания сюжета, то в «Рыжем рыцаре» и «Летучем корабле» Белянин уже прекрасно обходится

без чужих «технических средств», полагаясь в основном на свои собственные силы.

Почти во всех книгах А. Беянина используется один и тот же сюжетный ход: перемещение героя во времени и пространстве и приключения его в новой реальности. Что ж, мировая литература изобрела не так много сюжетов, чтобы они не повторялись. Если писателю нравится работать именно в данном направлении и книги его не напоминают одна другую – бога ради. Беянину, на наш взгляд, пока удалось избежать самоповторения. Он еще не попал в тот замкнутый круг, из которого писателю бывает так трудно, почти невозможно выбраться. Хотя опасность такого рода существует и о ней следует помнить. Пока же его книги, в частности веселая детективно-фантастическая трилогия из времен царя Гороха, – это очень приятные и увлекательные тексты, написанные добротным языком, с живыми, запоминающимися образами, главным из которых является конечно же «сыскной воевода» Никита Иванович Ивашов.

Уже сами обстоятельства появления Никиты Ивановича в царстве славного Гороха (в котором отчего-то угадывается Иван Васильевич, хоть и Грозный, но более напоминающий того, что «меняет профессию») вызывает ассоциации с целой вереницей хорошо известных читателю романов: «Амберскими хрониками» Желязны, «Создателем вселенной» Фармера, «Не время для драконов» Перумова и Лукьяненко, «Мессия очищает диск» Олди, «Лабиринтом» Макса Фрая. Однако, в отличие от большинства своих предшественников, герой Беянина не устраивает революций и переворотов, не становится императором и не ведет затяжных войн, а довольствуется скромной должностью участкового и суровыми буднями службы, которая «и опасна, и трудна». Цитата из песни, звучавшей в милицейском сериале «Следствие ведут ЗНАТОКИ», не случайна. Потому что в новообразованном царем Горохом отделении милиции служит почти такая же троица: сам Ивашов, эксперт-криминалист Баба Яга (которая Кибрит за пояс заткнет) и Дмитрий Лобов – «герой с фигурой Терминатора, только ростом повыше, а мозгов... вровень, что у одного, что у другого». И вот эта троица в меру своих сил и возможностей сражается со всякой нечистью, пытающейся погубить землю Русскую. То это «лица восточной национальности» – шамахань, наводнившие столицу двойниками первых чиновников государства, то заезжие немцы-проповедники, желающие отдать Русь во власть Вельзевула, то Кощей Бессмертный, похитивший чертежи летучего корабля. Прямо скажем, дела не совсем традиционные для правоохранительных органов. О таких ситуациях только в современных

супербоевиках прочитаешь. «Страшно, аж жуть!» – как писал В.С. Высоцкий.

Похвальна попытка А. Белянина создать образ положительного героя, о котором так долго мечтала наша литература. Никита Ивашов – истинно русский герой. Это и рыцарь без страха и упрека, и поэтически настроенная натура. Не случайно к нему как к своему тянутся многочисленные персонажи отечественного фольклора: русалки, полевик, водяной, леший. И даже девушка, в которую влюбился Никита («Летучий корабль»), оказывается «бесовкой» с рожками и хвостиком. Сам Кощей Бессмертный (местный криминальный авторитет) относится к сыскному воеводе с уважением, хотя и пытается при каждом удобном случае его извести. Да и простой народ видит в Никите Ивановиче своего заступника. Вспомним сцену народного бунта из «Летучего корабля», когда лукошкинцы требуют от царя Гороха освободить «батюшку участкового». На наш взгляд, романист верно уловил настроения, витающие в обществе. Народу, читателю просто надоело постоянное очернительство работников правоохранительных органов, валом идущее со страниц газет и журналов. Может создаться впечатление, что у нас вообще никто не борется с преступностью, а милиция занята внутриведомственными разборками. Потому и воспринят на ура телесериал «Менты», и умиляются зрители от ретроспективного показа «ЗНАТОКов», требуя снять их продолжение, что истосковались люди по подлинным защитникам их прав. Вспомним, насколько культовым был образ дяди Степы, насколько уважаемой была милицмейская форма. Заметим, что на Международном фестивале фантастики «Звездный мост-2000», проходившем в Харькове, А. Белянин был удостоен премии Университета внутренних дел МВД Украины «за создание положительного имиджа сотрудника милиции в романе „Тайный сыск царя Гороха“».

Симпатичны и двое других ЗНАТОКов. Хорош увалень Митька – любитель кислой капусты и охотник до знатной потасовки. Это типично русский характер и в то же время дружеский шарж на некоторых сотрудников милиции младшего звена. Административное рвение и какая-то по-детски наивная, умиляющая любовь к сыщицкому труду нередко доводят Лобова до неприятных ситуаций: то его в петуха превратят, то сразу пять невест явятся в райотдел осматривать будущее место жительства. Умудренная годами и опытом, присмирившая и проникшаяся религиозным духом (напомним ее манипуляции со святой водой, которую ей по «черноте» ее натуры вроде бы держать в доме не положено), Баба Яга сглаживает шероховатости, проистекающие от буйства крови молодых

сослуживцев, выступая в качестве миротворца и няньки. Парадоксально то, что этот персонаж больше всех печется о чистоте милицейского мундира. «Да рази ж так надо посетителей принимать? – усовещивает Баба Яга Никиту, нагрубившего царю. – Сюда люди идут с бедой, с горем, судьбой али лихими людьми обиженные, мы им помочь обязаны». Колоритны и второстепенные персонажи: Кощей Бессмертный, царь Горох (тут бы провести ряд параллелей, намекнуть на определенные аллюзии, но, надеемся, внимательный читатель и сам сличит портрет с оригиналом), дьяк Филимон Груздев, «альтернативный» сыщик-бедолага Паша Псуров.

Несмотря на сказочный антураж, в детективной трилогии фантаста ощущается связь с современностью. «Знаете, – говорит главный герой в „Летучем корабле“, – я здесь уже полгода, и первое время только и думал, как вернуться обратно в свой мир. Не то чтобы здесь так уж плохо... Милицейская служба востребована во все времена, даже при царе Горохе, тем более что царь у нас деятельный и работать при нем интересно. Но домой все же тянуло страшно. Потом одно дело, второе, третье, кражи мелкие, профилактические операции, общественно-разъяснительная деятельность, как-то отвлекся... А уж когда ухнуло памятное „Дело о перстне с хризопразом“, – тогда и стало ясно, где моя настоящая родина. Не в далекой, затерянной в будущем, коммерческой Москве конца двадцатого столетия, а в небольшом городке Лукошкино, в древней полусказочной Руси, где простому народу без защиты родной милиции – ну никак». На первый взгляд прямая оппозиция Руси сказочной и России современной. Однако присмотревшись повнимательнее, вы увидите, что противопоставления нет. Никита Ивашов сталкивается с теми же проблемами, что и в своем собственном мире: военные действия с восточными соседями; борьба с распространением нетрадиционных, зачастую опасных для людей, религиозных учений; промышленный шпионаж; вмешательство непрофессионалов в работу правоохранительных органов. «Любимого коня цыгане свистнули? Бояре в думе из-за бюджета передрались? Ключница пропала, к подвалам не подойдешь, а у государя меда сорокаградусного для излечения не хватило? Тоже нет?! Господи, да что же там у вас... Неужели дьяк Филимон свои мемуары за границей большим тиражом выпустил, гад?!» Понимаем всю несопоставимость этих литературных явлений, но романы Беянина отчего-то напомнили популярный цикл «высоких» детективов Б. Акунина об ЭрASTE Фандорине. Там автор прячется в XIX веке, здесь – в фольклорно-сказочном пространстве. Однако результат остается тем же.

При всей внешней простоте текстов Беянина, их веселости, они

буквально насыщены символикой. Чего стоит одно лишь только царство размером с деревню или небольшой городок. А ведь именно на таких провинциальных Лукошкиных стоит Русь-матушка. Ими она кормится, там сохранился истинно русский дух. Воссоздать неподражаемую атмосферу места, где все всех и обо всем знают, мог только писатель, сам родившийся и живущий в таком вот Лукошкине (да не обидятся на меня обитатели славного города Астрахани). А петух – символ пробуждения и спасения? Всем сотрудникам Лукошкинского райотдела он надоел до смерти, все (кроме Бабы Яги) его мечтают пришибить. Охота на петуха, проходящая через все три романа цикла, комична. Но как раз петух и спасает неоднократно героя от Кощея Бессмертного. В последнем романе появляется и символ летучего корабля, совершающего бессмысленные круговые полеты. Этакая игрушка, на которую ушло столько труда и интеллектуальной энергии нашего народа и из-за которой полегло столько людей (кстати, эти настоящие трупы, а не временно выведенные из строя противники приближают «Летучий корабль» уже к «серьезному» детективу и отчасти снижают комизм романа).

Судя по всему, в скором будущем нас ожидает продолжение приключений героя. Что ж, даст бог, одолеем супостата и на этот раз. По нашему мнению, книги Белянина просто обречены на успех и долгую жизнь. Потому что людям нравятся добрые и веселые сказки с хорошим концом. Хоть взрослые это и старательно скрывают.

И. В. Черный,

доктор филологических наук, профессор